ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1960 ГОД

9

ФЕДЯ УЖЕ ИНСТРУКТОР

На Федю Бакасто-ва младшие пионе-ры с уважением смотрят. Он уже пионер - инструктор. Он ведет кружок юных столяров в школе № 103 Крас-нопресненского рай-она г. Москвы.

Пригнать железку фуганка — нелегкое дело, особенно если не умеешь. Сейчас Федя поможет ребя-там наладить инстру-мент, и они вместе примутся за работу.

Фото С. Карасева

ПИОНЕР

Год издания 37-й

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СЕНТЯБРЬ

№ 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

1960 ГОД

СЛУШАЙ, ПИОНЕР!

ОЧЕНЬ ВАЖНЫЙ СОВЕТ ВСЕМ СОВЕТАМ ОТРЯДОВ.

Когда будете составлять план работы, включите в него сбор на такую тему:

«ЗАЧЕМ МЫ УЧИМСЯ?»

Нет, не думайте, что это вопрос странный, что и без того все знают, зачем мы ходим в школу.

Когда вы начнете сбор, вы увидите, что ребята по-разному будут отвечать на этот вопрос.

— Как зачем? Все дети учатся, вот и мы тоже...— скажут одни.

— Мама заставляет,— скажут, наверное, другие.

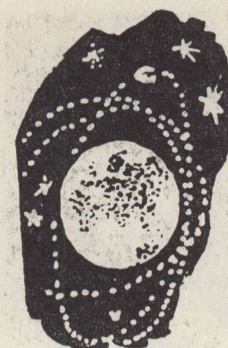
— Если не будешь учиться, не сможешь пойти в институт или техникум,— скажут третьи.

— Сейчас на заводах такие сложные станки, что без знания физики и математики не сможешь работать на них,— скажет еще кто-нибудь.

Кто же прав?

Верно, что без знаний не поступишь в институт; верно, что рабочий должен знать, например, тригонометрию, иначе ему и резца не заточить правильно.

Но дело не в этом.

Летом, пока у школьников были каникулы, в Москве, в Кремле, состоялся Всероссийский съезд учителей. На съезде выступил Никита Сергеевич Хрущев. Он сказал много важного для школы, для учителей и для ребят. В речи Никиты Сергеевича вы и найдете ответ на этот самый главный вопрос: для чего мы учимся?

Чтобы в нашу страну пришел коммунизм, говорил Никита Сергеевич Хрущев, нам нужно вот что:

материально-техническое богатство (много хороших заводов, много крепких колхозов, много товаров для людей) и

новые люди, умеющие жить и работать по-коммунистически.

Вот для того и ходят ребята в школу, чтобы вырасти новыми людьми, людьми коммунистического общества. Вот потому-то в нашей новой школе учат не только за партой, а и за станком, в поле, на фермах. Хорош был бы «строитель» коммунизма, если бы знаний у него было много, а делать он ничего не умел, и не было бы у него привычки трудиться на общую пользу, и вообще он презирал бы физический труд. Нет, таких в коммунизме не нужно.

Но все-таки зачем сидеть за книгами? Может, надо только научиться работать руками — и все? Это и проще, и легче, и незачем восемь или одиннадцать лет подряд каждый день ходить в школу и учить литературу, историю, географию. Зачем стихи токарю? Зачем доярке знать законы царя Хаммурапи?

Нет, говорил Никита Сергеевич, «знания нужны и доярке, и пастуху». Знания нужны вовсе не для того, чтобы получить «чистую» работу; «со знаниями жить легче и веселее».

Вот что рассказывал Никита Сергеевич об одном своем давнишнем друге:

«Мне вспоминается друг молодости Пантелей Махиня. Он был шахтер и много читал. В былые времена труд шахтера был изнурительным, каторжным трудом. Понятие о полезности учения в то время было такое: учиться на фельдшера — все-таки полезно: будешь людей лечить, или на штейгера («на штегера», как говорили тогда рабочие) — тоже полезно. И вот, когда Махиню видели с книгой,— а он всегда читал,— говорили: «Пантелей на штегера учится или на фельдшера». А Махиня смеялся: ведь он учился не на фельдшера и не на штейгера,— он учился для того, чтобы приобрести знания, чтобы лучше жить и сознавать свою роль в обществе, чтобы лучше познать смысл жизни».

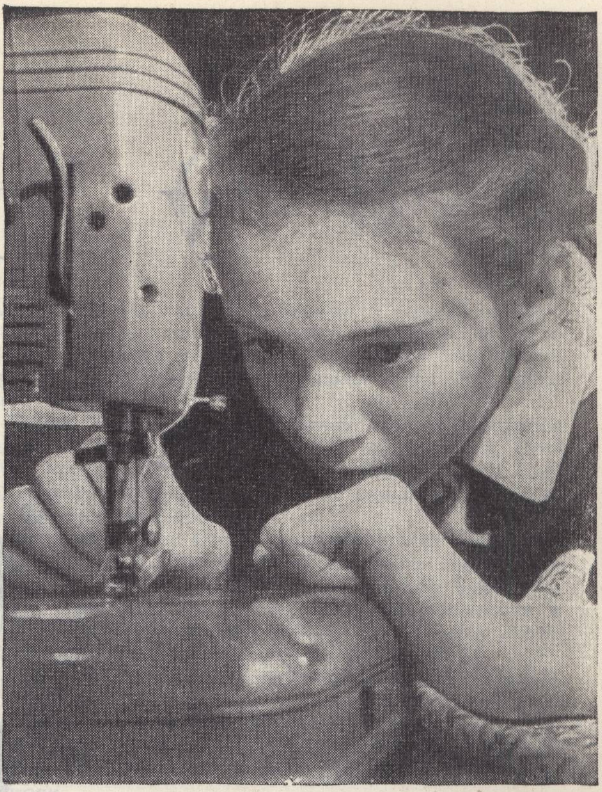

Видите, ребята, не так-то просто ответить на вопрос, зачем мы учимся. Надо почаще говорить об этом в отряде, надо приглашать на сборы и беседы взрослых людей — пусть они расскажут, для чего они учились и учатся.

Когда все пионеры, все ребята поймут, как нужны советским людям знания, они и учиться будут лучше, и читать больше, и в школе им будет интереснее.

И тогда каждый вырастет честным, сильным, порядочным — словом, человеком труда и мира — таким, какими должны быть все люди при коммунизме.

МОЛОДЦЫ, РЕБЯТА!

Когда Слава Башков, Сережа Пыльнов, Костя Баранов и другие ребята из 381-й московской школы уходили после практики с завода «Изолит», мастер механического цеха Григорий Гунченко сказал:

— С этими ребятами весело работается. Понимающие. Они у нас и в химической лаборатории отличились и на сборке электромоторов. Словом, кто пожелает после школы к нам, возьмем безо всякого.

Так же говорили об учениках 381-й школы на электромеханическом заводе и на швейной фабрике.

Похвала рабочих — высокая оценка. Значит, школа дала ребятам не только знания, но и научила их трудиться.

Оканчивая школу, ребята умеют водить машины, прекрасно разбираются в электротехнике, слесарном и токарном деле.

Чтобы рассказать о всех делах этой школы, о работе мастерских, лабораторий, кружков, наверное, не хватило бы целого номера журнала «Пионер».

Познакомьтесь с Наташей Голуб — ученицей пятого класса. Работая в школьной швейной мастерской, она вместе с другими девочками отлично овладевает тайнами портняжного искусства. Пройдет год, другой, и Наташа сможет сшить себе любое платье, какое ей только захочется.

Много ребят занимаются в кинокружке. Недавно они сняли фильм про стойкого оловянного солдатика. И этот фильм одобрили не только товарищи, мамы, папы, но и вся московская пионерия — он получил приз Московского городского дома пионеров.

Анатолий МОШКОВСКИЙ.
Рисунки П. Павлинова.

УЛИЦА

ФЕТИСОВА

Славка с матерью остались одни в незнакомом городе. Все пассажиры с поезда «Москва — Мурманск» давно разошлись, а они стояли на привокзальной площади с вещами, озирались по сторонам и не знали, что делать. Отец, служивший на базе подводных лодок на Баренцовом море, почему-то не встретил их.

Мать вытирала платком вспотевшее лицо, а Славка, навалившись животом на парапет, смотрел вниз, через железнодорожные пути, портовые строения и склады, на широкую полосу Кольского залива. На рейде стояли огромные сине-белые суда, между ними, старательно дымя черной трубой, суетливо носился катер.

— Ма,— Славка показал пальцем на огромный корабль с желтыми мачтами,— это торговый или танкер?

Мать скомкала платочек и спрятала в карман пальто:

— Скажи лучше, почему папа не приехал? Обещал ведь...

Славку удивила ее наивность.

— Ну как ты не поймешь, ведь дядя Вася — военный человек и, кажется, вчера говорил в купе: служба, в любое время могут приказать выйти в море.

— Да, я понимаю,— протянула мама. Кутаясь в демисезонное пальто, она думала о чем-то другом.

В воздухе кружились снежинки. С сопок, белевших ярким снегом, дул ледяной ветер. В порту пронзительно крикнул теплоход, внизу, промычав по-овечьи, пролетела электричка, а рядом с ними, на привокзальной площади, рядом с автолавкой и газетным киоском, совсем как в Москве, лоточница в белом халате продавала пирожки с мясом и капустой. По улице, блестя никелем и красно-желтым лаком, прошли два больших пассажирских автобуса, совсем такие же, какие ходят по столице.

Шоколадного цвета такси с шашками по борту подкатило к вокзалу, из него вылезли люди с чемоданами.

Славка дернул мать за руку.

— Ну чего мы тут ждем? На морской вокзал...

Такси мчалось по асфальту, потом по мягкой, пыльной дороге, затем, подпрыгнув на рельсах переезда, затряслось по булыжникам Траловой улицы.

Морской вокзал оказался довольно неказистым деревянным зданием: один этаж, дощатое крыльцо, небольшие окна. На длинных деревянных скамьях сидели и спали люди — колхозники прибрежных районов Баренцова моря, пограничники, военные моряки.

У оконца кассы толкалась длинная очередь. Часа через два, предъявив деньги, паспорт и пропуск в погранзону, мать получила билеты, и спустя два дня их пароход заколыхала мелкая волна Кольского залива.

Славка с матерью занимали каюту первого класса: узенькую комнатенку с двумя этажами коек с одной стороны, столиком, краном и огромным круглым окном — иллюминатором — с другой. В переборке в гнезде из толстой проволоки помещался графин с водой — ему не страшны толчки при большой волне.

Чайки, белые на фоне темных скал и сероватые на фоне чистого неба, носились над заливом. Опустив лапки, с хриплыми криками падали они в воду и, выхватив рыбешку, молчаливо взмывали вверх, на лету заглатывая добычу.

Каждую минуту Славка замечал что-то новое. Белое северное солнце синим пламенем поджигало снега, но не топило их. Еще не пришло время им таять. Гребешки волн блестели, перемигивались и пускали в глаза острые блики, и у Славки скоро заболели глаза. Он перешел на другой борт.

Потом берега потеснились, залив сильно раздался в стороны, и мальчик вдруг увидел по правому борту огромный военный корабль. Он стоял на рейде, остроносый, высоченный, многопалубный плавучий город из броневых башен, орудий, мачт и надстроек.

— Линкор! — вскрикнул Славка, упираясь грудью в поручни.

— Какой же это линкор? — с улыбкой сказал молодой матрос, оглядывая мальчика с ног до головы.— Крейсер это.

«Ага, это тоже не фунт изюма!» — подумал Славка, широкими глазами впиваясь в крейсер.

Теплоход, как назло, прибавил ходу, и крейсер, неподвижно стоявший на якоре, стал быстро удаляться, и Славка старался вобрать в память каждое его орудие, каждую линию и мачту. Он, наверно, весил много тысяч тонн. Его серая строгая сталь дышала мощью, суровостью флотских уставов, незыблемостью воинского долга.

Но почему-то казалось: вода легко и охотно держит эту стальную, спокойную, как скалистый остров, громаду с отвесным бортом, в середине которого виднелся номер корабля, выведенный белой краской. И почему-то Славка сразу вспомнил об отце. Пусть отец служит на совсем другом корабле, в сотню раз меньшем этой махины, но он живет в этом же мире — мире грозной серой брони, суровых уставов и доброй морской дружбы.

Крейсер уже скрылся за поворотом, растаяли его башни и мачты, а мальчик все смотрел и смотрел в его сторону. Он был потрясен. И неизвестно, сколько времени простоял бы он еще так, если б мать не отыскала его на верхней палубе и не увела в каюту.

Они быстро поели.

— А теперь спать.— Мама подставила складную стремянку, какие обычно бывают и в поездах.

Теплоход слегка покачивало, вместе с ним покачивался и мальчик.

Ровно стучал двигатель, сотрясая судно. Мелко дрожала в графине вода, колыхалась шторка перед койкой.

Славка и сам не заметил, как уснул.

Проснулся он от каких-то странных, никогда не слышанных им звуков. Прислушался. Сонно и однообразно тарахтела судовая машина, в обшивку била небольшая волна, но сквозь все эти привычные звуки уверенно и четко пробивалось:

— Бу-бу-бу.

Этот звук ритмично и громко проникал в каюту. Он все нарастал и нарастал.

Славка откинул одеяло, в одних трусах и майке спрыгнул на коврик. Мать крепко спала, подложив под щеку ладонь. Славка осторожно встал на табуретку, отвинтил холодный барашек, напрягся и приоткрыл тугой иллюминатор.

— Бу-бу-бу,— ворвалось в каюту вместе с плеском и шипением волн и морской сыростью.

Он встал коленками на столик, и тончайшие брызги холодной пылью коснулись его лица. Славка взглянул на море, стараясь найти корабль, издававший столь громкие и странные звуки. Корабля не было. Над водой стлался прозрачный туман. Он то скапливался в одном месте и становился непроницаемым, то растекался над волнами, и сквозь него все было видно, как сквозь редкую кисею на окне.

Море было пустынно, если не считать какого-то непонятного предмета. Он был похож на темный ящик. С судна какого-нибудь смыло его, что ли? Самое странное было то, что звуки исходили из этого самого ящика и волны не швыряли его как попало.

Он шел наперерез волнам. Когда волна вскидывала его, под ящиком показывалась длинная, такая же черная, как и он, доска. Вдруг Славка заметил на ящике темные фигурки. Они двигались. Больше сомнений не было — люди!

Потом с этого таинственного ящика неожиданно замигал прожектор: то вспыхнет, то погаснет, то вспыхнет несколько раз подряд, то с перерывами. Редкий, как вспышка электросварки, прожектор сигналил кому-то световым семафором. И только сейчас дошло до Славки: ведь это лодка, боевая подводная лодка.

И никакой это не ящик, а рубка с ходовым мостиком, а то, что он принимал за доску,— узкий стальной корпус, и встречная волна временами открывает его. А люди на ходовом мостике — военные моряки, подводники, и, может быть, один из них — его отец. При одной мысли об этом у Славки вспотел лоб.

А почему бы и не отец? Он не приехал на вокзал — значит, ушел по приказу в море, и вот, может, стоит он сейчас на мостике своей подводной лодки и передает по семафору жене и сыну привет и пожелание доброго плавания.

Легкое узкое тело лодки каждую секунду уменьшалось.

Скоро она превратилась в смутное пятнышко, затем растаяло и оно, и только звук лодки, все еще слышный и четкий, медленно замирал в туманной дали...

Мальчик закрыл иллюминатор, закрутил барашек, сел к столу, подпер голову и стал думать.

И как все произошло неожиданно и просто! Сколько раз мечтал он увидеть хоть одну настоящую, живую подводную лодку, и вот он ее увидел. И вначале даже принял за обыкновенный, сорванный с корабля ящик... Хорошо, хоть никому не сказал об этом, вот бы засмеяли его! То все хвастал приятелям, что не раз ходил с отцом в дальние походы на подводной лодке, а тут даже не узнал ее.

После этой встречи Славка каким-то новым взглядом рассматривал матросов со значками подводников на суконках и с особым нетерпением ждал появления Чаячьей губы, той самой знаменитой губы, где служил его отец.

Чаячья губа появилась внезапно, когда Славка меньше всего ждал ее. Теплоход остановился метрах в ста от скалистого берега с одинокими домиками у воды. Ни города, ни военной базы, только грустные серые сопки, покрытые белыми, как бескозырки, шапками снега. Как все это было непохоже на то, что ожидал увидеть Славка!

К борту подошел катер. По трапу на теплоход быстро взобрались два пограничника в зеленых фуражках. Были на катере и матросы с рюкзаками, и морские офицеры с чемоданами — видно, ехали в отпуск, но отца там не было.

Один молоденький офицер, без вещей, пристально рассматривал пассажиров, столпившихся у входа на трап. Его взгляд остановился на Славке, и мальчик почему-то отвел взгляд в сторону: уж не думают ли на катере, что он шпион и собирается попасть на берег, минуя пограничников? Те дотошно проверяли документы, сверяя пропуск с паспортом, но, как это ни странно, не обнаружили ни одного шпиона из доброй полусотни людей.

Более того, третий, щекастый, пограничник, оставшийся на катере, помогал спускаться по трапу каким-то старикам и бабкам с огромными мешками и самодельными фанерными чемоданами: катер покачивало, и трап то подымался, то опускался, и сойти на катер было нелегко.

Вдруг офицер, рассматривавший пассажиров, крикнул, глядя на Славку:

— Мальчик, ты Слава?

Славку бросило в жар, и он вцепился в мамину руку.

— Да, да,— крикнула мама,— он Слава, а что?

Офицер ничего не ответил ей. По краешку трапа, прогнувшегося под тяжестью громадного бородача с двумя чемоданами, он скользнул вверх, кивнул пограничникам — видно, хорошо знал их — и, вытянув руки по швам, предстал перед ними, тронул рукой козырек фуражки, поздоровался, сказал:

— Василий Михайлович поручил мне встретить вас и доставить на квартиру.

Мама сразу вся заулыбалась. Славка был мужчиной и не поддался так легко своим чувствам. Он даже сердито пошевелил бровями и строго спросил:

— А где папа?

— Не очень далеко. Скоро вернется,— охотно, но уклончиво ответил офицер. Подхватил два чемодана и с удивительной ловкостью слетел по качающемуся трапу вниз, потом так же стремительно взлетел вверх и унес на катер последний чемодан.

Когда все с теплохода сошли, катер взревел и помчался к скалам. Славка заметил, что в одном месте они расходятся и море глубоко врезается в материк.

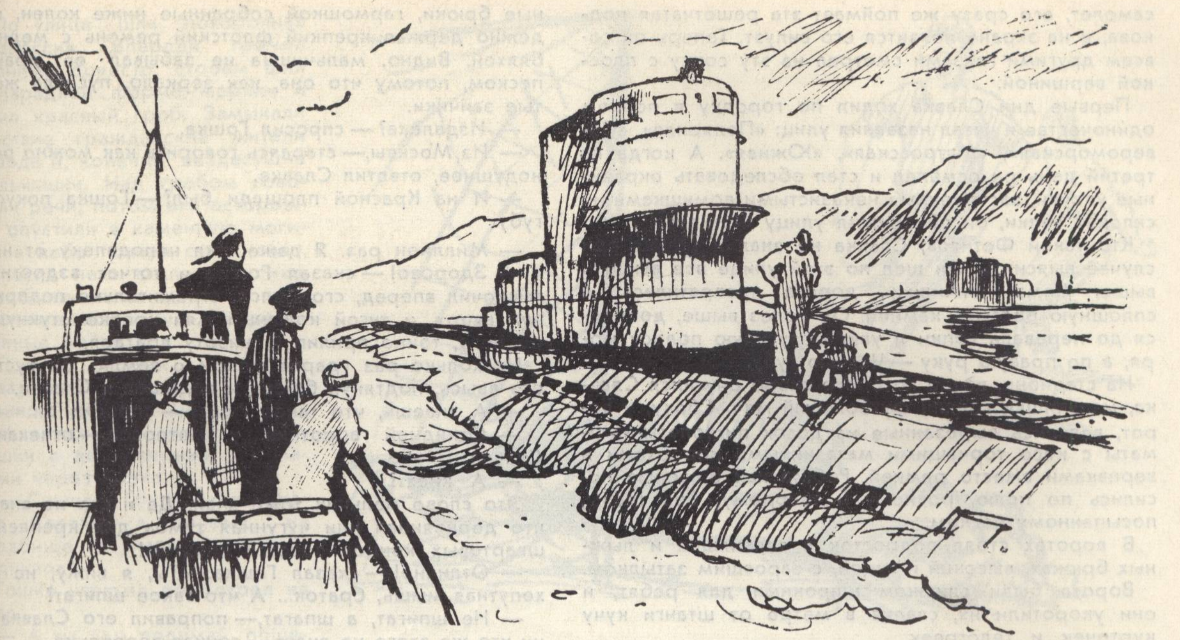
Туда-то, в горло этого залива, и шел катер. Горло было широкое. Мокрые, поросшие зеленью мхов и ржавчиной лишайников глыбы отвесно висели над водой.

Вот они миновали горло, и Славка увидел просторную, как море, ширь залива, окаймленную сопками. В одном месте, где сопки были пониже и берег не так круто обрывался к воде, пестрел домами небольшой городок.

— Матросск? — спросил Славка у офицера.

— Он,— ответил тот.

— А это... это...— Славка обвел рукой ширь залива.

— Чаячья губа...

— Я так и знал,— признался мальчик, хотя в самом деле и не подозревал, что и Чаячья губа и знаменитый городок Матросск, о которых он столько думал, так просто и буднично появятся перед ним.

Катер резко вильнул в сторону, пошел к причалу, и неподалеку от него Славка увидел длинный деревянный пирс и несколько узких и неподвижных подводных лодок возле него, таких же строгих и серых, как и стоявший на рейде крейсер, как это полярное море и небо, как эти молчаливые, крепкие скалы.

По ближней лодке ходили два матроса в пилотках и выцветших синеватых робах. Один держал в руках банку и, показывая кистью, что-то говорил второму, который широкими мазками красил борт лодки. Краска под его кистью блестела на солнце. И Славка почему-то вспомнил, как в Москве перед Первым мая вот так же красят маляры заборы, двери, дома, ларьки. И чем-то совсем не военным, а очень мирным и домашним веяло от этих лодок, и совсем не верилось, что они грозные и неуловимые корабли, которых так боялись в ту войну враги.

Ну в самом деле, ни орудий, ни башен, даже мачт и тех не видно. Лежат они на воде, у пирса, по спину погрузившиеся в воду, точно ленивые и добродушные, разомлевшие на солнце нерпы. Но кто-кто, а Славка-то знал, насколько обманчив их внешний безобидный вид!..

— Красятся.— Офицер кивнул на матросов с кистями в руках.— Из похода пришли, волна быстро смывает с бортов краску, вот и приходится каждый раз...

Катер подошел к деревянному причалу. Матрос в робе закрепил брошенный конец, и пассажиры полезли на причал. Молодой офицер опять подхватил два чемодана, мама несла третий, и вот они уже идут по широкой асфальтированной улице Матросска.

Так Славка очутился в этом маленьком военном городке.

Временно они с матерью поселились в квартире старшего лейтенанта Егорова, тоже подводника. Он уехал с женой и сыном отдыхать на юг и уступил им свою комнату. Дом был огромный, четырехэтажный, облицованный золотистой керамикой. В каждой квартире ванная, центральное отопление, телефон, паркетные полы. И часто, лежа на диване, где мать стлала Славке на ночь, он смотрел в потолок и думал: правда ли это, что он в Заполярье? Может, он в Москве и все это только сон?

Но стоило подойти к окну, как все сомнения улетучивались. Серые глыбистые скалы нависали над Чаячьей губой, высокие сопки, то остроконечные, то кривобокие, с синеватыми языками снега и мокрыми подтеками глядели Славке в глаза и дрогли от налетающего северного ветра — норда, как зовут его моряки.

Все в этой комнате было чужое: и стулья, и стол, и гардероб, и радиола «Аккорд» на тумбочке. Даже белые подоконники, на которых было нацарапано «Витя», и те хранили на себе следы чужой жизни. Поэтому-то вначале Славка с матерью чувствовали себя в этой комнате неловко, как в гостях: осторожно садились на стулья, боялись передвинуть или переложить с места на место тарелку, сковороду или книгу. Но постепенно они привыкли к чужим вещам, и они стали для них как свои.

Непривычным вначале был и город: у дома росли крошечные полярные березки, высаженные чьими-то хозяйскими руками, по улицам в линялых голубых робах строем ходили матросы — молодые крепкоголосые парни с развевающимися на ветру ленточками бескозырок или в синих, сбитых на висок пилотках. Иногда они шли с полотенцами под мышками,— значит, в баню, иногда с лопатами и ломами — на какие-то земляные работы.

На высокой сопке Славка заметил странное сооружение: на зеленой станине медленно крутилась огромная решетчатая подкова. Мальчик ломал голову: что это такое? Мама тоже не знала. Больше спросить было не у кого: ни с кем еще не подружился. Приставать с расспросами к пятилетней Иринке, жившей рядом, было глупо. Но Славка все же спросил, и она тут же сказала. Оказалось, это радиолокационная установка.

«Радар!» — сразу понял Славка. Как только в нескольких сотнях километров появится иностранный

самолет, его сразу же поймает эта решетчатая подкова, и на экране появится его силуэт. Теперь он совсем другими глазами смотрел на эту сопку с плоской вершиной.

Первые дни Славка ходил по городку в полном одиночестве и читал названия улиц: «Полярная», «Североморская», «Матросская», «Южная». А когда на третий день он осмелел и стал обследовать окраинные улочки, застроенные неказистыми домишками на склонах сопки, он обнаружил улицу Фетисова.

Кто такой Фетисов, Славка не знал и решил при случае выяснить. Он шел по этой улице все выше и выше. Дома кончились, дорога превратилась в сплошную россыпь камней. Он полез выше, добрался до перевала сопки и увидел тусклую полосу моря, а по правую руку — Чаячью губу.

На стадионе, возле которого скоро очутился Славка, мальчишки гоняли футбольный мяч. Сбоку, у ворот, валялись вырезанные из досок пистолеты-автоматы с косо торчащими магазинными коробками и веревками вместо ремней. Ребята как бешеные носились по полю, ровному и твердому, без травы, посыпанному песком.

В воротах стоял подросток в тельняшке и лыжных брюках, высокий и худой, с заросшим затылком.

Ворота были слишком широкими для ребят, и они укоротили их, свалив в метре от штанги кучу курточек и телогреек.

Внезапно мяч вылетел из черты поля и помчался на Славку. Он не растерялся и тут же ногой отбил его в центр поля. Игра продолжалась. Паренек в тельняшке посмотрел на Славку и почесал висок. Славка остановился. Паренек, не выходя из ворот, подозвал его к себе.

— Недавно приехал? — спросил он, глядя одним глазом на мяч, другим на Славку.

Славка ответил.

— Подводник?

Мальчик смутился, но вдруг каким-то седьмым чувством догадавшись, что вопрос касается не столько его, сколько отца, утвердительно кивнул головой. Узнав, что Славка перешел в пятый класс, паренек в тельняшке сказал, что, наверное, они будут учиться в одном классе.

Иногда на Славку смотрел один его глаз, зеленоватый с желтыми крапинками, иногда же, если мяч был далеко от ворот,— все два. А потом случилось так, что оба глаза его впились в мяч: игрок с пустой кобурой на поясе стремительно вел его к воротам. Паренек в тельняшке, как обезьяна, запрыгал в воротах, изгибаясь и выбрасывая вперед руки. Удар — он бросился вперед, и Славка увидел, как он, скорчившись, лежит на земле, прижав к животу мяч.

— Ур-р-р-а, Гошка! — закричали мальчишки.

Гошка медленно поднялся, сплюнул, отбил ногой мяч за центр поля, потом тщательно отряхнул от пыли ворсистые лыжные брюки, как ни в чем не бывало подошел к воротам и оперся о штангу.

— Трудный был мяч,— сказал Славка.— Чуть не с ножки снял.

— Ерунда,— ответил Гошка,— вот «мертвый» — этот трудный, а такой — пара пустяков.

Рукава тельняшки его были высоко закатаны, и Славка увидел на локте правой руки косую кровоточащую ссадину.

— Болит? — Славка ткнул пальцем.

— Царапина! — Гошка только сейчас заметил ее.— Через час присохнет. На мне, как на собаке, все заживает. Кровь хорошо сворачивается.

Славка с уважением посмотрел на него. У Гошки была костлявая широкая фигурка, не по росту длинные брюки, гармошкой собранные ниже колен, надежно держал крепкий флотский ремень с медной бляхой. Видно, мальчишка не забывал ее драить песком, потому что она, как зеркало, пускала желтые зайчики.

— Издалека? — спросил Гошка.

— Из Москвы,— стараясь говорить как можно равнодушнее, ответил Славка.

— И на Красной площади был? — Гошка покусал губу.

— Миллион раз. Я даже жил неподалеку от нее.

— Здорово! — сказал Гошка и тотчас вздрогнул, выскочил вперед, сгорбился, стремительно подпрыгнул вверх, и тугой кожаный мяч крепко стукнулся об него, точно прилип к животу вратаря.

Несколько раз ударив мячом о землю, он пустил его ввысь, подтянул брюки и подошел к Славке.

— А знаешь, что такое гюйс? — спросил он.

— Откидной воротник у матросов,— отчеканил Славка.

— А кнехт?

Это слово мальчик тоже знал. Да и кто не знает, что деревянная или чугунная тумба для крепления швартовых концов зовется кнехтом!

— Отлично! — сказал Гошка.— Ты, я вижу, не сухопутная мышь, браток... А что такое шпигат?

— Не шпигат, а шпагат,— поправил его Славка,— ну кто же этого не знает,— тонкая веревочка.

Тут Гошка хохотнул и дружески, впрочем, довольно чувствительно, щелкнул его по лбу.

— Шпигата не знаешь, салака ты в постном масле!

Неизвестно, сколько бы еще продолжался экзамен, но тут мать одного игрока из Гошкиной команды отозвала сына с поля, и Гошка крикнул Славке:

— Хочешь вместо?

— Хочу.

— А играть-то играл когда?

Это уже было похоже на оскорбление. Гошка, видно, думает, что, если человек не знает ничего про какой-то шпигат, значит, он вообще ни на что не способен.

— Играл! — дерзко крикнул Славка.— Жаль только, что буду в твоей команде, а то бы мой мяч ты не взял, в сетку бы вогнал вместе с тобой!

Гошка довольно улыбнулся — это была его первая улыбка со времени их знакомства.

— Ну, иди-иди, а то нам наклепают.

И Славка ринулся на поле вдогонку за мячом. Он играл в сборной школьной команде, считался неплохим игроком и очень хотел показать ребятам класс столичной игры.

Хотя Славка не забил ни одного гола, игра кончилась со счетом 3 : 2 в пользу Гошкиной команды. Ребята надели курточки, повесили на плечи пистолеты-автоматы и зашагали со стадиона. Его заняли моряки: готовились соревнования на первенство Северного флота, и футболисты вышли на тренировку.

Славку удивляла осведомленность Гошки: он знал буквально все, что делалось в Матросске. Как скоро выяснилось, он лично был знаком со Славкиным отцом и даже бывал в береговом кубрике его подводной лодки и отзывался об отце, что он отличный командир и вообще «хороший мужик».

С этого вечера жизнь Славки круто изменилась. Теперь у него были друзья, и весь городок от этого казался более уютным и привычным, и он обращал внимание не только на холодные молчаливые сопки с языками нерастаявшего снега и студеную рябь залива. Утром следующего дня он в самом лучшем настроении вылетел на улицу, и его хорошее настроение сразу разлетелось, как дым.

По улице шла похоронная процессия. Впереди гремел военный оркестр, строем шли в парадной форме моряки и плыл красный гроб. Замыкали шествие гражданские жители города и, конечно, вездесущие мальчишки. Над гробом говорили речи, потом его осторожно опустили в каменную могилу, в небо грянул сухой залп, и после него стало так тихо, что было слышно, как в губе пронзительно кричат растревоженные чайки.

Потом моряки двинулись назад, строем отбивая по каменной дороге шаг. Поплелись следом за ними и мальчишки с деревянными автоматами через плечо.

— Слушай, Гоша,— тихо сказал Славка,— а почему на кладбище так мало могил подводников?

Гошка угрюмо посмотрел на него.

— А ты сам подумай, пошевели мозгами.

Славка насупился, и его лицо выражало усиленную работу мысли.

— Потому что подводники редко погибают на земле, на берегу,— проговорил Гошка,— то подводная лодка на мину напорется, то с неба самолеты разбомбят, то эсминцы глубинками — это такие бомбы, которые рвутся на глубине,— забросают. Разорвет корпус, хлынет вода в отсеки — и поминай как звали. А сколько лодок пропало в войну без вести! Никто до сих пор не знает, как они погибли и в каком квадрате лежат. Вот взять хотя бы Гаджиева... Слыхал, наверное, Магомета Гаджиева, героя, того, который впервые всплывал и бил по кораблям противника из пушки и топил их?.. Ну так вот, он дал последнюю радиограмму: «Всплываю, веду огонь из пушки...» — и все, больше ни слова. С глубины моря телеграммы не дашь: радиоволны не проходят. Для этого нужно или всплыть, или высунуть наружу антенну... Ясно?

Говоря по совести, живя в Москве, Славка думал, что все, решительно все знает о подводных лодках и может любого заткнуть за пояс. А тут нá тебе...

— Ясно,— ответил Славка,— их могилы в море... А много наших лодок потопили?

— Да не очень, но все-таки...

Славка не мог не обратить внимания на то, что о гибели подводных лодок Гошка говорил с особой болью и волнением, и в лице его появлялось что-то мучительно-болезненное, краешки губ опускались и напряженно вздрагивали. И Славка вдруг остро почувствовал большую расположенность и доверие к нему.

— Гоша,— спросил он тихо,— а что такое шпи... шпигаты?

Гошка улыбнулся и объяснил ему, что подводная лодка имеет внутренний прочный корпус и легкий наружный, в нем-то вдоль борта и проделаны отверстия, через них в балластные цистерны при погружении входит забортная вода и выходит, когда сжатый воздух продувает цистерны. Лодка становится легкой и всплывает.

— Хочешь закурить? — вдруг спросил Гошка и достал из внутреннего кармана курточки смятую пачку «Севера». Славка не курил, папиросный дым вызывал у него отвращение, и завзятые курильщики их класса никак не могли пристрастить его к курению. Но ответить Гошке прямо, что он ненавидит папиросы, Славка не мог — тот бы еще решил, что он маменькин сынок,— и мальчик ответил:

— Что-то не хочется сейчас.

Гошка закурил один. Он с видом многоопытного курильщика покатал в пальцах хрустящую папиросу, зажег спичку, затянулся и, сладко прищурившись, выпустил облачко дыма.

К ним подошел коротенький мальчишка с огромной пустой кобурой на боку.

— Ты куда, Фетисов? — спросил он.

Славке на миг показалось, что эту фамилию он где-то слышал, но как он ни напрягал память, так и не мог вспомнить, от кого и где.

— Никуда,— ответил Гошка,— просто пошататься вышли.

Они и в самом деле без всякой цели бродили по Матросску. По дороге Гошка рассказывал, что знает в десяти километрах от города маленькую губу, в которой до сих пор есть птичьи базары. Вокруг птицы пораспуганы и не так-то легко собрать десяток яиц кайры или гаги, а вот там, в открытой им губе, на неприступном утесе, можно за час набрать мешок яиц, и за целый месяц не съешь потом. Гошка тайком приносил яйца домой, потому что собирать их запрещается законом. Гаги дают ценный пух, из них вяжут очень теплые свитеры, платки и другие вещи, и если каждое лето собирать их яйца, то гаги скоро совсем переведутся на побережье Баренцова моря...

— А если тебя поймают? — спросил Славка.

Гошка пустил ему в лицо струю дыма.

— Я не из тех, кого легко поймать. Черта с два меня поймаешь! Зато яйца, знаешь, какие вкусные! Во! Куда против них куриные! Я зараз могу выпить десятка полтора и на яичницу они годные — пальчики оближешь. Те, в которых уже птенцы,— выбрасываем, а нормальные — едим.

Славка исподлобья посмотрел на него. И неужели Гошке не жалко набирать мешки яиц? Ведь сколько

гаг и кайр губит он! Славка хотел сказать ему обо всем этом, но так ничего и не сказал, а то, чего доброго, Гошка подумает, что он слабонервный и чувствительный, как девчонка.

— Если будешь слушаться меня, свожу тебя в ту губу,— пообещал Гошка.— Идет?

— Идет,— ответил Славка.

— А у тебя голова не кружится, когда лазаешь по скалам? Там, знаешь, высоковато, сорвешься — яйцо всмятку из тебя получится, и идти нужно по узкому карнизу.

— Не кружится,— сказал Славка, хотя точно не знал, как будет вести себя его голова на большой высоте, потому что никогда еще не лазал по отвесным скалам.

— А кто твой папа? — внезапно спросил Славка.— Подводник?

— Мой? — Гошка хмуро посмотрел на него.— Ну, инвалид, а тебе что? Раньше был слесарем в мастерских по мелкому ремонту, а сейчас дома...

— А мама?

— В школе убирает. Техничкой.

— Так..— Славка уже слегка жалел, что задал приятелю эти вопросы.

Он почти был уверен, что Гошка является сыном какого-то знаменитого подводника, недаром он так хорошо знает все, что касается подводных лодок. А выходит, он, собственно говоря, не имеет никакого отношения к ним, к морю, к подводным силам Северного флота...

И Славке захотелось утешить его, сказать что-то теплое и хорошее.

— А ты ведь будешь подводником, правда? — спросил он.

— Буду, если по здоровью примут. Здесь строго.

— Примут,— твердо сказал Славка, оглядывая его крепкую, ширококостную фигурку.— Кого же тогда принимать, если не тебя?

Гошка пожал плечами:

— А кто его знает! Может, врачи что-нибудь и найдут.

— Все будет в порядке. Станешь командиром лодки, а потом, может, и контр-адмиралом.

Гошка скептически присвистнул.

— А ты не свисти. Все контр-адмиралы были когда-то мальчишками и, наверное, не мечтали, что станут такими большими начальниками... Контр-адмирал Фетисов — ведь это звучит, правда?

Гошка недоверчиво усмехнулся.

— Чудной ты какой-то!.. Все загадываешь да мечтаешь. А я далеко не заглядываю. Может, и до старшего матроса не доживу, а ты «контр-адмирал»... Начитался книжек. Оно все бывает проще и хуже, чем думаешь.

Славке стало скучно слушать товарища и захотелось перевести разговор на что-то другое. Видимо, и Гошка почувствовал это, потому что сам перевел беседу:

— Айда ко мне... Покажу кое-что.

— Что?

— Увидишь.

Они пошли. По дороге заглянули в «Гастроном». Гошка вытянул вперед голову, быстро прошел вдоль прилавка, цепкими глазами разглядывая коробки конфет, консервы, апельсины, пачки печенья. Шел он, властно расталкивая прохожих, потом зашагал к кассе. Возле кассы стояла очередь человек в пятнадцать.

Гошка подошел прямо к окошечку, постоял немного для приличия и протянул деньги.

Очередь зашумела:

— Куда он лезет? Времени нет?

— Нет,— заявил Гошка. Он ничуть не смутился шума. Даже Славка, стоявший поодаль, испугался за товарища и легонько покраснел, но Гошка был странно спокоен. Что-то ожесточенное и даже свирепое появилось в его лице, и тонкие темные брови проломились углом внутрь.

Полная женщина с двумя сумками — кожаной и авоськой — стала силой отталкивать его; он чуть отошел, но, видно, решил до последнего не сдавать своих позиций... Подождав, когда трое самых шумных и непримиримых покупателей выбили чеки и к окошечку подошел седой мужчина в шляпе и очках, с худой, жилистой шеей, Гошка сунул в окошко руку. Кассирша выбила ему чеки.

— «Казбек»,— сказал он одной продавщице.— Полкило ветчины,— бросил другой.— Коробку зефира,— приказал третьей, и везде брал без очереди.

Полная женщина с двумя сумками возмущенно покачала головой.

— Вот нахал! Сколько раз встречаю его,— никогда в очереди не постоит. И это школьник! И еще, может, пионер.

Неловко было Славке слушать, как поносят его товарища. Между тем на Гошку это совершенно не действовало. А если и действовало, то совсем в другую сторону. Он улыбался краешками губ и краснел не от стыда, а скорее от удовольствия. Славка готов был сквозь землю провалиться, ему даже было неприятно подходить к товарищу в магазине, потому что все бы увидели, какой у него друг. Когда Гошка с покупками под мышкой направился к нему, он выскользнул из магазина, и приятель нагнал его у парикмахерской.

— Ловко я это, а? — спросил он не без гордости.

Славке хотелось изругать его последними словами, но ведь он еще так мало знал Гошку, и браниться было бы просто невежливо. Да, кроме того, Славке в жизни не приходилось по-настоящему ругаться, просто некого было ругать. И он сказал мягко:

— И охота тебе было? Только шум...

Гошку это замечание укололо:

— Не хватало еще торчать в очереди! Я ведь не домашняя хозяйка.

— Мог и постоять. Десять минут, не больше.

Гошка совсем озлился:

— Ну что касается тебя, то можешь стоять и полдня, друг любезный, а я человек занятой.

— Вижу,— уронил Славка.

И это короткое замечание почти взбесило Гошку.

— Ты чего лезешь в бутылку? Я тебе что-нибудь сделал плохого? Для тебя же купил. Вместе дома жрать будем. Ясна обстановка?

В это время к ним подошел высокий мужчина в измятом костюме, ковбойке, с густой шевелюрой темно-русых вьющихся волос. Одну руку он держал в кармане.

— Привет, керя,— бросил он Гошке и пожал ему, как равный равному, руку.

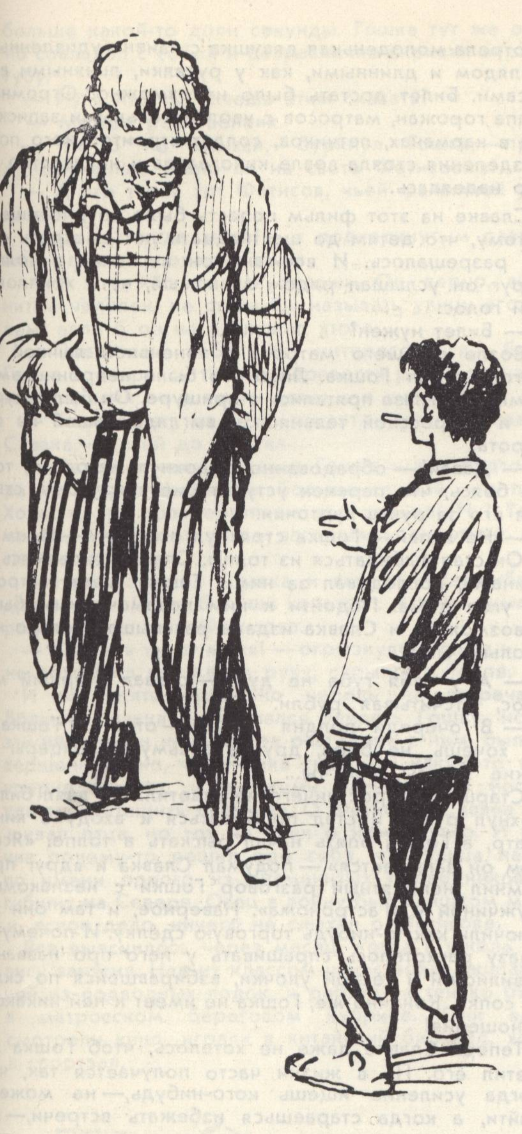
— Здравствуй,— небрежно, с достоинством проговорил Гошка.— Тебе чего, это?

— Ну да,— сказал мужчина,— организуй, будь другом.

— Можно,— великодушно произнес Гошка, и Славка вдруг понял, что его приятель очень нужен этому высокому, с пузырями на давно не глаженных брюках, и еще он понял, что разговор у них полусекретный и не нужно им мешать.

— Сколько? — деловито спросил Гошка.

— Две.

— Идет,— твердо сказал Гошка.— Услуги по-старому.

— Само собой,— заявил незнакомый.

— Куда принести?

Славка отошел еще дальше и не слышал, по какому адресу должен был Гошка что-то принести.

Мужчина ушел. Гошка подозвал к себе Славку.

— У меня тут небольшое дельце появилось,— сказал он, глядя ему в глаза,— встретимся завтра у стадиона. Согласен?

— Хорошо,— машинально сказал Славка, не зная еще, следует ли ему встречаться завтра с Гошкой. Уж очень с подозрительным типом беседовал он.

Назавтра Славка не пришел на стадион, как не пришел и через день и через пять дней. События завертелись, и ему просто было не до Гошки. Из плавания вернулся отец, и Славка не отходил от него. Он рассказывал ему о походе, о своем старпоме, о плавании американской подводной лодки с атомным двигателем «Наутилус» через Северный полюс подо льдами Ледовитого океана. В выходной день они ходили в Дом офицера смотреть кино, а перед началом сеанса отец научил его играть в большой бильярд.

Потом отцу дали комнату в соседнем доме, и они сообща переносили туда вещи. Кроме чемоданов, у них накопилось немало других вещей: мать успела накупить разных кастрюль, сковородок, ведер и даже приобрела в магазине керогаз. А когда отец сказал, что теперь он пойдет за своим имуществом на базу, Славка вызвался сопровождать его. Это была давняя мечта его: наконец-то он побывает на базе!

Дома военно-морская база представлялась ему в виде крепости: вся она, должно быть, окружена железобетонной, не пробиваемой никаким снарядом стеной, вокруг из специальных бойниц и башен торчат пушки и пулеметы разного калибра, чтоб никакой вражеский корабль не мог напасть на базу. Пирс тоже представлялся ему железобетонным, прочным, с железными кольцами с края, к которым и привязываются швартовые концы подводных лодок...

Только ничего этого он не увидел — ни пушек, ни пулеметов. Возле огороженного деревянным забором участка берега они прошли к воротам и увидели молодого часового с пистолетом-автоматом на груди — точно таким же, какой был у ребят на стадионе, только у тех он был сделан из досок, а этот — из металла.

Пройдя сквозь проходную, они очутились на асфальтовой площадке. Но и здесь не было ни пушек, ни пулеметов. Первое, что бросилось в глаза Славке,— это не подводные лодки, стоявшие у деревянного пирса, не плоское длинное судно без мачт и труб — ПКЗ — плавучая казарма, а играющие в волейбол матросы.

Неподалеку от пирса были врыты шесты, туго натянута сетка и две команды веселых и шумных молодых парней в синих линялых робах играли в волейбол. Они хохотали, брали трудные мячи, догоняли неудачно пущенный в сторону воды мяч, чтоб он не искупался... Ну никак не скажешь, что это военные моряки, несущие суровую службу на Баренцовом море!

Отец рассказал, как на плавбазе поселился большой приблудший щенок и как матросы выходили его; вчера он нечаянно сорвался с трапа, упал в воду, захлебнулся и, наверное, утонул бы, если бы матрос, обвязавшись концом, не спустился и не вытащил его.

Они шли мимо причальных кнехтов, возле подводных лодок. У трапов расхаживали вахтенные с пистолетами-автоматами на груди. Вдруг сбоку раздался скрежет, и Славка увидел необычную картину. Из распахнутых ворот арсенала четверо матросов выкатили тележку с длинной-предлинной, густо смазанной коричневым маслом торпедой. Колеса тележки легко катились по рельсам к большому паровому подъемному крану, который тоже стоял на рельсах, только у края пирса.

У края пирса и на палубе лодки стояли перемазанные коричневым маслом моряки и выкрикивали разные команды.

— Грузятся,— сказал отец и, дернув сына за руку, едва не поволок по пирсу.— Если будешь с такой скоростью идти, к вечеру не дойдешь до ПКЗ.

До плавучей казармы они добрались через две минуты, и Славка увидел большую каюту, в которой отец жил два года. Под круглым иллюминатором привинченный к палубе стол. На столе — его и мамина фотокарточки. Слева — полка с книгами, справа — койки в два этажа, так же как и в каюте того теплохода, на котором ехал сюда Славка, у двери — кран и раковина для умывания.

Все отцовские вещи влезли в два чемодана, один даже остался наполовину пуст.

Когда они выходили из плавучей казармы, Славка

заметил у дальнего пирса странную подводную лодку. Если все блестели свежей краской, охранялись вооруженными вахтенными и стояли под военно-морским флагом, то эта лодка казалась старой и заброшенной. Ее никто не охранял, над рубкой лениво болтался небоевой синий флаг, на борту темнели вмятины, серая шаровая краска во многих местах была ободрана.

— Жалею уже, что взял тебя,— вздохнул отец, видя, что Славка впился глазами в эту лодку. И чтобы скорее удовлетворить его любопытство, рассказал, что это лодка времен войны, огромная океанская крейсерская лодка «Катюша». Много немецких транспортов и сторожевиков пустила она на дно и даже торпедировала крейсер, забредший в северные воды. Теперь на ней УТС — учебно-тренировочная станция. Сюда приходят подводники учиться: надевают легкие водолазные костюмы и плавают в бассейне, устроенном внутри нее, борются за живучесть — учатся накладывать щиты и пластыри на места воображаемых пробоин, выходят через торпедные аппараты наружу...

Потом отец показал Славке небольшие суда-торпедоловы, которые во время учений в море вылавливают и лебедкой поднимают на борт учебные торпеды — ими подводные лодки стреляют по цели. Увидел Славка и противолодочные корабли — главных врагов подводных лодок. И на каждом из них развевался военно-морской флаг страны.

Солнце склонилось к сопкам. Они шли по пирсу к проходной. Вдруг по радио над базой разнеслись слова:

— Под гюйс и флаг смирно!

На палубах подводных лодок и на корме плавбазы застыли ряды моряков. Отец мгновенно поставил чемоданы на пирс, повернулся лицом к флагу, выпрямился и взял под козырек. По флагштокам кораблей медленно поползли вниз флаги. Славка, не зная, что делать, тоже застыл.

Потом прозвучала команда «вольно», и они пошли дальше, и Славка чувствовал какой-то непонятный подъем, как будто и он был немножко моряком и слова команды, гремевшей над Чаячьей губой, над мшистыми скалами, пирсами и лодками, относились и к нему лично...

Быстро летели дни. Славка уже назубок знал и что такое шпигаты, и чем командирский перископ отличается от зенитного, и как на учении стреляют по цели торпедами (они должны пройти под целью), и много других простых и хитрых вещей. У него появились новые друзья, и он стал постепенно забывать про Гошку. А если он и встречал его на улице, старался не замечать: уж слишком неприятны были воспоминания о магазине. И быть может, до самой школы не столкнулся бы с ним Славка, если б однажды, проходя по кривой нагорной улочке, он не прочел на скромной дощечке надпись: «Улица Фетисова».

Славка так и остался стоять. Ведь у Гошки фамилия Фетисов! Не имеет ли он какого-либо отношения к этой улице?

Теперь Славка сам ждал встречи с приятелем. Он специально бегал на стадион, наведывался к магазину. Гошка как сквозь землю провалился. Между тем любопытство Славки разгоралось все больше и больше. Он даже решил узнать у кого-нибудь из мальчишек Гошкин адрес и сходить к нему домой.

Однако делать этого не пришлось...

Однажды в воскресенье в местном кинотеатре шла картина «Колдунья». С афиш, расклеенных по городу и на щитах кинотеатра, на жителей Матросска смотрела молоденькая девушка с наивно-удивленным взглядом и длинными, как у русалки, льняными волосами. Билет достать было невозможно. Огромная толпа горожан, матросов с увольнительными записками в карманах, летчиков, солдат строительного подразделения стояла возле кинотеатра и неизвестно на что надеялась.

Славке на этот фильм попасть было трудно еще и потому, что детям до шестнадцати лет смотреть его не разрешалось. И все-таки он вертелся в толпе. Вдруг он услышал рядом знакомый, чуть хрипловатый голос:

— Билет нужен?

Возле старшего матроса с тоненькой лычкой на погоне стоял Гошка. Лицо его было непроницаемо-замкнуто, глаза прятались в прищуре. Он был в куртке и матросской тельняшке, выглядывавшей из отворота.

— Давай! — обрадованно выдохнул матрос и, точно боясь, что паренек уступит билет другому, схватил его за рукав курточки.

— Не лапай.— Гошка стряхнул его руку.— Идем.

Он стал выбираться из толпы. Славка, скрываясь за спинами, последовал за ними. Гошка завел матроса за угол дома. Подойти к ним незамеченным было невозможно, и Славка издали расслышал только несколько слов.

— А у тебя губа не дура,— сказал старший матрос, отсчитывая рубли.

— В очереди полдня торчал,— ответил Гошка,— не хочешь, не бери, другие возьмут. Офицеры не такие жмоты, как ты...

Старший матрос ничего не ответил. Он взял билет, махнул рукой и стал пробираться к входу в кинотеатр, а Гошка опять начал рыскать в толпе. «Ясно, чем он занимается»,— подумал Славка и вдруг припомнил непонятный разговор Гошки с незнакомым мужчиной у «Гастронома». Наверное, и там они заключили какую-нибудь торговую сделку. И почему-то сразу расхотелось спрашивать у него про название извилистой и тесной улочки, взбиравшейся по склону сопки. Конечно же, Гошка не имеет к ней никакого отношения!

Теперь Славке даже не хотелось, чтоб Гошка заметил его. Но в жизни часто получается так, что, когда усиленно ищешь кого-нибудь,— не можешь найти, а когда стараешься избежать встречи,— наталкиваешься.

— Эй, кореш! — крикнул Гошка, догоняя его.

Славка остановился. Гошка улыбнулся краешками неровных, со щербатинками зубов.

— Чего пропадал? Ведь я звал тебя. Попировали бы. Многое упустил.

— Так...— замямлил Славка.— Папа с моря пришел, на другую квартиру переезжали...

— Ясно, а я уж думал, ты опять укатил в свою Москву.

Славка немного обиделся:

— Ну вот еще! Зачем же я ехал тогда?

— А кто тебя знает! — с оскорбительным спокойствием бросил Гошка, и Славка вдруг потерял всякую робость и боязнь обидеть его. Он сейчас мог задать ему любой вопрос.

— Твоя фамилия Фетисов? — спросил он в упор.

— Ну? А тебя это очень беспокоит?

— Не очень. Просто я видел в нашем городе улицу Фетисова.

Гошка на мгновение вздрогнул, и в его глазах вспыхнуло что-то похожее на испуг и удивление, будто его внезапно разоблачили, предъявили неожиданное обвинение. Но эта растерянность длилась не

больше какой-то доли секунды. Гошка тут же отлично совладал с собой и безразлично скривил верхнюю губу.

— Ну и что ты хочешь этим сказать?

— Может, родственник.

— Что-то не слыхал,— буркнул Гошка,— просто однофамилец. Мало ли на свете Фетисовых!

— А кто такой тот Фетисов, чьей фамилией улицу назвали?

— Да я откуда знаю? — с подчеркнутым равнодушием пожал плечами Гошка.

— А я думал, ты все знаешь. Он, верно, знаменитый человек, не стали бы называть улицу его именем, если б он не заслужил этого.

— Представь себе, не интересовался,— бросил Гошка и, стараясь тут же перевести разговор на другое, спросил: — А ты не хочешь в кино?

— Билета нет, да и не пустят,— вяло проговорил Славка,— детей до шестна...

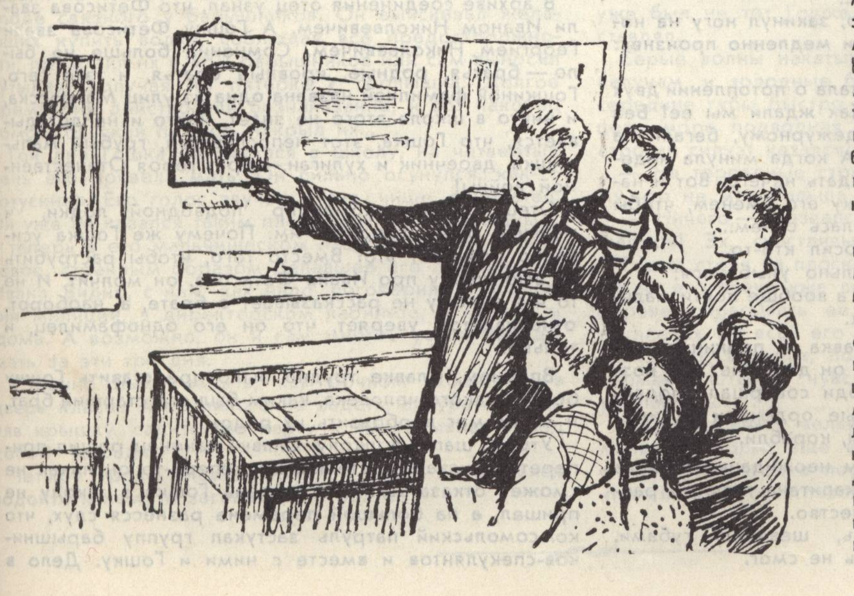
— Балда,— нежно сказал Гошка,— как будто вчера на свет родился! Ты больше слушай, что пишут. Хочешь, мы враз обтяпаем это дельце? Ну? Только скажи.— Гошкины глаза загорелись энергией и готовностью.

— Нет,— ответил Славка и зевнул,— как-нибудь в другой раз. Спать больше хочется... А я уж думал, ты родственник того Фетисова...

— Отстань ты от меня! — огрызнулся Гошка и, даже не пожав на прощание руку, скрылся в толпе.

И они опять несколько недель не встречались. Больше Славка не старался увидеть Гошку, но все эти недели он не забывал разговора с ним. Было совершенно ясно, что Гошка скрывает какую-то тайну, упорно молчит, и никакими клещами из него не удастся вытащить ни слова. О Фетисове Славка спрашивал отца, но тот не знал о нем ничего. И мальчик почему-то решил про себя, что улица названа по имени одного из знаменитых подводников, погибших на Севере. Отец в войну был слишком молод, и, ясное дело, ничего не слыхал о Фетисове.

Все выяснилось через месяц, когда в школе начались занятия. Над их классом шефствовал экипаж одной из подводных лодок, и ребята частенько бывали в матросском береговом кубрике. Они вместе смотрели кино, играли в китайский бильярд, ходили в спортзал.

Как-то раз, когда ребята собрались в Ленинской комнате соединения, старый подводник, капитан первого ранга Гришин, несколько лет уже служивший на берегу, рассказал мальчишкам и девчонкам Славкиного класса о войне. Гришин служил на одной из лодок штурманом и не раз ходил в опасные рейсы к норвежским фиордам, где базировался немецкий флот. Лодка торпедировала вражеские транспорты, вырывалась у фиордов, уходила от глубинных бомб, которыми забрасывали ее эсминцы и сторожевики. А как-то она пролежала на грунте десять часов, выключив все моторы, с поврежденным двигателем и, кое-как устранив повреждение, ушла на свою базу. Другие же лодки так и остались лежать на дне Баренцова моря, и до сих пор там лежат в иле, ракушках и водорослях, и никто не знает тайны их гибели, никто не знает о тех последних мыслях, желаниях и надеждах моряков, втиснутых в стальные отсеки...

Но все-таки чаще лодки возвращались. Они входили в губу и салютовали из пушки: сколько выстрелов — столько кораблей противника пустили они ко дну. Они швартовались у пирсов, все обледеневшие; с leеров, ограждения боевой рубки свисали гигантские сосульки, тяжелые литые бороды льда, на палубе темнели скользкие намерзшие бугры.

Из рубочного люка появлялись люди, заросшие щетиной, измученные недосыпанием и вечной опасностью, недостатком свежего воздуха и питьевой воды, но всегда насмешливые и непреклонные, надежные и спокойные, люди ратного труда...

— Товарищ капитан первого ранга,— вдруг быстро спросил Славка,— а кто такой был Фетисов?

Командир повернул к нему седеющую голову.

— Ваня Фетисов? Ты о нем спрашиваешь?

Славка не знал, как зовут Фетисова.

— У нас есть улица такая,— пояснил он.

— Ну-ну, его имя и присвоили улице... Имя Вани Фетисова, североморца...

— Он был командиром лодки? — продолжал атаку Славка.

— Нет,— ответил Гришин,— он был старшиной первой статьи, рулевым-сигнальщиком. Его хорошо помнят ветераны. О нем много писали во время войны, когда его наградили двумя орденами Красного Знамени. Он был замечательным человеком, смелым, веселым, добрым и очень сильным. Когда он был на вахте — сидел на ходовом мостике, на руле и наблюдал за небом и морем,— ничто не могло укрыться от его глаз. Помню, мы с ним вместе были на мостике. Вокруг вроде тишина и покой, да вдруг слышу голос Фетисова: «В пяти кабельтовых по правому борту предмет. Подозреваю, что мина».

И не ошибся. Круглая, утыканная рожками взрывателей мина неслась на лодку. Вовремя уклонились. Непонятно, каким образом, но видел он очень далеко, и все, буквально все замечал: и разбитую шлюпку, и одинокую бочку в море, не говоря уже о самолетах или кораблях противника, когда они находились так далеко от лодки, что казались не больше пылинки. Лицо у него строгое, сосредоточенное, глаза смотрят пристально

и цепко. И все видят. Молчит, лишь изредка обратится:

«Товарищ лейтенант, разрешите закурить?»

Как-то раз вышли у нас из строя вертикальные рули. Время тревожное. Над морем летают самолеты... Так и так, объяснил командир лодки команде, положение рискованное, нужно вылезти на корму и починить рули. Если поблизости появится самолет, лодка срочно погрузится без того, кто возьмется починить рули. Самолет скорее всего появится... Кто согласен?

«Я»,— ответил Ваня Фетисов.

И больше ни слова не сказал.

Одели его потеплее, дали инструменты, веревку — привязаться к лодке, чтоб волна не смыла. Он кивнул ребятам, слабо улыбнулся и полез, загремел ногами о стальную палубу. Все замерли: почти на гибель посылают человека. Целый час окатывало его ледяной водой, кололо брызгами, прижимало ветром, а он, как малый бугорок, скорчился на корме, примостился, прижался к стальному корпусу и работает. Минут через сорок, держась за леер, подошел к пушке, взобрался по трапу на мостик, и здесь голос: «Воздух!» Это значит — фашистский самолет. Скатились мы кубарем в рубочный люк, задраили его, заработали насосы, нагнетая в цистерны быстрого погружения воду, и вот мы уже на глубине...

Лишнюю минуту задержался бы Ваня с ремонтом — погрузились бы без него. Крепка у моряков дружба, да боевым кораблем нельзя рисковать...

— А когда же он погиб? — не смог удержаться от вопроса Славка.

— Погиб он через год. Во многих еще походах участвовал он и не раз выручал экипаж из беды. Потом мы стали на ремонт. Другая лодка из нашего подразделения уходила из базы с заданием перехватить немецкие транспорты с оружием. Да случилось так, что в их команде заболел и списался в госпиталь рулевой-сигнальщик. Ваня Фетисов сидел в командирской каюте, когда явился командир уходящей лодки. Так и так, говорит, выручи опытным сигнальщиком, вы ведь пока на отдыхе, через четыре денька верну живым-невредимым, да еще, может, с орденом.

Тут и встал со стула Ваня.

— Разрешите мне, товарищ капитан третьего ранга? Только не за орден, а так...

Посмотрел на него командир, закинул ногу на ногу, потрогал пальцами колено и медленно произнес:

— Не возражаю.

Ушла лодка из губы, радировала о потоплении двух транспортов и не вернулась. Как ждали мы ее! Без конца звонили оперативному дежурному, бегали на берег. Нет лодки. Нет, и все. А когда минула неделя, всем стало ясно: больше ждать нечего. Вот и назвали уже после победы улочку его именем, чтобы хоть какая-нибудь память осталась о нем...

— А он старый был? — спросил кто-то.

Капитан первого ранга печально улыбнулся:

— Для вас, может, и старый, а вообще почти мальчишкой был: чуть за двадцать...

— Молодой! — вздохнул Славка и прикинул, что через каких-нибудь восемь лет он достигнет его возраста, того возраста, когда люди совершали подвиги, заслуживали высшие боевые ордена и их именами назывались улицы, школы, корабли.

И вдруг ему в голову совсем неожиданно пришла новая мысль, и он спросил у капитана первого ранга, какое у Фетисова было отчество.

Гришин, пытаясь вспомнить, шевелил губами, смотрел в окно, но припомнить не смог.

— Откуда мне помнить? — сказал он.— Ваня был в таких годах, когда только по имени зовут. Это в архиве надо узнать или у его дружков, если они остались.

Чувствуя, что ребята всерьез заинтересовались Фетисовым, капитан первого ранга посоветовал им сходить в комнату Боевой славы соединения и посмотреть на его портрет. На стенах комнаты висело множество портретов подводников — фотоснимков военных лет: вот экипажу лодки вручают гвардейское знамя, вот моряки обкалывают ломиками лед с палубы только что вернувшегося корабля, вот лодка отошла от пирса и с ходового мостика ее машет рукой знаменитый командир лодки Герой Советского Союза, потопивший двенадцать судов противника, ныне контр-адмирал.

Были в комнате Боевой славы пожелтевшие вырезки газет, дарственные книги писателей, побывавших в войну и после нее на флоте, макеты легендарных лодок, уцелевшие личные вещи погибших командиров, красные знамена с вышитыми золотом номерами частей...

— А вот и Фетисов,— сказал Гришин и показал на большой, мутноватый, очевидно, увеличенный с маленькой карточки портрет.

Весело, чуть прищурив широкие прямые глаза, смотрел на Славку молодой решительный парень. Губы его были плотно сжаты, но ямочка на подбородке, слегка вздернутый нос и полные веселой отваги прищуренные глаза говорили о том, что этот парень редко унывает. К форменке его были привинчены два ордена Красного Знамени, и потому, что они были привинчены как значки, а не торжественно подвешены на пестрых орденских планках, можно было сразу определить, что снимок относился к военным годам.

Славка смотрел на его лицо, не отрываясь. Как оно похоже на Гошкино лицо! То же упрямство в губах и та же неунывающая веселость и лихость в глазах. И все же в Гошкином лице не было чего-то важного и обязательного, что было у Ивана Фетисова. Не было в нем той доверчивой и ясной доброты, откровенной радости в выражении глаз, может, несколько самонадеянной и беспечной, но до того широкой и открытой, что этому человеку прощалось все.

В архиве соединения отец узнал, что Фетисова звали Иваном Николаевичем. А Гошку Фетисова звали Георгием Николаевичем. Сомнений больше не было — братья, родные, кровные братья, и это его, Гошкиной фамилией названа одна из улиц Матросска, и никто в школе этого не знает, никто и не догадывается, что Гошка, этот непослушный, грубый мальчишка, двоечник и хулиган,— брат героя Отечественной войны!

Отец Славки — командир подводной лодки, и мальчик очень гордится им. Почему же Гошка усиленно скрывает это? Вместо того, чтобы раструбить на всю школу про Ивана Фетисова, он молчит. И не то что никому не рассказывает о брате, а, наоборот, отнекивается, уверяет, что он его однофамилец, и только.

Впрочем, Славке трудно было представить Гошку братом такого человека, каким был его старший брат, и он не мог вообразить их рядом.

Утром, шагая в школу, Славка наконец решил припереть приятеля к стенке. Уж теперь-то он никак не сможет отказаться. В этот день Гошка в школу не пришел, а на большой перемене разнесся слух, что комсомольский патруль застукал группу барышников-спекулянтов и вместе с ними и Гошку. Дело в

том, что в городе не продавали спиртных напитков; даже пива и того не было в магазинах. И вот кучка спекулянтов решила подзаработать; они контрабандой привозили в чемоданах водку и исподтишка продавали по полсотни за пол-литра... Гошка был чем-то вроде связного у барышников. Он выискивал желающих купить водку, соблюдая все предосторожности, приводил их в дом барышников или сам выносил бутылку, получая по пятерке с горлышка. Долгое время они действовали безнаказанно, и вот наконец комсомольский патруль накрыл их...

Три дня Гошка не являлся в школу, на четвертый день его привела мать. Он сильно осунулся, как-то потускнел. Его голос звучал мягче, чище, виноватей. Он уже не казался таким плечистым и бесшабашным, и теперь в его мальчишеском лице появилось что-то новое, странным образом делавшее его похожим на Ивана. Видно, с ним как надо поговорили в отделении милиции, в директорском кабинете, а может, и дома. А возможно, он и сам многое успел передумать за эти три дня.

Странно было видеть, как бочком входит он в дверь класса, чтоб никого не задеть, аккуратно, подняв крышку, садится за парту и выкладывает перед собой тетради.

Четыре урока Славка терпел и никак не решался подойти к нему и заговорить о брате.

Только после конца занятий собрался он с духом. Они вместе вышли из школы. Вначале Славка хотел завести разговор издали. Но в самый последний момент передумал. Нечего с ним церемониться, его скорее проймешь резким словом, чем предупредительным, осторожным подходом.

Они шли по тротуару вдоль худеньких кривых березок. Черная осенняя туча висела над Матросском. Чайка прилетела со стороны губы и пронеслась над улицей.

— Ты чего скрывал про Ивана? — вдруг резко сказал Славка.— Про Ивана Фетисова, героя войны. Я все узнал про него, не отпирайся.

Гошка молчал. Зато Славка уже не мог остановиться. Слова, которые целый месяц вызревали в нем, вдруг нашли выход. Ребята шли по мокрому асфальту, потом по лужам и грязи окраинных улочек, по беспорядочно разбросанным камням берега Чаячьей губы. И Славка все говорил, говорил, говорил:

— Теперь я понял, почему ты боялся признаться, теперь я все понял... Иметь такого брата и молчать... Да это же, это же...

— Замолчи! — Гошка гневно скрипнул зубами.

Но Славка не испугался.

— Ты просто трус,— с плеча рубанул он,— и грош тебе цена. И то не целый грош, а ломаный.

Гошка насупился. Потом, запинаясь, сказал:

— Да если б... Если б все знали... Я б тогда ничего не мог... Нельзя было б...

— Вот именно! — жестко сказал Славка.— И тем более, имея такого брата...

И тут Славка хотел сказать ему, что слава брата ложится и на его плечи, и куда легче быть незнаменитым и заурядным, чем человеком, которого знают все, что суровая и трудная эта вещь — слава, беспокойно и ответственно с нею жить.

Но вдруг Гошка вскинул голову и нарушил все его мысли.

— А тебе какое дело? — спросил он со скрытой угрозой.— Что ты понимаешь в этом? С мамочкой да папочкой жил, а учить хочешь? Сыт! Сам знаю, дураком был, лез на рожон. Со скуки все это. Не люблю тихую жизнь. А про Ивана чтоб больше ни слова. Не тебе его касаться. Ясно? Точка.

Славке стало не по себе. Все приготовленные слова стали вдруг ничтожно маленькими, ненужными, и он неожиданно потерял власть над Гошкой. Это уже был не тот Гошка, каким он его знал и представлял.

Серые волны накатывались на берег, хлестали по валунам, и холодные брызги долетали до них. Посередине губы быстро двигалась на выход в Баренцово море подводная лодка, и против солнца ее строгий силуэт казался черным и таинственным.

— На торпедные стрельбы,— сказал Славка, потому что не мог больше молчать.— Хорошо идет.

— Ничего,— отозвался Гошка,— скорость будь здоров! Эх, счастливые!..

Гошка стоял на плоском валуне. Он сутулился, точно на его плечи уже легла слава брата и он был не вправе сбрасывать ее, а должен всю жизнь нести на плечах. Во всей его фигуре, в прочно расставленных ногах, в руках, по локти засунутых в глубокие карманы штанов, чувствовалась твердая, холодная решимость.

Черный силуэт мелькнул среди волн и скрылся, и мальчики долго еще вглядывались в просторы Чаячьей губы, чтоб в последний раз увидеть лодку и пожелать ей счастливого плавания.

Кузница

Ю. АНДРИАНОВ

Угля черная гора
Дом скрывает этот.
В нем всегда стоит жара:
И зимой и летом.

Ведь недаром из трубы
Выше старой ивы
Дым взлетает на дыбы,
Словно конь ретивый!

Здесь больница для калек:
Тачек, лобогреек,
Кос, граблей, плугов, телег,
Сеялок и жнеек.

А один больной бедовый!
Бьет копытом в грудь земли:
Очень злится, что подкову
Потерял вчера в пыли.

Им лекарств давать не надо,
Будут их лечить кувалдой.

Вот и врач стоит у горна.
Дышит пламя жарко.
Был кусок железа черным,
Стал, как солнце, ярким.

Молодой веселый врач
Невысок, зато силач.
Коль захочет, кочергу
Он в момент согнет в дугу.
Тронешь мускулы — броня,
Закалилась у огня!

Он сейчас излечит всех их,
Жмет усердно на меха.
И телега сможет ехать,
Конь — скакать,
А плуг — пахать.

Рисунки А. Брея.

Едут тучки

Меж землей и солнцем жгучим
Друг за другом едут тучи.
Не в трамвае, не в карете,
Не в космической ракете —
Гонит их по небу ветер.
Счесть их все никто не сможет!
Вот одна на дом похожа:
Тут труба, а там крылечко.
Эта в виде человечка,
У которого нога,
Как кривая кочерга!
А потом тот человечек
Превратился в двух овечек.

Вот фарфоровая ваза,
Рядом с нею простыня...
Ваза вдруг разбилась сразу
На три части, не звеня.
Проползают в небе раки,
Мчатся кошки и собаки.
Возле солнышка из меди
Скачут белые медведи...
Сколько здесь героев книг
За один увидишь миг!

Посмотри на небеса
И увидишь это сам!

Лесник

Шагает по лесу лесник.
Блестит тропа, как ножик.
Он с детства жить в лесу привык
И без него не может.

Он любит слушать птичий звон,
Шагая по тропинке.
Заводят птицы патефон,
Хорошие пластинки!

Знаком ему здесь каждый дуб
Вокруг, любая елка.
С ним разговор они ведут,
Кивнув зеленой челкой.

Вот сосны. Он их сам сажал,
Когда был помоложе.
Как стайку маленьких ежат,
Их ветерок тревожит.

Уже слизав с травы росу,
Разносит ветер вести,
Что все цело в его лесу
И все растет на месте.

В Судане, там, где сливаются Белый и Голубой Нил, находится провинция Гезара. Круглый год трудились раньше суданские крестьяне на хлопковых плантациях, принадлежавших колонизаторам, но заработка их едва хватало, чтобы не умереть с голоду. Ребята работали наравне со взрослыми, у них не оставалось времени для учения. Да и школ здесь почти не было. Только после того, как суданский народ завоевал независимость, в республике стали строиться школы. Перед вами ребята, которые учатся в одной из недавно открытых школ.

Африка шагает к свободе! Все больше становится независимых стран на африканском континенте.

Вот две карты. На верхней, маленькой, материк покрыт одной краской. Это Африка-колония. Только два крошечных свободных островка на ней, там, где победили борцы за независимость.

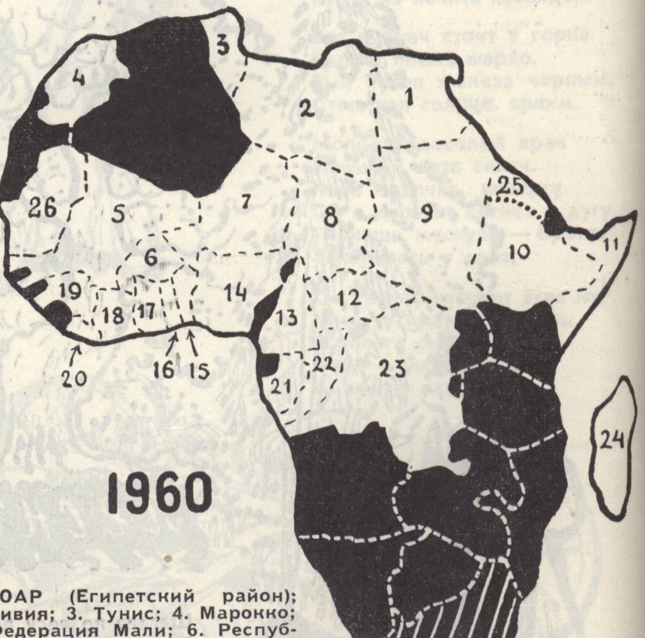
Прошло всего десять лет, и как изменилась эта карта! Вот посмотри: так будет выглядеть Африка к концу нынешнего года. Больше половины ее территории освободится от колониального угнетения.

Поднимаются ввысь знамена новых, свободных африканских государств. Это происходит так быстро, что наш художник, который рисовал флаги, не успел нарисовать их все: карта Африки непрерывно меняется.

Поэтому на четвертой странице нашей обложки напечатаны флаги только тех независимых африканских государств, которые существовали или образовались до конца июля.

Какие цвета на этих флагах? Зеленый, желтый, красный. Зеленый означает плодородие, желтый — богатство, красный — борьбу.

Свобода добывается в борьбе. Африканские народы сбрасывают цепи рабства. «Рушатся, и основательно рушатся, последние бастионы изжившей себя колониальной системы»,— так сказал Н. С. Хрущев о борющейся за свою независимость Африке.

1. ОАР (Египетский район); 2. Ливия; 3. Тунис; 4. Марокко; 5. Федерация Мали; 6. Республика Верхняя Вольта; 7. Республика Нигер; 8. Республика Чад; 9. Судан; 10. Эфиопия; 11. Сомалийская Республика; 12. Республика Центральная Африка; 13. Камерун; 14. Нигерия; 15. Дагомейская Республика; 16. Республика Того; 17. Республика Гана; 18. Республика Берег Слоновой Кости; 19. Гвинейская Республика; 20. Либерия; 21. Габон; 22. Конго; 23. Республика Конго; 24. Мальгашская Республика; 25. Эритрея; 26. Мавритания.

АФРИКА ШАГАЕТ К СВОБОДЕ

В. КУДРЯВЦЕВ

Фото Н. Драчинского.

ПАМЯТНИК РАБСТВУ

Если проехать вдоль побережья Гвинейского залива на запад от Аккры, мимо маленького прибрежного городка Кэйп — Коста, попадешь к замку Элмина.

На берегу океана, где волны лениво набегают на песчаный отлогий берег, где ветер колышет листву кокосовых пальм, стоит стройное белоснежное здание, точно с картинки рыцарского романа — зубчатые сторожевые башни, высокие стены, подъемный мост через крепостной ров... Этому замку около пятисот лет. Он построен португальскими захватчиками, потом им владели голландцы, потом англичане.

Всем колонизаторам был необходим неприступный замок. Нужны были его подвалы, его казематы (я осматривал их и видел, что выходы из казематов ведут в море, из таких не убежишь!). В казематах держали африканцев, захваченных в плен на Золотом Берегу (там, где теперь республика Гана). Держали для продажи в рабство.

К замку подходили невольничьи корабли, и пленников переправляли по подземным ходам прямо в трюмы кораблей.

Таких замков-темниц было в Африке много. Часть из них сохранилась и поныне — страшные памятники «цивилизации», которую принесли в Африку колонизаторы.

Подсчитано, что в результате работорговли Африка потеряла не менее ста миллионов людей.

Работорговля потом была запрещена, но долгое время разными средствами удавалось колонизаторам держать африканцев в положении рабов. При этом до сих пор самые наглые из колонизаторов продолжают говорить, что белые принесли в Африку цивилизацию и подготовили ее к независимости.

АРИФМЕТИКА КОЛОНИЗАТОРОВ

В каком городке Ганы или Гвинеи ни зайдешь в магазинчик, видишь, что в каждом из них торгуют только товарами, привезенными из-за морей и океанов. Зубные щетки, мыло, сахар, бусы, медикаменты, текстиль — все это импорт.

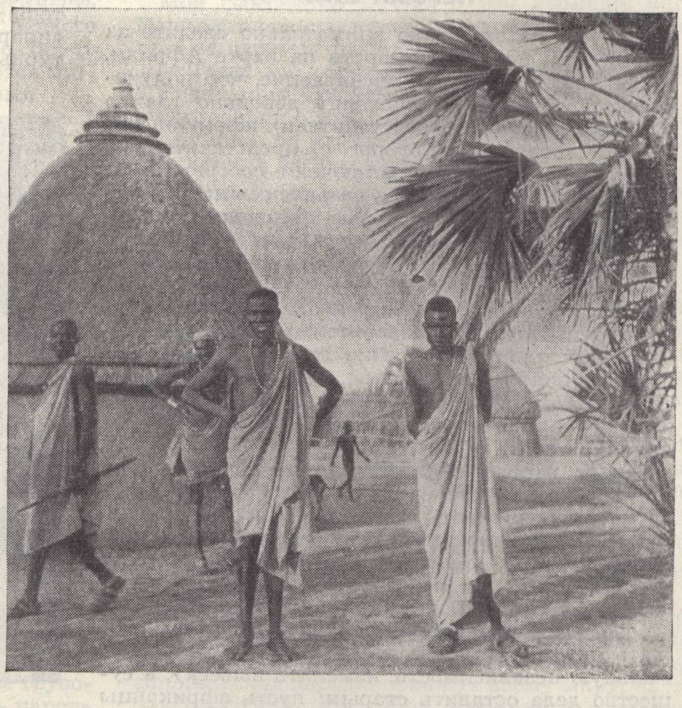
И как дорого обошелся этот импорт Африке! Сколько железной руды, бокситов, меди, кокосовых орехов, арахиса, бананов, ананасов, сизаля, какао, кофе и прочих продуктов и материалов за бесценок вывезли английские, французские, португальские, испанские, бельгийские колонизаторы!

Колонизаторы не создали в Африке почти никакой промышленности. Они строили только те предприятия, которые были выгодны им: железные и медные рудники, консервные заводы. У Африки не было своей промышленности, она получала только то, что ввозилось сюда по завышенным ценам из стран-поработителей. Это помогало колонизаторам держать в зависимости африканские народы.

У Африки не должно быть своего хозяйства, и в Африке не должно быть людей, которые умеют управлять хозяйством. Нищету и невежество — вот что хотели сохранить в Африке колонизаторы.

Когда-то англичане построили несколько школ на Золотом Берегу. И подсчитали, что благодаря этим школам лет через семьсот африканцы Золотого Берега научатся читать и писать. И то только в том случае, если население Африки не будет увеличиваться. А если будет, тогда им понадобится три с половиной тысячи лет.

После того, как Гана стала независимой, в ней открылось много школ. Пока еще не все дети имеют возможность ходить в школу: не хватает зданий, учителей, учебников да и просто каран-

Среди многочисленных племен, населяющих Африку, шиллуки известны как отважные охотники и рыболовы. Они живут в африканской саванне в верховьях Белого Нила.

дашей и бумаги. Но прошло ведь еще только три года. В бывшем бельгийском Конго после его освобождения было подсчитано, что во всей стране с населением в 13 миллионов человек только 16 человек имеют высшее образование.

В Гвинее подавляющее большинство населения неграмотно: не умеют ни читать, ни писать. Но за два года свободного, независимого существования здесь открыто классов и школ в два раза больше, нежели за семьдесят лет господства французских колонизаторов.

Так кто же несет цивилизацию — колонизаторы или африканские народы?

И когда я ходил из класса в класс в средних школах городков Далаба и Лабе в Гвинее, разговаривал с учителями и учениками, то невольно думал, сколько же светлых голов дадут эти школы независимой Гвинейской республике.

Дети всюду остаются детьми с их любознательностью и непосредственностью. Когда мы подошли к ребятам, я услышал настороженное — «колонь». Нас приняли за колонизаторов. Ведь у нас была белая кожа! Учитель объяснил, откуда мы. Лица сразу изменили выражение. С веселыми криками и шумом сорвались ребята со своих мест, каждый старался подобраться к нам поближе. Наверно, им хотелось даже в нашей внешности найти какое-то отличие «камрадов» от «колонь».

Надо сказать, что ребятишки в африканских школах дисциплинированы необычайно. Как только учитель позвал их в класс, они замолчали, подавили любопытство и превратились в самых серьезных и вдумчивых учеников. Еще бы! Они знают ясно, зачем учатся. Для них знания — это тоже борьба за свободу Африки. И эта борьба еще не закончена.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Если вы недостаточно внимательно следите за появлением новых государств на карте Африки, у вас может создаться впечатление, что получение независимости происходит довольно гладко и безболезненно. Представители африканских народов ведут переговоры с представителями Франции или Англии, заключают соответствующий договор и становятся независимыми. Происходят торжества, на которые съезжаются представители многих стран, в том числе и тех, что угнетали Африку, и кажется, все в порядке. На самом деле это только так кажется, если не смотреть на явления более серьезно.

Колонизаторы, как говорится, делают хорошую мину при плохой игре. Они десятилетиями грабили африканские народы, наживали на этом грабеже огромные богатства, а теперь делают вид, что они с удовольствием отказываются от колоний.

Борьба народов Африки за свое освобождение достигла такой степени, что колонизаторы уже не могут удерживать свою власть прежними методами. В Алжире много лет идет вооруженная борьба против господства колонизаторов, которую Франция не в силах подавить. Восстают народы Кении, Родезии, Южно-Африканского Союза. Но колонизаторы все еще надеются удержать Африку обманом, дать Африке только формальную независимость, изменить вывеску, а существо дела оставить старым: пусть африканцы называются как хотят, лишь бы богатства по-прежнему уходили из Африки.

Вот история Ганы. В 1957 году она получила независимость. Получила право иметь своего представителя в ООН и своих послов в других государствах. Но верховным правителем осталась английская королева.

Народ потребовал полного освобождения. И в этом году Гана объявила себя республикой, английскому губернатору пришлось уехать. Верховным правителем стал президент, избираемый из самих африканцев.

Я рассказал о Гане, чтобы вам было понятно: когда какой-то африканский народ официально получает независимость, он делает только первый шаг к подлинной независимости.

Это важно знать сейчас, когда в Африке появилось много новых государств.

ГОД АФРИКИ

Год 1960-й называют Годом Африки. Почему? Да потому, что за этот год получило независимость больше африканских государств, чем за все предыдущие годы, вместе взятые.

Камерун, Того, Конго, Федерация Мали, Мальгашская республика, республики Совета Согласия, Габон, Союз Республик Центральной Африки — вот новые африканские государства. Они созданы в этом году. Скоро станет независимой Нигерия.

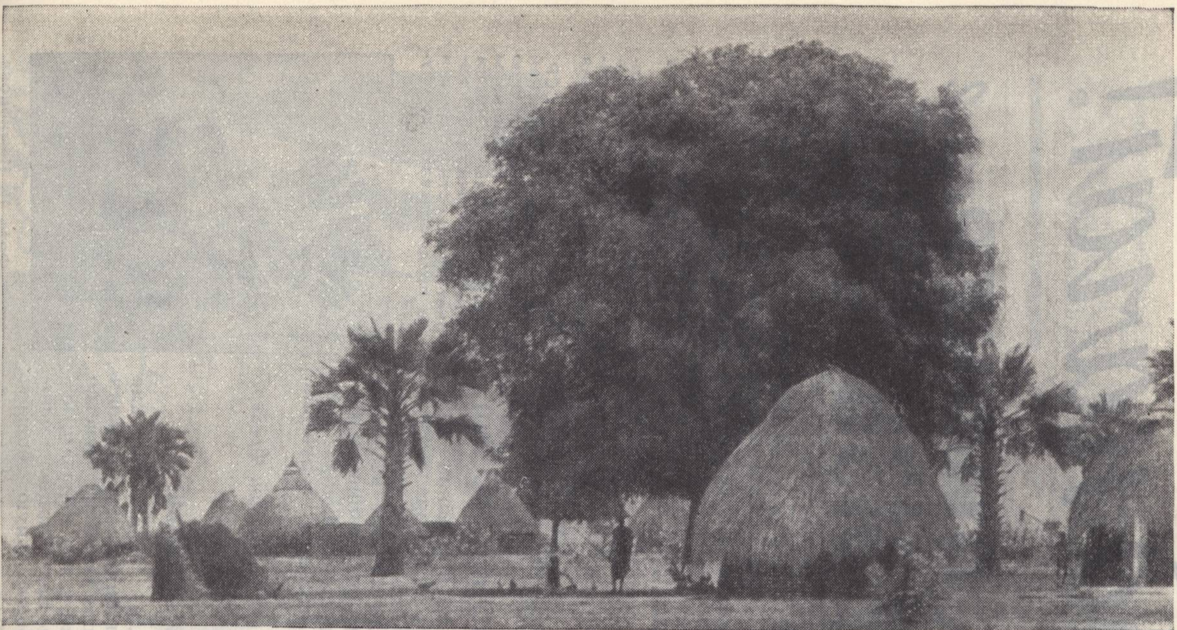
Не исключено, что к семье независимых африканских государств скоро присоединятся и другие страны, являющиеся пока колониями или странами, зависимыми от крупных капиталистических государств.

И дело здесь не ограничится независимостью формальной. Африка борется за свободу подлинную.

Народы Африки по-своему понимают получение независимости. Они считают, что колонизаторы должны уйти не только из государственного аппарата, но и из народного хозяйства и культурных учреждений. Все это возьмут в руки са-

Эти ребята Кийлич и Гасим учатся в школе в городе Малакала. Они мечтают стать учителями.

Так выглядит деревня африканского племени пуэров.

ми африканские народы. Вот почему народ Ганы провозгласил страну республикой и изгнал английского генерал-губернатора, а народ Конго потребовал удаления из армии бельгийских офицеров и из страны — бельгийских войск. Вот почему тунисское правительство решило национализировать часть предприятий, принадлежавших французским капиталистам. Так шаг за шагом африканские народы после провозглашения государственной независимости обретают независимость подлинную, постепенно освобождаясь от всякого влияния колонизаторов. Это, понятно, не так-то просто и легко, ибо колонизаторы пытаются этому помешать всеми доступными им мерами.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Колонизаторы не хотят терять власть, они не сдаются, и все средства для них хороши. Стране, которая борется за свободу, они угрожают войсками, угрожают голодом, тем, что она останется в одиночестве, что никто не будет с ней торговать, и поэтому ее хозяйство зачахнет.

Когда Гвинея решила полностью освободиться от французского господства, французы перестали продавать Гвинее продовольствие, необходимые товары и машины, разрушили здания, в которых помещались французские войска, вывезли из учреждений все канцелярское оборудование вплоть до столов и пишущих машинок.

Но колонизаторы забыли, что прошло то время, когда они хозяйничали во всем мире. Сейчас существует мощный лагерь социалистических стран во главе с Советским Союзом. Этот лагерь пришел на помощь Гвинее.

Когда я ездил по Гвинее, то я видел наши «Москвичи» и «Волги», наш сахар в полукилограммовых пачках с изображенными на них голубенькими квадратиками сахара, чешские грузовики «Шкода». В Гвинее помогают строить народное хозяйство наши рисоводы, железнодорожники, чешские врачи и механики.

Руки оказались коротки у колонизаторов. Им не удалось задушить гвинейский народ.

В Тунисе, в конторе местной авиационной компании, я разговорился с одним из руководителей национально-освободительного движения в Кении. Кения — английская колония, в которой колонизаторы жестоко расправляются с патриотами. Арестован и Кениата — руководитель национально-освободительного движения.

Мой собеседник мечтал о том времени, когда Кения станет независимой республикой, а Кениата — ее первым президентом.

— Тогда мы обратимся за помощью и опытом к Советскому Союзу,— уверенно сказал он.

Он говорил о том, с какой радостью берут народы помощь от нашей страны, потому что знают: эта помощь бескорыстная.

— А за помощью к капиталистической Америке мы не обратимся,— сказал он мне на прощание.— Она предоставляет помощь только для того, чтобы связать народ по рукам и ногам.

Он был прав, этот кениец.

Советский Союз своей помощью развивает страны, помогает им прочно встать на ноги, стать по-настоящему сто всех независимыми. Мы помогаем строить и развивать хозяйство и помогаем воспитать кадры специалистов, руководителей хозяйства из самих африканцев.

Постепенно, преодолевая тяжелое наследство, оставленное колонизаторами, Африка строит свое хозяйство и достигает подлинной независимости.

Огромную роль играет здесь дружба народов, солидарность народов Азии и Африки, дающих сообща отпор всем проискам колонизаторов.

События в Африке развиваются очень быстро. И есть уверенность, что вся Африка скоро, очень скоро станет свободной и независимой. Вот тогда африканские народы покажут всему миру, на что они способны. Ибо народ, взявший в свои руки свою судьбу, может совершать чудеса. Мы это знаем по своему опыту.

Учебный год начат!

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 9 СЕНТЯБРЬ 1960 г.

ЗДРАВСТВУЙ, НОВАЯ ШКОЛА!

Мы перешли в новое здание школы. Это был замечательный день! Почетное право разрезать ленточку перед входом получила отличница первого класса. Наш класс начал заниматься на третьем этаже. Такие хоромы! Восемь лампочек над головой висят и паровое отопление.

Володя Крамаренко,

пос. Черемошкины, Томской области.

СОВЕТ СТАРОСТ ДЕЙСТВУЕТ

В первый раз о совете старост вся школа узнала на праздничном вечере. Это члены совета позаботились о веселых шутках, танцах, аттракционах.

С тех пор часто стало слышно: «Давайте обсудим на совете старост», «Совет старост постановил». А тут еще произошел случай, который во многом поднял авторитет нашего совета.

Совсем отбился от рук ученик седьмого класса «Б» Ивлев. Срывал уроки, товарищей не слушал. Мы постановили просить дирекцию об исключении хулигана на две недели из школы.

В класс Ивлев вернулся другим человеком. Директор объявил вскоре совет старост официальным ученическим органом. Ребята стали бороться за лучшую дисциплину и успеваемость. Мы ввели звания «лучший класс школы», «лучший класс смены». Были созданы отряды «легкой кавалерии». Вышел первый номер сатирического радиожурнала совета «Веселый спутник».

Нашей школе присуждено переходящее красное знамя.

Г. Троицкая,
председатель совета старост.

школа № 88, г. Омск.

НАША ВОЖАТАЯ

Наша отрядная вожатая — Галя Сорокина. Она работает на сахарном заводе аппаратчицей. Галя очень любит нас. Мы с ней ходили на завод, в походы, провели много сборов. Она научила ребят штопать, пришивать пуговицы и варить обед.

5-й класс «А»,

Сахарозаводская школа, Богородицкий район, Тульская область.

РАЗГОВОР О МАРКАХ

Недавно мы решили провести сбор филателистов. После докладов устроили просмотр коллекций и обмен марками.

Сергей Грицай,

7-й класс «А», школа № 85, г. Харьков.

МЫ УЧИМ РУССКИЙ

У нас в Тробнице проходила олимпиада русского языка. В ней принимали участие все школы. Пионеры писали переводы и сочинения, ставили отрывки из русских пьес.

Марион Фрейер.

ГДР.

ЮнТАСС СООБЩАЕТ:

ТОМСК. Ученики 27-й школы решили организовать музей «Пионеры-герои».

СТАЛИНГРАД. Одиннадцатилетний пионер Володя Голов, член добровольной пожарной дружины, потушил пожар и спас детей.

НУРЕК, Таджикская ССР. В строительстве Нурекской ГЭС на реке Волш большую помощь приносят пионеры средней школы имени С. Айни. Их метеостанция измеряет влажность воздуха и даже предсказывает погоду.

Фото Н. Немнонова.

СЕРДЦЕМ МЫ С ВАМИ, ДРУЗЬЯ!

Героической борьбе негритянского населения была посвящена конференция учащихся средней школы № 8 Калининской железной дороги. В своих выступлениях ребята говорили, что советские школьники несут в своих сердцах горячее чувство любви к тем народам, которые ведут национально-освободительную борьбу.

г. Калуга. *Н. Рябов,*

НЕ ВЕРИМ В БОГА!

— А что такое «опиум»?— спросил октябренок.

Ему объяснили. Малыши заулыбались.

— Теперь мы понимаем, почему в этом уголке написано: «Религия — опиум для народа»!

Уголок атеиста организовали пионеры. Здесь есть антирелигиозные книги, брошюры и картины.

г. Кишинев.

РЕМОНТНАЯ БРИГАДА

Раньше у нас то стекла побьют, то парту сломают. После каждой поломки нужно было идти к завхозу и ждать, пока исправят. Теперь мы создали ремонтную бригаду. Все чиним сами. А поломок вдруг почти не стало.

Зоря Цыбульская,
школа № 90, г. Совгавань.

ГЛОБУС ЛУНЫ

В Красноярске проходила выставка детского творчества. Среди многих экспонатов был и глобус Луны, сделанный учениками 56-й школы.

НА ПЕРВОМ МЕСТЕ

Ученик Лискинской железнодорожной школы № 12 Саша Аникеев уже два года занимается в кружке юных техников городского Дворца пионеров. Изготовленный им и его друзьями универсальный станок получил первую премию на областной выставке технического творчества пионеров и школьников. Сейчас этот станок экспонируется на выставке народного хозяйства.

«ОСА» КУСАЕТСЯ

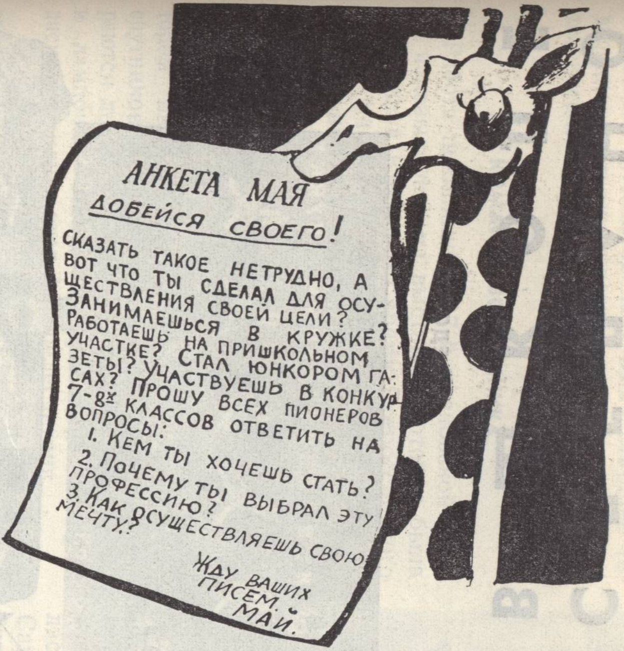
Первое заседание актива художников школы проходило бурно. Новую газету решили назвать «Оса». Из-за каждой карикатуры спорили. Уже с первых «укусов» «Осы» лентяи и хулиганы увидели: дело плохо. Их число стало сокращаться. Редколлегия «Осы» надеется в будущем перейти на дружеские шаржи.

Толя Ардатов,
г. Куйбышев.

«ППС»

Это буквы на красной повязке. Идет патруль пионерского счетчика. Мы помогаем экономить электричество. Идем днем по улице, видим, на столбе или в подъезде зря лампы горят,— тушим. Впереди пока 1-е звено. У них уже две тысячи лампочек на счету.

Люба Егорова и
Оля Плешкова,
5-й класс «Е», школа № 52,
г. Барнаул.

КРУШЕНИЕ КОРОЛЯ ЭФИРА

— Внимание и повиновение! Говорит «король эфира». Слушайте только меня...— часто раздавался голос в эфире.

Кто он — этого никто не знал. Личность «короля» обрастала легендами. «Радиопираты» ума не могли приложить, как «король» достигает того, что его голос доносится словно из потустороннего мира. (Они и не подозревали, что «властитель» ставил микрофон в помойное ведро.) Однажды в урочный час он не заговорил.

— Где «король»?

А тот, кого ждали, сидел в отделении милиции и хныкал. Это был четырнадцатилетний пионер, ученик горнопромышленного училища № 2 Жданов Владимир. У него «короля» лежала конфискованная радиоаппаратура.

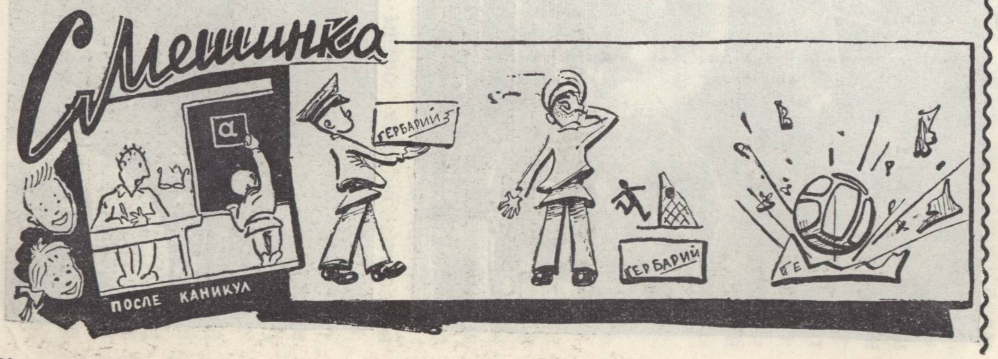
Вот так бесславно окончились похождения «короля эфира». Обидно, что чаще всего безобразничают ученики 7—8-х классов, занимающиеся в радиокружках. Как не понимают эти ребята, что они срывают подчас необычайно важные дела!

«ФИЗИКА ЗА ЧАШКОЙ ЧАЯ»

Так назывался наш сбор. Ту часть, которая относилась к домоводству, готовили девочки. «Почему ручка у чайника деревянная? Почему кофе «убегает»?» Много вопросов задавали ребята друг другу. Было интересно и весело.

Юра Мустафин,
7-й класс «В», школа № 23,
г. Днепропетровск.

Смешинка

Учитель: «Пиши: a^2+...»

Не устоял.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Алеша Шестопал (редактор), Таня Копылова, Женя Берлянд.

Рисунки Миши Корси.

СДЕЛАНО В ШКОЛЕ

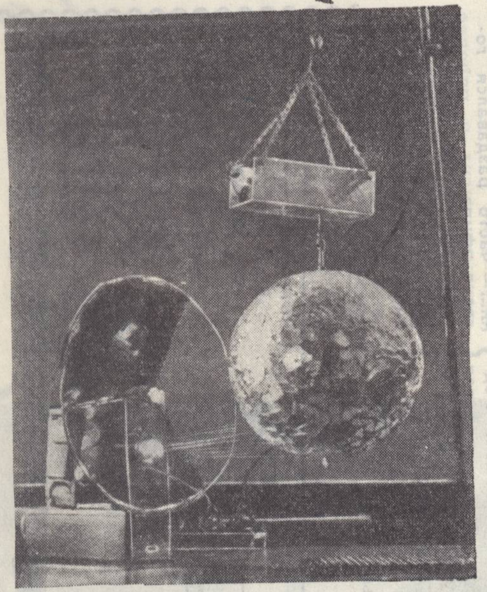
Р. ФЕДОРОВ

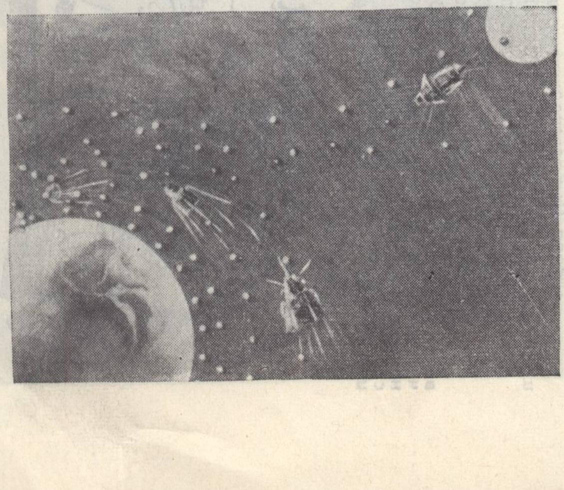

Вот так командуют своими моделями школьники 97-й московской школы.

НАДЕЖНЫЕ ПОМОЩНИКИ

Поставить на службу советским людям все достижения науки и техники — так решил пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, который состоялся в июле этого года, когда вы, ребята, отдыхали, набирались сил.

Машины возьмут на себя весь тяжелый и неинтересный труд. А человек будет управлять ими и заниматься творческой работой, которую нельзя доверить машине. Ведь машина выполняет приказы человека. Ничего нового она придумать не может.

Для того, чтобы управлять сложными современными машинами, нужно много знать. Еще больше знаний и умения понадобится для того, чтобы создавать новые машины. Многие из вас, ребята, уже сделали немало простых и сложных моделей самолетов и судов, радиоприемников и наглядных пособий для школы. Фотографии, которые помещены на этих страницах, рассказывают

о том, что сумели сделать ваши старшие товарищи — старшеклассники и учащиеся технических училищ.

ПО КОМАНДЕ ВОЛШЕБНИКА

Работа школьников 97-й московской школы показывалась на выставке, которая была устроена в Кремле во время Всероссийского съезда учителей. Ребята с помощью преподавательницы физики Натальи Александровны Патрикеевой сделали установку для телеуправления моделями.

Обыкновенный телефонный диск. Диспетчер набирает номер «5». Щелкает реле исполнительного пункта, и на стенде, на котором нарисованы траектории советских спутников Земли и космических ракет, загораются лампочки. Еще один поворот — «0», и лампочки стенда гаснут. Еще поворот диска — включается фоторелесчетчик.

Прибор этот умеет считать. На ленте транспортера движутся игрушечные туфельки. Они точь-в-точь как настоящие, только маленькие. Сшила их Наташа Сахарова, бывшая ученица школы. Сейчас она работает на Московской обувной фабрике имени Капранова. Конвейер освещается тонким лучиком света, который падает на фотоэлемент. Когда лучик загораживается проплывающей по конвейеру туфелькой, фотоэлемент подает сигнал на реле, и реле приводит в действие счетчик. Загорается цифра, показывающая, сколько туфелек прошло по конвейеру.

С пульта можно подать девять команд. Телеуправление моделями демонстрируется не только на уроках физики. На новогоднем вечере в школе распорядитель бала поворачивал телефонный диск и издалека включал радиолу или зеркальный шар, отбрасывавший разноцветные блики света.

Эта установка помогла ребятам понять, почему на улицах города вечером вдруг, как по команде волшебника, вспыхивают уличные фонари. Волшебник этот — система телеуправления. С ее помощью можно командовать поездами на железной дороге или управлять работой электростанции.

«ПЕРВОКЛАССНИЦА» СЧИТАЕТ ДО ТЫСЯЧИ

Ребята из физико-технического кружка 722-й московской школы сделали машину, которая может не только считать по порядку, но складывать и вычитать в пределах тысячи.

Сначала они придумали маленькую счетную машину, которая производила сложение

Маленьким автомобильчиком управляет «автоматический водитель».

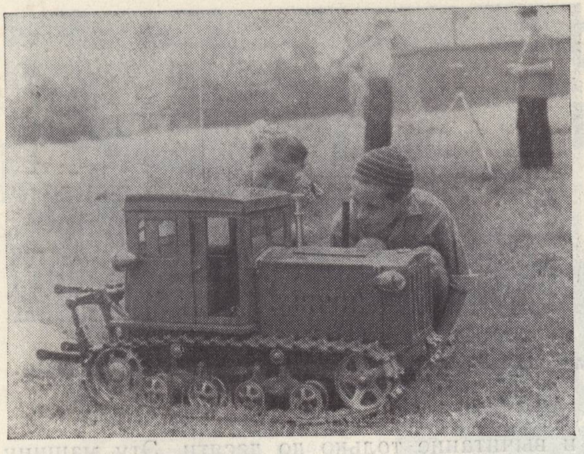
и вычитание только до десяти. Эту машину назвали «Первоклассницей». Потом подумали — оказалось, что можно сделать машину, которая сумеет считать и до тысячи. Название машины не стали менять. Так родилась «Первоклассница-2». Наверное, вскоре Саша Сова, Саша Игнатченко и другие ребята-кружковцы построят «Первоклассницу-отличницу», которая будет не только складывать и вычитать, но и умножать и делить.

Конечно, изобретатели «Первоклассницы» придумали ее не потому, что им лень самим решать задачи и примеры. Они готовятся стать создателями больших счетно-решающих устройств, которые не только умеют производить все арифметические и алгебраические действия, но и решать сложные задачи. А такую машину без отличного знания математики не только не построишь, но и работать на ней не сумеешь.

АВТОМОБИЛЬ БЕЗ ВОДИТЕЛЯ, ТРАКТОР БЕЗ ТРАКТОРИСТА

Еще более интересные машины построили ученики технических училищ. Эти работы были на первой Всероссийской выставке технического творчества учащихся школ профессионально-технического обучения.

В московском метро уже испытывался «автомашинист» — прибор, который сам, без помощи человека, ведет поезд по туннелю и останавливает его на станциях. Ученики Ленинградского технического училища № 4 Валентин Трусов, Борис Глифанов и Людмила Борисова построили модель легкового автомобиля, которую ведет «автоматический водитель» с программным управлением. Он даже не ждет команды по радио. Стоит включить «автоводитель», и машина поедет вперед и остановится в заданном месте, не забыв при этом включить красные сигнальные огни.

А вот точная модель трактора, в кабине которого нет тракториста. Тракторист издали, по радио, передает приказ, и трактор идет по полю, ведя за собой плуг и другие навесные орудия, разворачивается и возвращается обратно. Один тракторист может командовать несколькими такими тракторами.

Можно было бы научить машину выполнять и другие команды, да ведь все равно такую машину не выпустишь на улицу, пока не переведутся у нас пешеходы, которые перебегают улицу перед самым носом машины, и ребята, играющие на мостовой... Водитель машины в таком случае сбавит скорость или остановит машину. А прибор не станет обращать внимания на нарушителей — поедет прямо. Вот и приходится ездить без «автоводителя», пока все пешеходы не станут дисциплинированными.

Была на выставке и модель трактора, управляемая по радио. Построили ее ученики Ржевского училища механизации сельского хозяйства. По команде трактор идет вперед, опускает плуг и поднимает плуг и другие навесные орудия, поворачивает и возвращается обратно. Ребята, которые делали эту модель, наверное, мечтали о том времени, когда тракторист будет сидеть за рулем не в кабине трактора, а в комнате за пультом управления. На экране телевизора перед ним будет огромное колхозное поле, на котором работает десяток тракторов, и он будет командовать ими по радио.

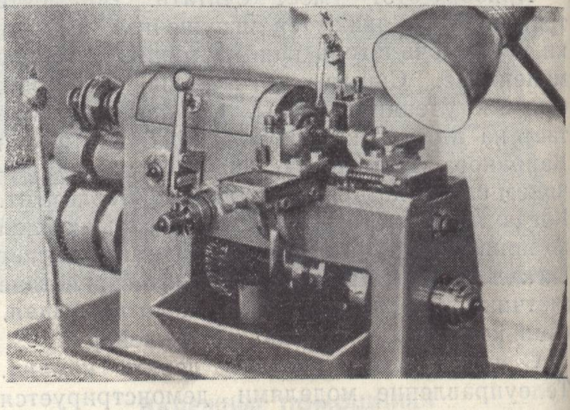
«УМНЫЕ» СТАНКИ И ПРИБОРЫ

Учащиеся Ростовского технического училища № 2 сделали токарный станок-автомат. Такие станки работают на многих заводах.

В каждой машине есть уйма болтиков, гаек и других мелких деталей. Уж очень скучно делать эту мелочь токарю. Винтик и гайка, гайка и винтик! Завод выпускает самолеты, автомобили, тракторы, а он все время делает винтики и гайки. Теперь токаря заменил станок-автомат. Токарь вставляет в него стальной прут и уходит. Станок сам делает все, что приказано.

Ребята из технического училища города Тушино сделали прибор, который занимается скучной «умственной» работой. Чтобы узнать, сколько оборотов нужно задать станку при обработке материала определенной твердости, приходится подолгу рыться в справочниках. Ребята изготовили счетно-решающее устройство для определения режимов резания, — оно без всяких справочников дает ответ быстро и точно.

Создатели приборов и моделей, о которых мы рассказали здесь, готовы к освоению и совершенствованию техники семилетки. Вам, ребята, придется работать в годы следующей семилетки, семилетки еще более высокой техники. Готовьтесь к этому сейчас.

Такой токарный станок-автомат делает все сам.

Счетно-решающее устройство быстро и точно определяет, сколько оборотов надо задать станку при обработке материалов различной твердости.

ЯДОВИТЫЕ СТАРУХИ

Г. БЕЙТС

Рисунки Р. Вольского.

Когда вам только четыре, то семь — это уже сотня, а пять дюймов — целая миля.

Бену было семь лет, а мне четыре, к тому же он был на пять дюймов выше меня. Бен носил вельветовые штаны с большой кожаной заплатой на заду, на ногах у него уже пробивались темные волосы, и в довершение всего он имел нож с роговой рукояткой, с двумя лезвиями, со штопором и еще с каким-то острым предметом, который он называл «втыкатель».

— Как только пролезем через забор,— сказал Бен,— пойдут кусты терновника, а после мы попадем туда, где много-много ядовитых ягод. Ты, смотри, не ешь их, ладно? А то умрешь. Я раз проглотил их целую кучу, а потом всю ночь лежал мертвый.

— Правда?

— Правда. Целую ночь.

— А как это быть мертвым? Что ты тогда чувствуешь?

— Сперва у тебя страшная боль в животе,— сказал Бен,— а потом в твоей голове начинает звенеть: дон... дон... дон.., бом.., динь-бом... динь-бом.., дон,— не переставая.

— И тебя тошнит?

— Да, все время,— сказал Бен,— а по потолку спальни мелькают старички. Они пляшут и смеются над тобой. Ну прямо как мой дядюшка Перси, когда, наклюкавшись, он приходит домой из «Юникорна».

— Я не хочу быть мертвым,— сказал я,— нет, мне вовсе не хочется быть мертвым.

— Тогда не ешь ядовитых ягод. Ты знаешь, какие они, знаешь?

— Нет...

— Ну так вот, одни из них бывают красные,— сказал Бен,— а другие — черные. Но все они вызывают у тебя тошноту и боль в животе, а в голове — звон: дон... дон.., динь-бом... динь-бом.., дон...

Я почувствовал, как у меня стынет кровь, и готов был вот-вот расплакаться.

Я лежал под живой изгородью из кустов черной смородины, уткнувшись лицом вниз, а надо мной на фоне августовского неба, словно побелевшие скелеты часовых, стояли стебли пастернака.

— Ну, чего же мы ждем? — спросил я.

Бен достал свой нож и открыл втыкатель.

— Я хочу сперва посмотреть, нет ли там шпионов,— сказал Бен.— Ты стой здесь.

— А долго?

— Пока я не приползу обратно,— сказал Бен.— А ты лежи и не шевелись, не кричи и не выглядывай, да, смотри, не ешь ядовитых ягод.

— Нет... нет,— сказал я.

Бен сверкнул ножом так, что втыкатель пронзил полумрак смородинника.

— Ты знаешь Осю Тэнера? — сказал он.
— А как же,—сказал я,—конечно!

У Оси была заячья губа, и ходил он на костылях, волоча одну ногу. Мне всегда было очень жаль его. Бен продолжал:

— А знаешь, почему Ося такой? Потому, что он стал тут спускаться и не посмотрел вначале, нет ли шпионов... Так они его схватили и искалечили.

— Кто схватил?

Бен пополз на коленях, сверкая на солнце втыкателем и оставляя меня одного.

— Ядовитые старухи,— сказал он,— что живут там, внизу, в том доме, о котором я тебе уже рассказывал. Ну, тогдашние две старухи, которых мы сейчас идем смотреть.

Бен уполз вперед, коричневая кожаная заплата на его штанах совершенно скрылась из поля моего зрения. Закрыв глаза, я лежал один на опавших листьях и старался услышать жаворонков. Я всегда, когда находился в поле один, слушал их пение.

Но сейчас был почти сентябрь, и все, что я смог услышать,— так это только яростное стрекотание кузнечиков среди выгорающей травы там, на солнце.

Прошло ровно пятьдесят лет, прежде чем Бен вернулся. Я точно знаю, что пятьдесят лет, потому что я их все сосчитал.

— Никаких следов,— сказал Бен.

— Я не ел ядовитых ягод, я не ел...

— Ну-ка, дай я посмотрю твой язык.

Мой язык высунулся, словно испуганная ящерица. Большими, вытаращенными глазами Бен посмотрел мне в рот и сказал:

— Ну ладно. Пойдем. Тсс... Не дыши.

— А далеко это отсюда?

— У-у, далеко-далеко... несколько миль,— сказал Бен.— Сначала спустимся вниз по тропинке, пройдем мимо коровника, перейдем через ручей, а потом вверх по тропинке, пройдем под Акки Дуком...

Я не знал, что это за Акки Дук. «Должно быть, какая-то птица», — подумал я.

— Это что-то вроде моста,— сказал Бен.— А под ним темно... В общем, это там, где наверху течет вода.

— И ядовитые старухи живут там?!

— Нет, они живут как раз за ним,— сказал Бен.— Мы спрячемся под Акки Дуком, а потом ты украдкой можешь взглянуть и увидеть их в окнах.

От страха мне казалось, что вены вокруг моего сердца скрутились в узлы, когда я вышел из полумрака кустов смородины, продравшись сквозь них на тропинку, и пошел мимо черных кустов терновника, сплошь усыпанных темно-синими плодами.

Один раз я попробовал сократить расстояние между мной и Беном и пойти рядом с ним — просто так, для компании, но он сразу же направил на меня свой втыкатель и сказал:

— Ты иди за мной. Я командир. Я знаю дорогу, понятно? И я должен идти туда первым, чтобы посмотреть, все ли там в порядке или нет, понятно? А то, знаешь, они могут с тобой сделать то же самое, что они сделали со старым Осей, понятно тебе?

— Да, Бен, да...

Немного погодя мы проходили то место по ручью, где мыли овец. Бен сказал:

— Посмотри на воду. Видишь, видишь, какая она золотистая? Это потому, что она ядовитая, и ты можешь умереть, даже если в ней ты просто вымоешь руки.

Сразу же за ручьем, в сумрачной тени, на влажной почве с сочной травой, росли гигантские, словно слоновьи, зонты болиголова, и Бен сказал, что они тоже ядовитые.

— Держись сзади...— продолжал он.— Держись сзади... Пригнись! Мы подходим к Акки Дуку!..

Вскоре мы, пригнувшись, стояли под потемневшими кирпичными сводами моста. Сразу стало холодно. Капала вода, сочившаяся сквозь кирпичи. Виднелись папоротники, пустившие из расщелин зеленые побеги, а Бен сказал, что здесь водятся улитки больше, чем турнепс, с рожками длинными-длинными, как велосипедный насос.

— И змеи. И ящерицы. И крысы. И чертова карета с лошадьми.

— И они тоже ядовитые?

— А как же, конечно! Здесь все ядовито.

Я хотел уцепиться за полы пиджака Бена — поиграть в лошадки, но Бен сказал «нет»: он должен опять пойти вперед и посмотреть, нет ли там шпионов. Мне же он приказал стоять и ждать, притаившись в засаде, до тех пор, пока он мне не свистнет.

Так я и стоял под темными сводами совсем один, пока Бен ходил в дальний конец Акки Дука, туда, где солнце: посмотреть, нет ли шпионов. И никаких улиток и ящериц, или змей, или чертовой кареты с лошадьми я не видел. Около меня в сумраке, только с тихим шумом, словно бесконечный дождик, капала вода.

Когда Бен наконец свистнул, я вздрогнул от неожиданности и бросился бежать прямо по чернеющим лужам воды.

— Не беги. Ты что, пьяный, что ли?—сказал мне Бен.—Они же услышат тебя. У них, знаешь, какие большие уши, как у старой свиньи, прямо до плеч свисают!

Я, должно быть, сильно дрожал, когда выбежал на солнце, потому что Бен спросил:

— Ты ведь не боишься, правда?

— Нет,— сказал я.— Нет. Я не маленький.

— Смотри, если ты боишься,— сказал Бен,— то они все равно узнают. И тогда нас обоих бросят в медный котел.

— Зачем? Зачем? — сказал я.

— Чтобы сварить нас. Ты выпил, что ли, немного, что ничего не понимаешь?—сказал Бен.— Чтобы сварить нас, понял?

— А ты же как-то говорил, что они тебя отравили.

— Ну так что же! Так они и делают,— сказал Бен.— Вначале отравят тебя, а потом сварят.

Прежде чем я смог еще что-нибудь сказать, Бен уже показывал рукой вперед.

— Вон... вон где они живут...

Впереди, в пятидесяти ярдах от нас, виднелся красный кирпичный дом с двумя выступающими «фонарями», с синеватой шиферной крышей и черными колпаками на трубах. Дом был полуразрушенный: на крыше добрая половина шиферных плит отсутствовала, а в окнах большая часть стекол была выбита.

Когда мы подошли к дому немного ближе, я смог разглядеть, что в саду росли сливовые деревья, отягощенные блестевшими на солнце темно-синими овальными сливами. Я разглядел пустой загон для кур, весь заросший травой, и большой красный глиняный горшок, на верху которого торчали, словно перевернутый зонтик, листья ревеня. Здесь после туннеля было тепло и повсюду было слышно стрекотание кузнечиков.

Я только начал было говорить, что в доме никого нет, как Бен сказал:

— Ага! Так вот что ты думаешь! Эти старухи как раз и хотят, чтобы ты так думал. Эх ты!

— А зачем это им?

— Зачем?.. Да они хотят, чтобы ты залез на забор и стал рвать сливы, и тогда, как только ты начнешь их рвать, старухи выскочат и схватят тебя за шиворот.

Вены моего сердца скрутились еще крепче в холодные комочки, пока мы ползли на четвереньках вдоль забора.

— Пригнись! — все время шипел Бен.— Пригнись, чтобы они тебя не увидели!

Затем мы очутились прямо перед домом. Мне хорошо были видны окна с выбитыми стеклами, голые стропила на крыше и закопченные колпаки на трубах. Солнце светило с нашей стороны, и его лучи играли на острых осколках стекол в окнах дома. Теперь сливы выглядели большими и сладкими, а вокруг деревьев роями вились осы.

— Все сливы все равно ядовиты,— сказал Бен,— даже если старухи и не поймают тебя за шиворот. А если ты не умрешь тут же от яда, то все равно тебя зажалят насмерть осы.

Во всем доме, начиная со сломанных оконных переплетов и кончая черными колпаками на трубах, не было заметно никакого движения.

Но вдруг Бен схватил меня за плечи и зашептал хриплым от волнения голосом, указывая куда-то вверх:

— Там они, там. Пока только одна из них. Следит...

— Где? Где? — сказал я.

— Наверху, вон в том окне. С левой стороны.

Ни Бен, ни я не знали, какая рука левая, а какая правая. Но он указывал рукой, в которой держал нож, и я уставился на окно в верхнем этаже с правой стороны: там никого не было.

— Ты не видишь ее? — сказал Бен.— У нее длинные белые косы. Ты даже можешь заметить ее большие уши.

Я оглядел все окна, одно за другим, сначала на первом, потом на втором этаже, но

не смог увидеть ничего, кроме зияющих дыр в стеклах.

— У нее нет ни одного зуба—это раз,— сказал Бен,— а рот совершенно зеленый.

Я не смел сказать Бену, что я ничего не вижу, но внезапно он сжал мое плечо.

— И вторая тут!..— прошептал он.— На первом этаже. Ой, у нее желтые глаза!

Сердце мое похолодело. По спине побежали мурашки.

— Ой ты! У нее большие желтые глаза,— продолжал Бен.— Большие желтые глаза... У-у... как сова...

Но все окна внизу были по-прежнему пусты, и единственное, что было желтым из видимого вокруг,— так это тучи роящихся ос.

— Неужели ты не видишь? — сказал Бен.

— Нет, не вижу...

Он обернулся, посмотрел на меня и сказал с насмешкой:

— Ха!.. Да разве ты так увидишь когда-нибудь! Вытаращил глаза! Ты скоси их. Скоси. Вот так, видишь? Как сова, понял?

Бен сощурил свои глаза так, что они стали совсем как щелки.

— Совы могут видеть в темноте,— сказал он.— Они могут увидеть даже то, чего мы не увидим. Ты знаешь это, знаешь?

Это я знал, мой отец тоже говорил мне об этом. Тут я сузил свои глаза, вроде совы, ну, прямо как Бен.

И когда я снова посмотрел на дом, то все в нем было так, как говорил Бен. Я тоже видел в окнах сидящих, словно совы, двух старух: одну наверху, другую внизу,—двух ядовитых старух: одну с желтыми глазами, а другую с зеленым ртом и с длинными белыми косами, и у обеих были ужасно большие уши.

— Теперь я вижу их, Бен,— сказал я.— Я вижу их теперь.

— Берегись! Они идут сюда! — закричал вдруг Бен.— Они бегут за нами!

И мы в ужасе побежали, быстрее ос, под Акки Дук, мимо болиголова, через золотистую ядовитую воду, мимо коровника, по темно-голубым проходам в терновнике. Горячее дыхание обжигало мне грудь и рот, но спина застыла совершенно, а узлы вокруг моего сердца все крепче и крепче стягивались смертельным страхом.

Так мы бежали, не останавливаясь, до тех пор, пока не оказались на большой открытой площадке на самом верху тропинки. Тут Бен начал смеяться, и я тоже засмеялся.

— Мы видели их! — кричал Бен.— Мы видели обеих! Они были там!

— Мы видели их! — закричал и я.— Мы видели их!

Бен начал кувыркаться на траве, и я тоже попробовал перекувырнуться. Мы все время смеялись, размахивали руками и кричали:

— Я видел ее желтые глаза!

— И белые косы!

— И видели их большие уши!

Вдруг сзади нас, на лугу, там, где рос болиголов, как каркнет грач. Бен вздрогнул и оглянулся. Я тоже вздрогнул.

— Давай поиграем в лошадки,— сказал Бен.— Алле, галопом всю дорогу, до дома!

— Я буду лошадкой,— сказал я.

И через секунду я стоял впереди, грызя удила. Бен ухватился за полы моего пиджака, а минуту спустя мы летели вперед, словно ветер.

— Мы видели ядовитых старух! — продолжал кричать Бен.— Мы видели ядовитых старух!

— Мы видели ядовитых старух! — повторял я.

— Они гнались за нами! Они почти схватили нас!

— Они почти схватили нас!

— Спорим, что они не стригут свои старые ногти миллион лет!

— Спорим, что они не стригут свои старые ногти миллион лет!

Что кричал Бен, то и я. Когда он смеялся, я тоже смеялся. Чему верил он, тому верил и я. Он не боялся, и я не боялся. Я лишь летел домой как вихрь.

Когда вам только четыре, то семь — это уже сотня, а пять дюймов — целая миля.

Перевел с английского Н. КОЛПАКОВ

ПОДЛИННАЯ И УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
шоколадных конфет,

Б. ВОЛОДИН

из которой попутно можно узнать, чем болел 3 500 лет назад главный жрец храма богини Изиды в Мемфисе, как был пойман самый маленький из вирусов и как ученые разных стран сообща заставили вредный вирус спасать детей от опасной болезни.

ШОКОЛАДНЫЕ КОНФЕТЫ

Шел по улице человек с маленьким чемоданчиком. Шел из дома в дом. Побывал в детском саду. В яслях. В школе. Заходил в квартиры.

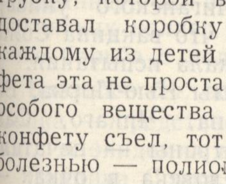
Когда он снимал пальто, оказывалось, что на нем белый халат.

Вы доктор? — удивлялись хозяева. А у нас никто не болен...

Знаю,— отвечал человек в халате.— Но у вас есть дети. Позовите их. Я буду делать прививки.

Он раскрывал чемоданчик и доставал из него... Шприц? Не угадали! Не шприц для уколов и не скальпель, чтобы царапать кожу, как при прививках оспы, и даже не трубку, которой выслушивают сердце! Он доставал коробку шоколадного драже и каждому из детей давал по конфетине. Конфета эта не простая: в ней содержится капля особого вещества — вакцины. Кто такую конфету съел, тот уже не заболеет опасной болезнью — полиомиелитом.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С РУМОЙ

В Мемфисе, вернее, на месте, где был когда-то Мемфис — столица древнего Египетского царства, археологи раскопали стены храма богини Изиды.

Мягкими щетками и пучками перьев осторожно смели со стен прочно прилипшую за тысячелетия землю.

Портрет древнеегипетского жреца Румы.

Открылись высеченные на камне рисунки. Ученые расшифровали значки-иероглифы на стенах и узнали даже имена нарисованных людей.

Древние египтяне были неплохими рисовальщиками. Они умело соблюдали пропорции человеческого тела. Но у фигурки главного жреца по имени Рума правая нога

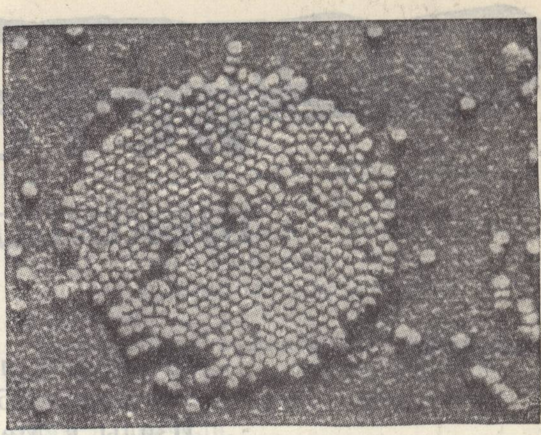
была короче и тоньше левой, а стопа отвисла.

Археологи никак не могли понять, почему неизвестный художник нарисовал Руму таким уродливым.

Знаете, кто разгадал загадку? Врач!

— Все очень просто, — сказал он. — Этот жрец в детстве болел полиомиелитом. Правая нога осталась у него парализованной. Древний художник очень точно нарисовал.

Полиомиелит, или детский паралич, известен давно. Еще в четвертом веке до нашей эры «отец медицины» древнегреческий врач Гиппократ писал, что на одном из островов Эгейского моря дети болели странной болезнью. После нее у ребенка наступал паралич ноги или руки.

Вот он, враг! Вирус полиомиелита в сотни раз меньше самой маленькой бактерии. Его нельзя увидеть в обычном микроскопе, настолько он мал. Крохотного невидимку разглядели совсем недавно в электронном микроскопе. Эти скопления крохотных комочков и есть вирус полиомиелита. Его сфотографировали при увеличении в 82 тысячи раз.

ВИРУС ИДЕТ В АТАКУ

В 1940 году за океаном, в Соединенных Штатах Америки, вспыхнула эпидемия детского паралича, длившаяся многие годы. Только в 1953 году полиомиелитом переболело 57 тысяч детей. За 15 лет 130 тысяч маленьких американцев сделались инвалидами. Страшные цифры!

«Эпидемия» — слово грозное, как «землетрясение», как «пожар». По-древнегречески оно означает «повальная болезнь».

Американцы считают полиомиелит «врагом № 1». Но правительство США, которое тратит миллиарды долларов на бомбардировщики и атомные бомбы, на здравоохранение отпускает совсем мало денег. Средств для борьбы с этой страшной болезнью не было.

Знаменитый политический деятель президент Франклин Рузвельт хорошо знал, как опасен полиомиелит. Он сам переболел этой болезнью, у него были парализованы ноги, и ему приходилось передвигаться в кресле на колесиках.

По инициативе президента был создан специальный денежный фонд для борьбы с полиомиелитом. Его называли «фондом Рузвельта». Но средства в него поступали не от государства. Это были трудовые гроши американских рабочих, фермеров, служащих, ученых. Сбор денег на борьбу с полиомиелитом так и назывался — «марш даймов», «марш гривенников». Миллионы собранных десятицентовых монет пошли на покупку лабораторного оборудования и обезьян. Ведь все опыты проводились на обезьянах, потому что, кроме человека, только обезьяны болеют полиомиелитом.

Американские ученые упорно работали над получением прививочной вакцины — средства для предупреждения болезни. Вакцин было предложено много, большинство из них оказались неудачными. Первой для массовых прививок против полиомиелита стали применять вакцину, которую получил доктор Джонас Солк, ученый из города Питтсбурга.

СЛАВА ДОКТОРА СОЛКА

12 апреля 1955 года особая комиссия доложила совету Мичиганского университета, что вакцина Солка выдержала испытания.

Газеты Нью-Йорка, Вашингтона, Чикаго, Сан-Франциско — всей страны — печатали портреты худощавого человека в очках — доктора Джонаса Солка. Его называли гордостью страны. Некоторые корреспонденты уже подсчитывали, как разбогатеет Джонас Солк.

Правительство США выдало владельцам шести капиталистических фирм разрешение производить вакцину. Владельцы фирм были заинтересованы только в одном: чтобы у них покупали как можно больше вакцины. И вот вместе с портретами Солка газеты стали печатать рекламные статьи по заказу фабрикантов вакцины.

Газеты требовали, чтобы немедленно были сделаны прививки миллионам детей!..

Америка — капиталистическая страна. Там берут деньги и за лечение и за прививки. Газеты торопили родителей: покупайте скорее вакцину, делайте прививки своим малышам. Прививка обойдется «совсем недорого»: пятьдесят центов — ампула вакцины и пять долларов — врачу за укол.

Борьбой с опасной болезнью в Советском Союзе руководили вирусологи Чумаков и Смородинцев. Они не в первый раз встречались лицом к лицу с невидимыми врагами. Эти ученые открыли другого невидимку — вирус таежного энцефалита, поражавший охотников, лесорубов, геологов и строителей в Сибири и на Дальнем Востоке.

«Бесшумные войны» науки требуют порой тяжелых жертв. Когда ученые искали в тайге клещей — переносчиков болезни, враг наносил им удары из-за угла. Несколько ученых погибло. Тяжелую форму энцефалита перенес и Чумаков. Но настоящие солдаты остаются в строю. После того, как была создана вакцина против вируса энцефалита, Чумаков объявил войну новому врагу — вирусу детского паралича.

Когда стало известно об открытии Солка, Советское правительство решило срочно наладить выпуск вакцины в Советском Союзе. Группа ученых во главе с Чумаковым и Смородинцевым была командирована в США.

Знаменитый Солк радушно принял советских гостей. Все им рассказал и показал, как нужно приготовлять вакцину.

Советские вирусологи пробыли в Соединенных Штатах тридцать дней. В лабораториях Питтсбурга, Нью-Йорка, Бостона и Цинциннати они знакомились с работами американских коллег, изучали, как идет в Америке борьба с полиомиелитом.

Казалось бы, все в порядке: есть вакцина Солка — средство против страшной болезни... А эпидемия в США не утихала.

Вакцина Солка оказалась несовершенной. Она не у всех создавала невосприимчивость к полиомиелиту. Каждый четвертый ребенок, которому были сделаны прививки, все-таки мог заболеть.

Значит, чтобы победить полиомиелит, нужно более надежное средство. Такое средство — тоже вакцину против полиомиелита — почти одновременно с Солком получил другой американский ученый, академик Альберт Себин. Но применять его вакцину для прививок в США не хотели. У вакцины Себина на родине нашлось много яростных врагов.

«ЖИВАЯ» ИЛИ «УБИТАЯ»

Какая разница между этими двумя вакцинами?

Солк получал свою вакцину, убив вирус формалином (муравьиной кислотой). Но при этом белок вируса сохранял свои особенности. Когда «убитую» вакцину вводили ребенку, организм встречал ее почти так же, как живого врага. Ведь организм человека защищается от своих врагов — микробов и вирусов.

...В крови вырабатывались защитные вещества — антитела. Антитела оставались в крови на некоторое время. И если потом ребенок заражался живым вирусом, антитела вступали в борьбу с ним. Но только три четверти привитых вакциной Солка были на время защищены от болезни, у одной четверти защитные вещества не вырабатывались.

Себин вел поиски в другом направлении. Вирусы бывают разные. Ведь не у каждого больного полиомиелитом болезнь заканчивается параличом. Тяжелая форма болезни бывает только в одном случае из пяти. Ученые установили, что у многих людей полиомиелит протекает легко, как грипп. А некоторые, заразившись вирусом, даже совсем не заболевают. Это зависит от того, какой формой вируса заразился человек: болезнетворной или безвредной.

Вот Себин и занялся труднейшим делом — селекцией вирусов. Он старался выделить из многих форм вируса полиомиелита безвредную, которая вызывала бы не болезнь, а только образование защитных антител. Такой вирус называют «живой» вакциной. «Живая» вакцина лучше «убитой»: она вырабатывает более сильную защитную реакцию.

В течение нескольких лет Себин выращивал и воспитывал в своей лаборатории культуру безвредного вируса. Он много раз прививал свою вакцину обезьянам. Обезьяны оставались здоровыми, и в их крови появлялись спасительные антитела. Когда обезьян после этого заражали болезнетворным вирусом, животные не заболевали.

Почему же это замечательное средство не применялось в Америке? Некоторые ученые считали, что вакцина Себина может неожиданно оказаться опасной: все-таки живой вирус. Разговоры о том, что вакцина Себина может быть опасна, подхватили и другие американские врачи. За каждую прививку «убитой» вакцины им платили день-

ги, а «живая» вакцина — капли, которые можно глотать без помощи врача.

Ну, и, конечно, против «живой» вакцины Себина были владельцы фабрик, выпускавших «убитую» вакцину.

От любого открытия нет толка, если его не применяют. Что мог сделать один Себин? Вырастить в своей лаборатории мизерное количество вируса? У него не было средств и условий для дальнейшей работы...

«Живая» вакцина — не новость для советских ученых. В нашей стране впервые были применены «живые» вакцины против опасных заболеваний — туляремии, бруцеллеза и созданы новые вакцины против оспы и бешенства.

Себин подарил Чумакову и Смородинцеву полученную им культуру. Пусть испытают ее советские ученые. Если подтвердится, что она надежна и безвредна, пусть прививают ее советским детям.

Американский профессор первым получил безвредный вирус. Он положил начало работе. Но дальнейшая история вакцины была создана нашими учеными. Они совершили гигантскую работу, сделали много замечательных открытий в вирусологии полиомиелита и дали «живой» вакцине настоящую, большую жизнь. Дело попало в добрые, надежные руки.

НА ПУТИ К ПОБЕДЕ!

Советское правительство решило во что бы то ни стало предупредить эпидемию полиомиелита, защитить наших детишек от паралича.

В СССР не пришлось устраивать «марша гривенников». Когда ученые вернулись из поездки в США, Чумакова пригласили в Совет Министров. Чумаков рассказал правительству, что необходимо для исследований, и государство выделило огромные средства. Заводам было приказано выпустить оборудование для лабораторий. Химики стали налаживать производство очень сложных веществ, не изготовлявшихся прежде в нашей стране, без которых нельзя было изготовить вакцину. В Индии и Индонезии закупили много тысяч обезьян для опытов. Был построен специальный институт. Сотни врачей и лаборантов занялись изготовлением вакцины.

Эпидемии детского паралича в Америке не угасали не только оттого, что вакцина Солка была недостаточно хороша. В США прививки делались только тем детям, чьи родители могли за них заплатить.

А Советское правительство решило сделать прививки поголовно всем ребятам. Это огромная работа!

Пока испытывали вакцину Себина, лаборатории стали изготовлять испытанную, хоть и не вполне совершенную, «убитую» вакцину Солка.

Но привить всех ребят этой вакциной — нелегкая задача. В нашей стране 77 миллионов детей и юношей, которым может угрожать полиомиелит. Каждому нужно было бы сделать по три-четыре укола. Это значит, что врачам необходимо было осмотреть 77 миллионов пациентов и установить, можно ли им делать прививки. «Убитую» вакцину Солка разрешается вводить только абсолютно здоровым людям, иначе она может принести вред. Медицинские сестры должны были 231 миллион раз вскипятить шприцы и сделать 231 миллион уколов: каждому нужно сделать по три укола.

Так еще раз подтверждались преимущества «живой» вакцины. Она в пятьдесят раз дешевле «убитой». Ее можно давать детям любого возраста, независимо от состояния здоровья... Не нужны дополнительные осмотры врача, не нужно 231 миллион раз кипятить шприцы. Стоит только раздать вакцину детям, и каждый проглотит ее сам.

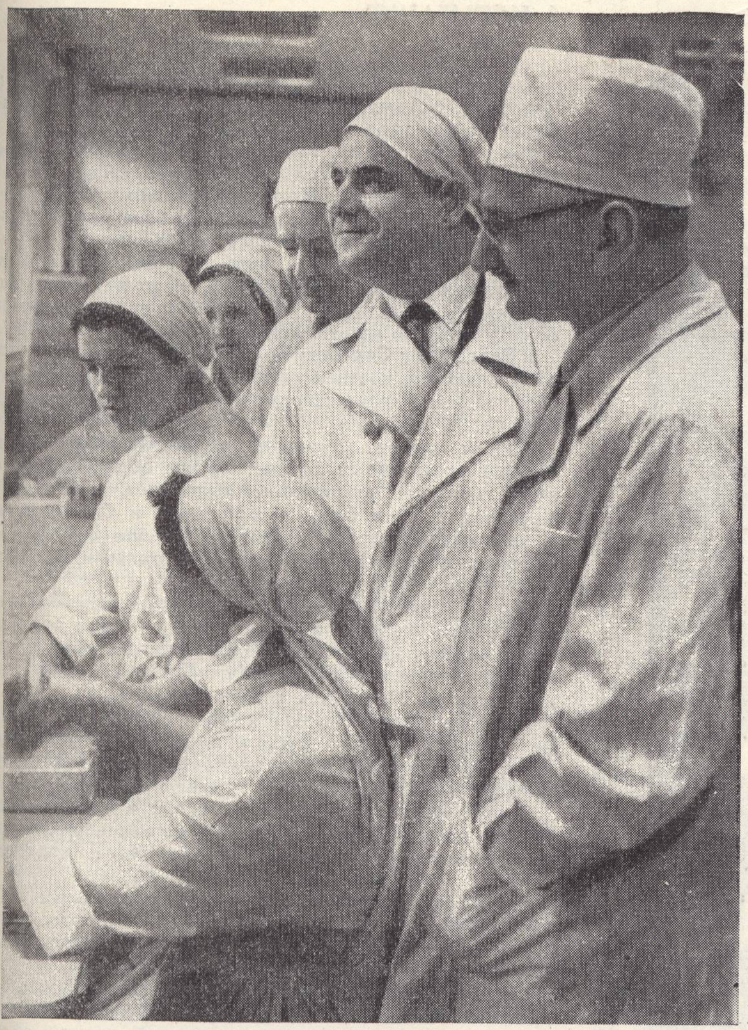
Советские ученые должны были быстро решить задачу. Они выращивали в лабораториях вирус вакцины, снова и снова проверяли ее, готовясь к генеральному наступлению на полиомиелит.

У них был хороший советчик — Альберт Себин. Он волновался. Он присылал письма, спрашивал, как идут дела. Приезжал в СССР из-за океана, чтобы помочь нашим ученым. Наконец советские вирусологи удостоверились в полной надежности вакцины, получили ее в большом количестве и рассчитали дозы для прививок.

Вакцину дали первой тысяче советских детей... Дети стали невосприимчивыми к полиомиелиту... Ее дали 20 тысячам детей. Снова прекрасные результаты!.. И изо всех областей и республик страны посыпались требования: «Дайте «живую» вакцину!»

Как привить побыстрее 77 миллионов детей и юношей? Как сделать так, чтобы вакцину было легко раздать каждому?..

На помощь вирусологам пришел ученый из совсем особенной отрасли. Это был профессор А. Д. Беззубов из Научно-исследовательского института кондитерской промышленности.

М. П. Чумаков и Альберт Себин (справа) на кондитерской фабрике, которая выпускает «Вакцинные» конфеты.

— Не забывайте о нас, Михаил Петрович, — сказал он Чумакову. — Кондитеры давно помогают врачам. Если больному нужно дать, например, много витаминов, он принимает наши витаминные драже. Дети лекарств не любят. Они к любым каплям относятся недоверчиво. А если сделать конфеты с вакциной? И принять приятно и раздать вакцину легко!..

С тех пор Московская кондитерская фабрика имени Марата стала выпускать особые конфеты — разноцветное драже «Вакцинное», розовое, желтое и даже шоколадное. Его, правда, не продают в магазинах, а рассылают в ясли, школы, в детские поликлиники.

И вот по улицам сотен городов, тысяч сел Советской страны идут люди в белых халатах. В их чемоданчиках коробки с удивительными конфетами, спасающими детей от тяжелой болезни. В каждой конфете ровно одна доза — столько, сколько нужно для прививки.

Чтобы сделать «конфетные прививки» ребятам Ташкента, понадобилось только два дня. Это вам не уколы! За полгода вкусную вакцину получили 65 миллионов человек. В ближайшие месяцы в Советском Союзе не останется ни одного ребенка или подростка, который бы не был привит против страшного полиомиелита. И, конечно, прививки бесплатны, как и вся медицинская помощь в стране социализма.

Советскую «живую» вакцину посылают в другие страны. Ее получили ребята Германской Демократической Республики — и в республике прекратились заболевания полиомиелитом. Вакцину отправили детям Болгарии, Венгрии, Албании, Китая и Демократической Республики Вьетнам.

...В институт по изучению полиомиелита приезжают теперь врачи из далеких стран. Они хотят научиться побеждать опасную болезнь. Недавно в Москву на конференцию собралось 79 зарубежных ученых из 19 государств. Они слушали доклады о борьбе с полиомиелитом в СССР и говорили: «Невероятно!», «Это возможно только у вас!»

Среди гостей был и Альберт Себин. Он побывал в лабораториях, видел, как готовят «Вакцинное» драже на кондитерской фабрике, как раздают его детям.

Себин назвал Чумакова «генералом войны с полиомиелитом».

— А знаете, — сказал Себин, — хотя ваша замечательная победа убедила многих моих соотечественников, в Америке только лишь собираются применять «живую» вакцину...

* * *

Не правда ли, удивительная история у конфет «Вакцинные»! Она показывает, какие замечательные дела могут быть сделаны, если все страны станут жить в мире и люди будут сообща бороться против общих врагов — болезней.

6. ИСПЫТАНИЕ

Вероятно, все беды накликал Владимир Сергеевич. Наверное, потому, что слишком уж хорошо он разбирался в народных приметах.

Как-то раз поутру, проснувшись и крикнув в лес свое любимое «Э-ге-гей!», он сказал: «Дело пахнет керосином. К дождю! Хорошая слышимость звуков». И действительно, через полчаса начался дождь, долгий и нудный. Но стоило ему под вечер иссякнуть, как Владимир Сергеевич опять сообщил: «Ласточки летают над землей, гоняются за низко летящими насекомыми. К дождю!» И среди ночи я проснулся оттого, что мне на нос капала вода: «Кап! Кап! Кап!»

Я Владимиру Сергеевичу сказал: «Да бросьте, снова накликаете, честное слово!»,— но он наутро опять свое: «Больно трава сегодня пахнет сильно и лягушки квакают. К дождю!»

Короче говоря, в природе, видно, началась подготовка к всемирному потопу: на нас обрушились все виды дождей: проливные, обложные, грибные и моросящие. Они были с молниями и без молний, с ужасными ударами грома и еле-еле слышными.

Земля и вода в реке стали холодными. Ботинки и тапочки у нас не просыхали.

Мы с Лешкой решили подсушить наши ботинки на костре — нацепили их на палки и стали вертеть, как шашлык, над углями. Через полчаса они у нас так скрючились, что на ногу надеть их было уже невозможно. Пришлось ходить босиком.

В такую погоду бегать к реке и умываться нам не хотелось, и наши руки и лица от вечной возни с костром покрылись толстым слоем сажи. От дыма и грязи у нас воспалились и стали слезиться глаза.

Я стал кашлять трубным голосом, а у Лешки так из носу потекло, что Владимир Сергеевич шутил над ним: «Нашего Лешеньку подключили к водопроводу!»

Вдобавок ко всему у нас зудели спины и шеи, обожженные раньше на солнце.

А вскоре к нам пришла еще одна напасть: разболелись животы. И в этом виноват был я.

Однажды, когда Владимир Сергеевич и Лешка отправились ловить рыбу, а я остался дежурить, мне пришло в голову сварить настоящий лесной обед. Может быть, я и не стал бы этого делать, но выбора не было: подмокший рис у нас протух, стал желтым и противно вонючим, а гречневая крупа разбухла и чуть ли не проросла.

Я все-таки остановился на гречке. Решил сделать кашу. Но пока я ходил за хворостом, перекладинка, на которой висела кастрюля над сильным огнем, перегорела, и вся моя каша упала в костер, и алюминиевые ручки кастрюли расплавились.

Я стоял над костром озадаченный: шутка ли сказать, какая же в костре была температура, если стал плавиться металл! Эге, тут надо быть осторожным!

Но через час я опять оплошал. Я приготовил суп, в который бухнул все, что у меня находилось под ногами: грибы, крапиву, щавель, добавил в воду три завалявшиеся картошки — и стал варить это волшебное снадобье.

В ДЕБРЯХ КАРА-БУМБЫ

Иосиф ДИК

Рисунки А. Смолина.

Я так долго варил свой суп, что он у меня... пригорел.

Мои друзья, вернувшись с речки продрогшие и голодные, накинулись на еду и стали ругать меня на чем свет стоит. Но так или иначе, а есть было нечего, и мы все-таки уничтожили мой несчастный суп.

А через час первым в кусты стрелой метнулся Лешка.

* * *

Ночами в шалаше нам было очень холодно, и мы теснее прижимались друг к дружке.

В наши носки мы набивали теплую золу и засовывали ноги в рюкзаки.

Честно говоря, нам с Лешкой было очень тяжело. Бывало, вечером пройдет по Оке пароход Москва — Горький, весь сияющий, весь в разноцветных огнях, с музыкой на палубе, и мы долго-долго глядим ему вслед, и нам обоим очень понятно, о чем в эту минуту думает каждый.

Но Владимир Сергеевич не унывал. Он то и дело мурлыкал себе под нос веселую песенку:

Если ваши ноги сводит лютый холод,
Сыплется за ворот дождик или снег,
Вспомните, что где-то бродит вовсе голый
С вами в общем очень схожий
снежный человек!
И улыбка, без сомнения,
Вдруг коснется ваших глаз...

Правда, вскоре после того, как мы по предписанию Зойки начали пить отвар из черники, животы наши прошли. Перестали болеть также и спины, которые мы регулярно стали смазывать раствором крепкого чая. («В чае есть танин»,— сказала Зойка.)

Вместе с нашими хворостями улетучились и дожди. Но тут ждали нас новые испытания.

Владимира Сергеевича свалила ангина.

Я еще ночью в полусне, прижимаясь к его теплому боку, почувствовал, как он дрожит. Мне показалось, что это от утреннего холодка, и поэтому я уделил начальнику Кара-Бумбы часть одеяла. Но дрожь у Владимира Сергеевича не прекратилась даже тогда, когда в шалаш вполз удушливо-жаркий полдень.

Лицо у Владимира Сергеевича сделалось мертвенно-бледным, глаза запали.

Владимир Сергеевич вышел на самый солнцепек. Он пил, обжигаясь, горячий кофе. Но и кофе не помогал.

Мы сидели около нашего вождя, опустив руки, и не знали, как помочь человеку. И вообще, с чего начинать день? Чем заняться?

— Это у меня частенько бывает,— сказал Владимир Сергеевич.— Проклятие!

— А может быть, достать лошадь и в деревню вас перевезти? — спросил я.

— Не надо! Пройдет! Идите работу искать!

— А вы как же? — спросил Лешка.

— Я тут один... полежу...

— А вдруг вам плохо будет? — запротестовал я.

— Хуже этого не будет,— ответил Владимир Сергеевич и добавил: — Я сейчас записку Зойке напишу. Она, наверное, уже на пляже. Отнесет ее Лешка... Только там не купаться!

И Владимир Сергеевич написал:

«Зоя! Я вас очень прошу, достаньте немножко пенициллина. Я».

Когда мы отошли от шалаша, Лешка спросил:

— Ну, что порешим? Его ведь нельзя одного оставлять! И вообще, ничего себе положеньице: денег нет, мы голодные... Вот дураки, взвалили на себя какую-то идиотскую клятву, а теперь, как медведи, лапу сосем!

— А может, нам опять снять запрет с продуктов? Только для Владимира Сергеевича?

— И заодно для нас?..— Лешка заискивающе поглядел мне в глаза.— В виде исключения, а?

— Ну что ты! У Владимира Сергеевича твердое слово! — сказал я.— В общем, пока. Я в колхоз! Ты со мной?

— Нет, я сначала на пляж. К Зойке. А потом в дом отдыха. Я уже решил.

Дом отдыха стоял над рекой, на крутом взгорье. Это было красивое ослепительно-белое здание с колоннами, балюстрадами и грибовидными беседками, в которых всегда сидели старушки.

По вечерам дом отдыха был освещен яркими фонарями и казался волшебным дворцом, парящим над землей. Когда ветер дул в нашу сторону, до шалаша с танцевальной площадки долетали звуки аргентинского танго «Не покидай меня!». Музыка то затихала, то становилась громче. От грустной мелодии почему-то щемило сердце, и мне в этот момент очень хотелось увидеть Зойку. Я иногда даже мечтал жениться на ней. «Вот,— думал я,— вырастем мы большие, потом уедем из Москвы куда-нибудь в тайгу, как геологи. Построим там шалаш. Зойка будет варить обеды, а я буду с ружьем добывать дичь. А потом мы там откроем какую-нибудь руду».

Лешка пошел к дому отдыха, размахивая «ФЭДом». Оставить фотоаппарат в шалаше он побоялся. «Еще, чего доброго, заснет Владимир Сергеевич, и фотоаппарат кто-нибудь свистнет!»

Я смотрел ему вслед и долго колебался: а не пойти ли вместе с ним? Ну, приду в колхоз, ну, скажу, что мне хочется поработать. А дальше что? Там, конечно, спросят: «А что ты умеешь делать?» Я отвечу: «Ничего!». «Ну, и до свидания!» — скажут. И пойдешь, не солоно хлебавши...

В страшном душевном смятении я направился в правление колхоза.

Около правления — кирпичного дома с широкими окнами — стояла новенькая «Волга». О ее передний буфер терся поросенок. Над шиферной крышей дома возвышалась алюминиевая телевизионная антенна. На доске объявлений висело: «Товарищи колхозники! Организуется экскурсия в Ленинград! Полет на один день на «ТУ-104». Записываться у Кукушкиной».

Меня сейчас очень мало интересовали деньги. Я знал: с голоду не пропаду. У нас есть продукты.

Село в этот жаркий полдень было словно вымершее. Куры лежали в серой придорожной пыли. Под плетнем в тени, полузакрыв глаза и разбросав точеные ножки, валялся жеребенок. А из людей только одна девчонка в красном платье крутила колодезный ворот.

Где-то в поле тарахтел трактор. В кузнице звенела наковальня.

Везде шла работа...

А настроение у меня было неважнецкое.

И вдруг я увидел, что неподалеку от пруда строится дом. Я подошел поближе к строительной площадке и стал смотреть на то, как двое молодых рабочих укладывали в узкой траншее огромные куски белого камня и заливали их цементным раствором.

Широкоскулый парень в голубой грязной майке — его звали Петька — говорил:

— Сегодня обязательно должны все забутить. А то Коляскин даст нам жару!

— Пускай людей дает, тогда лучше будет. Взвалил такое дело на двоих и пошел щи хлебать! — отозвался Мишка, краснолицый, небритый парень.— А ты

что, малец, рот разинул?! — вдруг рявкнул он на меня.

— Да ничего,— ответил я.

— А ты нам деру на рубль купишь в сельпо?

— А что такое «дер»?

— Вот подойди сюда поближе, узнаешь...

Я подошел к Мишке, и вдруг под хохот своего приятеля он схватил меня за ухо и начал трепать.

Я в один миг вывернулся, дал Мишке ногой под зад и отскочил в сторону.

— О, вот это мне нравится! — обрадовался Петька.— Теперь оба узнали, что такое «дер»! А я тебя видел. В лесу живешь?

Тон у Петьки был миролюбивый, и Мишка уже тоже смотрел на меня без злости, которая на секунду загорелась в его глазах после моего удачного удара. И потому я, улыбнувшись, ответил:

— В лесу...

— Эх, хорошая жизнюга: лежи и плюй себе в небо!

— Ага,— согласился я,— а оттуда все на тебя опять летит!

— А ты что ж, не доволен? — спросил Мишка.

— Доволен. Только делать нечего...

— Ох, смехотура: «Делать нечего»! Да вот, пожалуйста, бери лопату и ковыряйся с нами. Хочешь? — И Петька шутя протянул лопату.

— Спасибо,— сказал я.— А что копать?

— Ну вот хоть яму под стояк: два метра на метр.

Я подошел к указанному месту и нажал ногой на лопату.

Парни непонимающе переглянулись...

В обед Петька и Мишка принесли из дому кастрюлю с вареной свининой и картошкой. Они пригласили меня к столу.

У ребят третьей ложки не оказалось, и я ел свой первый трудовой обед широкой щепкой с заостренным концом. Лопаточкой я подхватывал картошку, а на острие насаживал мясо.

Петька дал мне большой ломоть хлеба, но я его разделил на две части и одну половинку спрятал под бревно. А из трех широких лопухов, скрепленных между собой тоненькими щепочками, я соорудил плошку, и Петька наполнил ее картошкой — для Владимира Сергеевича.

О нем я помнил все время: как он там один? Как чувствует себя?

Когда мы, сидя по-турецки вокруг кастрюли, «навалились» на свинину, Мишка случайно обернулся, посмотрел вдоль улицы и прошептал:

— Кажись, любовь моя идет! Коляскин!

— А кто он у вас тут? — спросил я.

— Председатель колхоза! — ответил Петька и стал газеткой обтирать свою ложку.

К нам подходил высокий человек в синей сатиновой рубахе, подпоясанной узким кавказским ремешком. Лицо у него было морщинистое, черное от загара. Он шел быстро и тоненькой хворостинкой охлестывал свои пыльные сапоги.

Мишка и Петька встали. Я тоже.

Коляскин остановился около четырехугольной траншеи и молча осмотрел ее.

— Значит, на точке замерзания? — наконец сказал он.

— Нет, почему же, Иван Спиридоныч? — ответил Петька.— Вон мы уж сколько заложили. Сегодня закончим забутовку, а завтра уж цоколь начнем гнать...

— Да что ты меня завтраками кормишь! — вдруг вскипел Коляскин и с силой хлестнул хворостинкой по сапогу.— Сколько дней прошло, уже клуб должен стоять, а у вас?

— И будет стоять! — сказал Мишка.— Людей вот не хватает.

— А ты что, не знаешь, где люди? В поле! Я вас специально освободил, а вы? То у тетки Ефросиньи на крыше подхалтурили, то у Тимофея сарайчик поправили...

— Ну просит же народ... Мы ведь после работы...— опустил голову Петька.

— Я видел, как после работы. Чуть председатель в район, так они уж пошли «налево»!..

— Да ладно тебе, Иван Спиридоныч,— попытался улыбнуться Мишка.— Сделаем — сам похвалишь за ударный труд. Вот садись с нами обедать.

— Не буду! — сердито сказал Коляскин.

Петька огорченно бросил свою ложку в кастрюлю, и она черенком воткнулась в гуляш.

Председатель повернулся и быстро зашагал от нас.

— Товарищ Коляскин! Товарищ председатель! — крикнул я и побежал за ним.

Иван Спиридонович оглянулся.

— Здравствуйте,— вежливо сказал я.— Вот у вас людей не хватает, возьмите, пожалуйста, меня, а? И у меня еще двое приятелей есть! Они тоже могут!

— А ты сам-то откуда? — прищурив глаза, спросил председатель.

— Из Москвы!

— Из дачников, что ль?

— Да вроде бы,— почесал я себе затылок.— Мы... в шалаше...

— А-а... слыхал. А что умеешь делать? — Иван Спиридонович пощупал у меня мускулы на руке.

— Да я... куда пошлют!

Председатель усмехнулся и, вертя в воздухе хворостинкой, задумался. Потом сказал: «Идем!» — и пошел обратно к стройплощадке.

— Вот что, вы, работяги! — обратился он к Петьке и Мишке.— Назначаю к вам ученика. Парня не обижать. Ясно? А ты, одним словом,— он повернулся ко мне,— будешь помогать им, что скажут...

Я кивнул головой.

— А на шалашное пропитание,— продолжал он,— я тебе сейчас дам записку. Получишь аванс. Картошку там, кислой капусты, огурцов. В общем, с голоду у меня не помрешь. А там, под конец, полный расчет...

У меня было очень радостно на душе. Назначение на работу произошло, словно по мановению волшебной палочки! И даже аванс уже можно получить! Так это на каждые летние каникулы можно в колхоз выезжать! И кормежка будет! Красота!

7. ЛЕГЕНДА О ЛЮБВИ

Под вечер в рогожном куле, который я взял у тети Груни, я нес к Владимиру Сергеевичу из колхозной кладовки мой «аванс»: картошку, капусту, огурцы...

По дороге к шалашу на узкой тропинке, которая шла через высокую рожь, я встретил Нарика и Гарика. Они словно меня поджидали.

— А ну постой-ка! — схватил меня за мешок длинноволосый Нарик.— Ты что несешь?

— Картошку,— ответил я и хотел пройти мимо.

— А ты не торопись,— загородил дорогу щуплый Гарик, растопырив руки.— Положи на землю, мы сейчас проверим. На колхозном поле выкопал?

— Я в кладовой получил.

— А где накладная?

— Какая накладная?

— При каждом товаре должен быть документ! — сказал Нарик и дал мне затрещину.

Дело оборачивалось худо. Драться я не мог. На спине у меня лежал мешок, а в правой руке я нес банку с медом.

Я втянул голову в плечи и спросил:

— Двое на одного, да?

Но они меня даже не удостоили ответом. Гарик нахально засунул указательный палец в банку с медом и облизал его.

Если бы у меня в руках был тот самый «дрын», который мы изготовили для врагов в шалаше, ух и устроил бы я им медовое угощение!

Но теперь, безоружный, я должен был стоять и смотреть, как эти два На-Гарика (так мы их стали называть чуть позже) отняли у меня банку, макали в нее пальцы и пожирали наш мед!

Я не понимал, в чем дело. Почему они напали на меня?

И только когда они вылизали весь мед и забросили банку в рожь, я понял.

Нарик поднес к моему носу кулак и сказал:

— На, понюхай. Чуешь, чем пахнет? Будете Зойку к себе зазывать, сделаем из вас антрекоты с гарниром!

— И студень! — добавил Гарик и тоже поднес кулак к моему носу. — Ультиматум предъявлен, а за остальное пеняйте на себя!

— Мы ее не зазывали, — сказал я, — она сама к нам приходит.

— А кто ей пишет записочки, как вы там называете... из Кара-Бумбы? — Гарик толкнул меня плечом и вынул из своего кармана записку Владимира Сергеевича. — «Зоенька, достань пенициллин». Это не ваше послание?!

Я был поражен: значит, Лешка тоже побывал в их лапах?!

— Вам ясно наше предложение? Вы свободны!

И, получив от Нарика легкую оплеуху, я отправился восвояси.

Владимира Сергеевича я застал у костра. Он помешивал кофе. Черно-бурая пена, словно лихо сдвинутый набок берет, лежала на кастрюле.

Под удивленным взглядом Владимира Сергеевича я сбросил на землю мешок и спросил:

— Ну, как себя чувствуете?

— Немножко отпустило... Только слабость, — через силу улыбнулся Владимир Сергеевич. — А это что?

Он указал ложкой на мешок.

— Первый заработок! — сказал я. — Я тут еще немножко свинины принес. А Лешка еще не приходил?

— Пришел...

— А где он?

— Твой дружок арестован! Вот такие дела! — бесстрастно сказал Владимир Сергеевич.

— Как арестован?! — У меня задрожали коленки.

— А очень просто: схвачен и брошен в кутузку! За темные махинации с фотоаппаратом!

— И он уже сидит?!

— Сидит!

— И что теперь будет, суд?!

— Сначала следствие, а потом суд!

— Надо немедленно поехать в Москву к его маме! — не на шутку всполошился я.

— Не надо! — вдруг раздался из шалаша Лешкин голос. — Судить судите, а моей маме ничего не говорите!

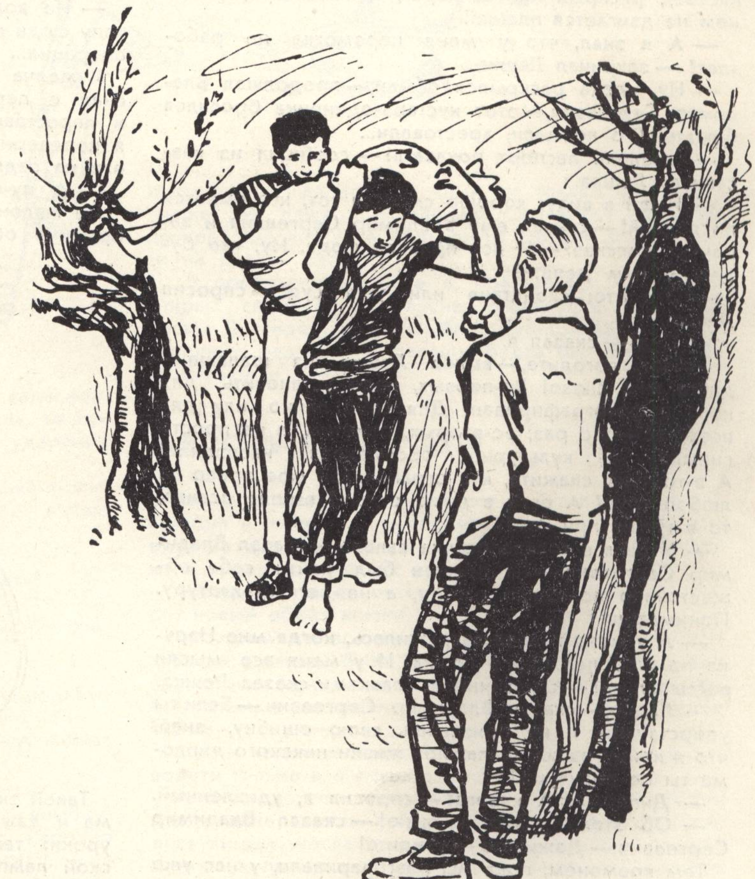
— Арестованный, молчать! — приказал Владимир Сергеевич и обратился ко мне: — В нашем коллективе морально-бытовое разложение!

— А что же он натворил?

У меня уже немного отлегло от сердца.

— Да ерунда какая-то! Меня оклеветали, а вы уж тут раскудахтались! — сказал Лешка, высунув из шалаша голову.

— Я кому сказал?! — прикрикнул на него Владимир Сергеевич. — Будешь разговаривать только на следствии!

— Ха! Ха! Следствие! Это — беззаконие! — отозвался Лешка.

Владимир Сергеевич ему больше не отвечал. Он с интересом выкладывал из мешка мое добро и, подробно расспросив о том, где я его достал, радостно воскликнул:

— Вот молодец! Хвалю! Сейчас будем ужинать. И так как у нас сегодня праздник по случаю первого заработка, с нашего масла запрет снимаю!

— Ура-а! — закричал из шалаша Лешка.

— А ты не радуйся, это тебя не касается! — ответил Владимир Сергеевич.

— Мне сегодня из-за вас морду набили,— проборчал Лешка,— а вы меня голодом морите! Где справедливость?

— Ты знаешь, чем этот ребенок около дома отдыха занимался? — посмотрев на меня, сказал Владимир Сергеевич.

— Чем?

— Кустарным промыслом!

— Не понимаю!

— А тут и понимать нечего. Он фотографировал отдыхающих! И брал с них деньги! По рублю за карточку. Я мешки за рубль таскал, а он карточки! Набил полные карманы денег и сказал, что завтра принесет снимки. Ну, все были довольны, а потом один из отдыхающих хотел ему помочь вытащить кассету, раскрыл фотоаппарат, и оказалось, что в нем не двигается пленка!

— А я знал, что у меня перемотка не работает?..— закричал Лешка.

— Ну, когда раскрылся обман,— продолжал Владимир Сергеевич,— этот кустарь-одиночка бросился бежать! Его поймали, арестовали...

— ...велели паспорт показать! — сообщил из «застенка» Лешка.

— Имей в виду: хорошо смеется тот, кто смеется последний! — сказал ему Владимир Сергеевич и закончил рассказ: — И вот привели сюда. Ну, что будем с ним делать?

— Это что: следствие или уже суд? — спросил Лешка.

— Суд! — сказал я.

— Нет, погодите,— вылез Лешка из шалаша,— дайте мне слово! Во-первых, надо установить, для кого я фотографировал! Для себя лично или для всех нас — это раз; во-вторых, отметим, я не просто снимал, а культурно обслуживал население! А в-третьих, скажите, кто ограничивал мое право на любой труд? А если в доме отдыха вышла осечка, то я тут ни при чем!

— У тебя в голове осечка вышла,— сказал Владимир Сергеевич.— Ты должен был найти себе общественно полезную работу, а не легкую халтуру. Понимаешь?

— А у меня голова закружилась, когда мне Нарька по шее дал около пляжа. И у меня все мысли рассыпались! — с невинными глазками сказал Лешка.

— Ладно,— сказал Владимир Сергеевич.— Если ты упорствуешь и не признаешь свою ошибку, знай, что к концу нашей шалашной жизни никакого диплома ты не получишь!

— Диплома? А какого? — спросил я, удивленный.

— Об этом только я знаю! — сказал Владимир Сергеевич.— Доживете — увидите!

Тем временем, пока мы разговаривали, у нас уже сварилась картошка, и мы сели ужинать. Лешка насупился и ел молча.

В лесу уже стемнело. Стал накрапывать мелкий дождь. От костра наши лица были черно-красными. Если бы кто-нибудь посмотрел на нас со стороны,— точь-в-точь разбойники пируют!

И в этот момент, ведя перед собой велосипед, к нам пришла Зойка! На ней были голубой плащ с капюшоном и высокие резиновые ботики.

— Владимир Сергеевич, что с вами? — положив велосипед на землю, быстро спросила она.

— Да ангина...— слабым голосом ответил наш вождь.

— Ну, это дело поправимое. Вы знаете, минут пятнадцать назад ко мне под окно пришли Нарик и Гарик и стали меня разыгрывать какой-то запиской. А я эту бумажку вырвала у них и все прочла!

— Это они у меня ее отняли! — сказал Лешка.— Я шел к тебе, а они напали...

— Это возмутительно! — сказала Зойка.— Я, честное слово, пойду к Нарькиному отцу. Он как раз сегодня приехал. Вот лоботрясы!

— Да плюньте на них! — пожал Зойкину руку Владимир Сергеевич.— Мы сами с ними рассчитаемся. Дайте только встану! А вы мне что-нибудь принесли?

— Принесла. Только пенициллин не в таблетках, а в ампулах. Подойдет? У нас другого не было.

— А кто ж ему укол сделает? — удивился я.

— Я,— ответила Зойка.— Я тут все привезла: стерилизованный шприц, иголку, спирт. Это у папы всегда дома есть. Вы доверитесь мне, Владимир Сергеевич?

— Пожалуйста! А иголку не поломаете?

— Не волнуйтесь, я уж не первый раз. Я бы и папу сюда привела, но он в Москве. У него сегодня операция... Только вот здесь очень мало света!

Я молча раскрыл на перочинном ноже отвертку, снял с переднего колеса велосипедную динамку и переставил ее на вилку заднего колеса. Потом я перевернул велосипед «кверх ногами», установил его на седле и на руле и приказал Лешке:

— А ну-ка, арестант, крути педали!

Из маленькой фары, которую я держал в руках, брызнул ослепительный свет!

Такой эксперимент я не раз устраивал у себя дома и даже пытался под жужжание динамки учить уроки: так было интереснее, чем при электрической лампочке! Но Зойке сейчас, видимо, показалось, что я гениальный изобретатель. Она закричала:

— Ой, какая прелесть! Юрка, ты просто золото! Как ты додумался?!

«Нет, Зоя, это ты золото!» — сказал я про себя.

Зойка протерла пинцет ваткой со спиртом и вынула из никелированной коробочки шприц. Я освещал велосипедным фонариком ее пальцы. Они работали быстро и уверенно.

Вот Зойка уже перелила пенициллин из ампулы в стеклянную трубочку, просунула в кольцо на поршне большой палец и сказала:

— У меня готово!..

Укол она сделала в одно мгновение. Потом разобрала шприц и снова уложила в коробочку.

Мы дали в руки Зойке тарелку с вареной картошкой. Владимир Сергеевич позволил из неприкосновенного запаса раскрыть банку с судаком в томатном соусе, и пир на весь мир закипел!

Несмотря на то, что мы съели по две тарелки картошки и выпили полную кастрюльку кофе, после ужина мы еще стали печь картошку.

Мы вытащили из шалаша все наши постельные принадлежности и, расположившись на них, стали смотреть в костер.

Огня уже не было. Только тлели малиновые угли, да по краям очага вспыхивали сосновые иголки.

Зойка, поджав ноги и покусывая травинку, сидела рядом со мной.

— Расскажу вам сейчас одну легенду о любви,—улыбнулся Владимир Сергеевич.— Мне рассказывал ее тот старик, который подарил мне женьшень.

— Какой женьшень?— спросила Зойка.— Корень?

— Да,— ответил он.— Это такой у меня талисман.

— Если Владимир Сергеевич его потеряет, то потеряет свое сердце,— пояснил я, сделав ударение на слове «сердце».

— А ну ее... эту легенду! — сказал Лешка-фольклорист.— Да еще про любовь! Давайте лучше анекдоты!

Но вдруг Зойка сказала:

— Мальчики, а кто меня пойдет провожать?

Мы с Лешкой переглянулись.

— Да посидите еще, куда вам торопиться,— отозвался Владимир Сергеевич.

— Нет, меня уже дома ждут!

— А сегодня Владимира Сергеевича очередь! — сказал я.

— Ну, куда ему! — Зоя махнула рукой.— А может быть, ты, Лешка, теперь пойдешь?

— Я не могу: я под арестом!

— Трусишки вы, вот что я вам скажу! — улыбнулась Зойка.— А теперь слушайте: я вас нарочно проверяла! Мои родители уехали в Москву, и я остаюсь вместе с вами!

— Вот и отлично! — сказал Владимир Сергеевич, почему-то обрадовавшись.— Свистать всех наверх! Нашей Белоснежке стелить в шалаше, а трое гномов будут спать около костра!

Зойке мы сделали постель прямо пуховую. Стелили ей при свете электрофары: сбили в одну кучу все листья в шалаше, отдали ей самую мягкую подушку и самое теплое одеяло.

Чего греха таить, мы с Лешкой думали: слава богу, что не пошли провожать! Куда идти: кругом темень, страшно!

И вскоре все уснули. А я лежал и думал: а почему почти все легенды только об одном — о любви? И почему, когда Зойка с нами, не только мы, мальчишки, но даже и Владимир Сергеевич какой-то другой становится? А ведь он-то старше Зойки почти на девять лет!

...В предутренней мгле я, поеживаясь, чуть приоткрыл глаза и в полусне усмехнулся: «Показалось!» Я увидел, что в глубине кустарника, на краю тропинки, ведущей к шалашу, будто бы стояло что-то черное и мохнатое.

8. КОСТРЫ НАШИХ ДУШ

После первой ночевки в лесу Зойка позвонила со станции в Москву и узнала, что ее родители не приедут на дачу три дня и, следовательно, она может жить в деревне как ей вздумается.

А вздумалось ей остаться у нас в шалаше и ввести новый образ жизни.

По утрам мы все вместе, кроме Владимира Сергеевича, должны были делать зарядку, а потом, как очумелые, бежать на речку. Мы стали чистить зубы углем, а в «санитарный день» стирали свое белье.

Зойка также постановила «прием пищи» производить только в определенные часы.

Раньше, до этих нововведений, мы по нескольку раз в день варили себе кофе «Здоровье» и садились за еду, когда хотели, а теперь нашей казацкой вольнице пришел конец. Зойка вбила на лужайке осиновый кол и «начертила» лопатой по дерну циферблат. И когда солнечные часы, например, показывали 6 утра, на столе уже дымился завтрак, и мы, причесанные и умытые, глядели на то, как Зойка раскладывала нам по тарелкам пшенную кашу.

Я затащил Лешку на стройку колхозного клуба, и он начал свой трудовой путь с чернорабочего: подносил Петьке и Мишке песок, размешивал в ящике цементный раствор. Сам же я был допущен к более сложным работам: притирал на цементной подушечке кирпич к кирпичу и даже брал в руки мастерок.

Я уже многое узнал: и что такое сшивать доски «внахлестку» и как прибивать их «заподлицо». «Бу-

том» назывался белый камень, очень прочный и водостойкий. Он обычно укладывается в землю. А «подтоварник» — это просто бревна длиной 6 метров и толщиной 10—12 сантиметров. На земле возле дома были сложены «обрешетка» для крыши и тонкие доски для «черного пола».

Иногда я слышал, как Петька советовался со своим напарником:

— Какой раствор будем здесь делать: один к четырем или один к шести?

— А какая у нас марка в этом мешке?

— Не то триста, не то четыреста.

— Давай один к шести.

И Петька приказывал Лешке насыпать в ящик для раствора шесть ведер песку и одно ведро цемента.

А марки расшифровывались очень просто: чем выше марка цемента («200», «300», «400», «500»), тем больше песку он «связывает» и крепче «схватывает».

Наблюдая за тем, как работают Петька и Мишка, и прислушиваясь к их рабочему разговору, я понял, что каждая профессия имеет свой словарь и свои хитрости. И мне было приятно щеголять рабочими словечками:

— Эй, Лешка, давай сюда вагу, а сам зайди с торца!

Так мы укладывали венец — нижние бревна дома.

Мы с Лешкой уже имели право есть «мамо-папины» продукты, потому что работали в поте лица. Так настояла Зойка. Владимир Сергеевич, правда, говорил, что это уже неинтересно, если мы все-таки начинаем прибегать к чьей-то помощи. Вот Робинзон Крузо добился всего сам, так и мы должны делать.

— Владимир Сергеевич, вы не правы! — сказала Зойка.— Вот если бы они вообще балбесничали, как эти На-Гарики, тогда другое дело: пусть сами себе и добывают пропитание! А раз они работают, мама и папа должны их поддерживать.

— Но Лешка-то ведь еще не получил аванса,— возразил Владимир Сергеевич.

— А вы сами-то работали? — насупился Лешка.

— У Владимира Сергеевича бюллетень,— сказала Зойка.

— Знаем мы этот бюллетень!— ответил Лешка и подмигнул мне.

— А ты что ему подмигнул?

— Ничего, это у меня нервный тик.

Но этот «нервный тик» для меня лично означал многое.

Позавчера, когда мы с Лешкой ушли на работу, Владимир Сергеевич с Зойкой остались одни. А когда мы прибежали на обед, то увидели, что Зойка с Владимиром Сергеевичем режутся в шашки и у него на лбу красное пятно.

Я догадался, что эти шашки Зойкины, и мне почему-то стало грустно. Значит, она специально ходила за ними домой.

А тут еще Лешка подлил масла в огонь. Когда мы пошли по грибы, он сказал мне:

— Ну, теперь пропало твое дело, не видать тебе Зоечки, как уши без зеркала!

— А куда она денется? — спросил я, сделав вид, будто ничего не понимаю.

— Никуда. Но просто она теперь будеть чихать на вас с пятого этажа. Нужны вы ей больно!

— С чего это ты взял?

— А ты посмотри, кого она теперь по лбу щелкает!

Эти обидные для меня Лешкины домыслы я решил проверить сегодня же. Вернувшись к шалашу с грибами, я предложил Зойке сыграть в шашки, но она ответила:

— Некогда, некогда! Ты видишь, что с ним?

Она заботливо укрывала Владимира Сергеевича. Он не хотел ни есть, ни пить, но Зойка говорила:

— Ну, пожалуйста, я вас очень прошу! Вы увидите, вам же сразу лучше станет! — и пыталась поить его горячим кофе из кружки.

О, почему я не заболел ангиной!

А потом Владимир Сергеевич стал нам рассказывать эпизоды из своей жизни. И слушать его было необычайно интересно.

Однажды в зимнем туристическом лагере он ехал с товарищем на лыжах по склону горы, и вдруг снежная лавина сбила товарища с ног и засыпала его. Надо было мчаться за помощью в лагерь, но Владимир Сергеевич не бросил друга, а стал его откапывать сам. И так он разгребал снег всю ночь, пока не вытащил на склон своего полуживого товарища.

Зойка горящими глазами смотрела на Владимира Сергеевича.

— И он, значит, живой остался?

— Живой. Что ему сделается! Сейчас тоже, как и я, геолог,— сказал Владимир Сергеевич.— А вот еще другой случай...

Наш старший друг с головы до ног был напичкан разными случаями. Каждый его герой, будь то какая-нибудь бабушка или профессор, имел свой голос, свою походку, и я, например, очень зримо представлял себе худощавого охотника в рваном полушубке, в огромной волчьей шапке, на которого в тайге напал уссурийский медведь-шатун. Владимир Сергеевич пошел с ружьем на подмогу охотнику, выстрелил в упор, но медведь все-таки успел снять «скальп» с Владимира Сергеевича. И ему в больнице снова натягивали волосы на голову. Это был невероятный случай. Мы, может быть, и не поверили бы начальнику Кара-Бумбы, но он в доказательство показал нам длинный, еле заметный шрам под волосами на лбу.

Я слушал Владимира Сергеевича и думал о том, что за таким человеком я пошел бы на край земли. Только зря он все это при Зойке рассказывает!

Владимир Сергеевич лежал перед костром, и на его бледное, осунувшееся лицо спадали со лба две прядки волос, которые он то и дело закидывал пятерней назад.

Вдруг в кустах мелькнула голова какого-то мальчишки. Мелькнула и исчезла.

— Что-о такое? — приподнялся на локте Владимир Сергеевич.— А ну-ка, Лешка, узнай, в чем дело!

Лешка вскочил на ноги и кинулся в кусты.

Через минуту он привел к шалашу наголо остриженного веснушчатого паренька. На нем были трусы и белая рубашка с пионерским галстуком. Ему было лет девять-десять. Он оглядел нас всех, бросил взгляд на шалаш и нерешительно сказал:

— Здравствуйте... товарищи! К вам можно?

— А-а, заходи, заходи! — будто старому приятелю, ответил Владимир Сергеевич.— Откуда пожаловали? Куда путь держите?

— Мы... я...— проговорил мальчик, не зная, с чего начать.— Мы в пионерском лагере все живем... А мне своего друга позвать можно?

— Ну что ж, зови! — сказал Владимир Сергеевич.

Мальчишка засунул два пальца в рот, оглушительно свистнул и закричал:

— Эй, Славка, иди сюда! Не бойся!

Кусты за шалашом зашуршали, и рядом с неожиданным пришельцем появился новый. Он был, так

же как и первый, стриженый и в пионерском галстуке. Лицо у него было монгольское: скуластое, с узенькими щелочками глаз и с широким облупившимся носом.

— Вот,— сказал веснушчатый,— мы вдвоем пришли. Это Славка, а я Толя... А это правда, что вы к себе в шалаш принимаете?

— Конечно, правда. Вы же пришли и видите, мы вас не гоним! — сказала Зойка.

— Нет, мы не об этом...— сказал Славка.— Ну, в свой отряд вы записываете или нет?

— А какой у нас отряд? — удивленно спросил Владимир Сергеевич.

— Как какой? Вы же сами знаете...— улыбнулся Толя.

Мы переглянулись.

— Мы-то все знаем, а вот ты что скажешь? — сказал я.

— Ну, про вас говорят, что у вас тут... детский партизанский отряд по борьбе за самостоятельную жизнь...

Владимир Сергеевич улыбнулся, но тут же спрятал свою улыбку и спросил:

— Ну, и с кем же мы боремся?

— Конечно, это, может быть, враки,— опустив глаза, сказал Славка,— но, говорят... с родителями!

Я хотел захохотать, но Владимир Сергеевич сделал знак рукой.

— А тебе кто же насолил: папаша или мамаша? — спросил вдруг Лешка.

— Ему мачеха насолила,— ответил за друга Толя.

При слове «мачеха» у меня сжалось сердце. Я спросил:

— А она тебя бьет или работать заставляет?

— Хуже...— ответил Славка.

— Она ему совсем дышать не дает! — пояснил Толя.— Вот мы приехали в лагерь, а его мачеха в этой же деревне себе дачу сняла и все время лезет его целовать. А ему стыдно перед ребятами.

— Ясно,— сказал Владимир Сергеевич.— А у тебя, Толя, к кому претензии?

— А он разозлился на нашу пионервожатую! — сказал Славка.— Сегодня Гришка подошел к Тольке да как плюнет на него, а Толька не растерялся и тоже в него плюнул. Ну, тут и пошло! А Галя их заметила и обоих заставила на кухне картошку чистить! А он удрал!

— Э-эх, граждане!.. — сказал Владимир Сергеевич.— А мне кажется, что вы сюда не по адресу попали. Во-первых, у вас невеские доводы для приема в наше содружество. Ну что ж, мачеха? Мачеха, видно, у Славки хорошая. А во-вторых, зачем же нам такие приятели, которые плюют друг на друга?

— Не примете, значит? — спросил Славка, и глаза у него сразу погрустнели.

— Нет. Надо вам сначала еще арифметику товарищества изучить...

— Чего-о, чего-о? — удивился Толя.

— Арифметику! — наставительно сказал Лешка.— Как надо относиться друг к другу. А потом уже к нам приходите на... высшую математику.

— А как мы будем арифметику изучать? — спросил Толя.

— А это уж я не знаю,— развел руками Владимир Сергеевич.— Это — дело вашей Гали.

— А она сама ничего не умеет делать,— вдруг сказал Славка.— Мы ее попросили морской узел завязать, а она не умеет.

— И не знает, как в лесу без солнца найти восток или запад,— добавил Толя.

— Лешка, веревку! — скомандовал Владимир Сергеевич.

И когда Лешка принес пеньковую бечеву, Владимир Сергеевич, не задумываясь, разрезал ее на две части, а потом быстро связал витиеватым морским узлом и протянул ее пионерам.

— Прошу, на память! А насчет востока и запада, так это легче легкого: вон, видите, на елке ветви? Так запомните: ветвей всегда больше на южной стороне. А тут уж сами определяйте, где восток или север.

В это время около шалаша, к нашему изумлению, появился сам председатель колхоза Коляскин. Он шел, как всегда, с хворостинкой в руках.

Владимир Сергеевич никогда не видел его в лицо, и поэтому его глаза насторожились.

— Добрый вечер! — просто сказал председатель.— Ну, как поживаете, разбойнички? — И, протягивая руку Владимиру Сергеевичу, добавил: — Я Коляскин.

— А-а, слышал! — улыбнулся Владимир Сергеевич.— Наш поилец и кормилец!

Коляскин сел на нашу самодельную скамейку, снял картуз, как будто зашел в комнату, и положил его рядом с собой.

— А я к вам по делу...

— По какому? — спросил Владимир Сергеевич и поглядел на меня и на Лешку: уж не набедокурили мы чего-нибудь в деревне?

— Да оно не очень сложное, но и не очень простое. Вы, кажется, геолог?

— Да.

— А в воде разбираетесь?

— Да, кажется, разбираюсь... Вообще-то у меня другая специальность: я поисковик... А что у вас с водой?

— Понимаете, нам артезианский колодец надо. Бурить хотим. Не поможете, а?

— Одну секунду,— сказал Владимир Сергеевич,— вот я сейчас отпущу этих двух ходоков,— он кивнул на пионеров,— и мы займемся с вами. Ну как, граждане, вам ясно?

— Ясно,— ответил Толя и, толкнув в плечо своего приятеля, побежал по тропинке в лес.

За ним, подскочив на месте, побежал Славка.

— Хм... Тоже мне, обиженные! — усмехнулся им вслед Владимир Сергеевич.— И придумают же: детский партизанский отряд!..

Коляскин достал пачку «Беломора» и закурил.

— Так вот,— начал он,— мы хотим расширить молочную ферму, а вода у нас не очень чистая, да и той не хватает.

— Верховодку только используете?

— Да, из колодца берем. Ну, и полчаса назад мы на правлении решили поискать воду получше и бурить землю около фермы. А потом я подумал, что могу сразу проконсультироваться у вас, и пришел к своим колхозничкам.— Он взглянул на меня и на Лешку.— Это от них я узнал, что вы геолог.

— Вообще что я могу сказать? — ответил Владимир Сергеевич.— Конечно, я могу заняться этим делом — дать предварительный прогноз, но все равно вам придется приглашать мастеров. Надо ведь буровой станок привезти, трубы, фильтр, насос.

— Это я все знаю,— сказал Коляскин.— Мы достанем. Но пока там приедет человек из Москвы... А вы уже тут, под боком. Может быть, возьметесь? А мы уж оплатим.

— Да какая там оплата! — улыбнулся Владимир Сергеевич. — Все равно мы отдыхаем. И дело-то несложное: съездить в Москву, в Геологическое управление, и достать материал по вашему району. Кстати, там у меня друг есть, он поможет.

Когда Коляскин ушел, Владимир Сергеевич сказал:

— Вот вам и шалаш! Видали?! Вот они, костры наших душ! О вас уже легенда идет: отряд! Вас уже на работу приглашают! Человек нигде не пропадет, только бы у него руки были. Давайте споем песню, а?

Настроение у нас у всех было отличное, и мы запели нашу любимую «Взвейтесь кострами!».

Я пел эту песню и чувствовал, как у меня по спине мурашки ползут от ее сильных, мужественных и призывных слов.

9. ЛЕШКА И МОХНАТОЕ

Неподалеку от шалаша был большой муравейник, и я любил сидеть над ним почти каждый день. Мне казалось, что муравьиная куча — это огромный город со своими домами, улицами и площадями. Муравьи двигались стройными цепочками, и можно было заметить, что одни цепочки тянутся из дома в лес, а другие, наоборот, из леса в дом. И те, кто направлялся в дом, обязательно волочили с собой или сосновую иголку, или муху, или гусеницу. Иногда на перекрестке дорог встречались два муравья, и, останавливаясь друг перед другом, они словно разговаривали между собой: «Ну как, брат, живешь?» «Да ничего, спасибо. А ты?» «Вот видишь, тружусь. Сухую былинку раздобыл, жена говорит, что потолок надо поправить». «Ну, ну, передавай ей привет! Я пошел!» И, поговорив, они озабоченно торопились каждый своей дорогой.

В куче можно было заметить и старых и молодых муравьев. Старые были толстенькие и черные, молодые — худенькие, светло-коричневые и юркие. Эти мчались вперед напролом, по головам и по телам своих родичей.

Некоторые пожилые, обиженные такой непочтительностью, тут же догоняли молодых нахалов и делали им внушение, видимо, кусали. После такой экзекуции молодые уже шли в лес, еле-еле передвигая ноги.

Я видел не раз, как муравьи втроем тащили одну палочку. Видел, как двое дрались из-за какого-то кусочка коры и их разнимали «прохожие».

А однажды Лешка засунул палку в муравейник, пошевелил ею и закричал:

— Граждане! Воздушная тревога! Воздушная тревога!

Ух, что тут поднялось! Весь муравейник пришел в движение. Побросав свои былинки, из лесу на спасение кучи бежали рабочие муравьи. Из дома навстречу им выскакивали другие муравьи и, будто спеленутых детишек, тащили на себе белые яички. Вскоре вся куча покрылась белыми движущимися точечками.

— Как война началась...— вдруг тихо сказал Лешка и выдернул из кучи свою палку.— Пойду лучше кротов искать!

Через день-другой Лешка изрыл почти всю лесную округу, но ни одного крота не нашел. И после такой неудачи он решил переметнуться от животного мира к растительному. Тут ничего копать не надо, а слушай, что Зойка рассказывает, и все!

А Зойкины познания были просто удивительными. Мы, например, каждую секунду встречали самую обыкновенную березу, но никто из нас никогда и не думал, что название ее рода происходит от латинского глагола «batuere», что в переводе обозначает «бить» или «сечь». Оказывается, эта береза в древнеримские времена была отличным учебным «пособием» для школьников.

— Вот здорово! — удивлялся Лешка.— Теперь мне ясно, откуда пошло выражение «дать березовой каши»!

Как-то раз, забравшись в малинник, Лешка очень сильно обжегся крапивой и принялся с ожесточением расчесывать ноги. А Зойка — наш врач — вместо того, чтобы помочь его страданиям, начала читать лекцию.

— А ты, Леша, можешь не чесать,— поясняла она.— Жгучие волосики крапивы содержат муравьиную кислоту. Крапива — хорошее кровоостанавливающее средство при легочных и других кровотечениях.

— Вот тебе бы по языку этими жгучими волосками,— с гримасой на лице отвечал Лешка,— ты бы по-другому его зачесала!

— Но, честное слово, я не вру! — смеялась Зойка.— А ты потерпи, и пройдет!

— У вас отличные познания! — восхищался Зойкой наш начальник Кара-Бумбы.— Все это действительно верно! Но откуда вы набрались таких премудростей?

— А мне папа об этом рассказывает!

И вообще мы с Лешкой заметили, что за последнее время, избавившись от ангины, Владимир Сергеевич уж больно часто восхищается Зойкой. Что она

ни сделает, он всегда скажет: «Мудро!» или «Вы у меня прелесть!» А почему это «у меня»?

С нами Владимир Сергеевич разговаривал на «ты», а к Зойке обращался только на «вы». Зойка всегда очень хорошо выполняла то, что скажет ей Владимир Сергеевич. Но не просто выполняла точь-в-точь, а в заданную работу привносила и что-то свое.

— У Зои великое качество,— говорил нам без нее Владимир Сергеевич.— Творческий подход к делу!

Нередко, сидя у костра, они заводили философские разговоры о жизни, о нашей стране, о литературе.

— Владимир Сергеевич, а вот для чего жить на белом свете? — вдруг спросит Зойка.— Мы с девчонками спорили-спорили в классе, но так ни к чему и не пришли. Одни говорят одно, другие — другое, а главного так никто и не знает. Ну вот рождается человек на белый свет, трудится-трудится, а потом умирает. И все. А в чем соль жизни?! Ну вот моей или вашей? До нас земля вертелась миллионы лет и после нас еще будет вертеться миллионы миллионов. А где наше место?

— Хм, это сложный вопрос! — отвечает Владимир Сергеевич.— Над ним все мудрые люди думали и думают. Ну, а я — не знаю, правильно ли это или неправильно,— я его решаю просто: природа создала человека, ну, как свои глаза! Для того, чтобы он любовался, радовался и наслаждался самой природой. Ведь есть же на белом свете что-то истинно красивое? Есть! Это — все живое: поля, леса, звери, птицы! А есть что-то некрасивое? Тоже есть! Это все мертвое: пустыни, ледники, непроходимое болото! Вот природа и видит нашими глазами свои недоделки. Ведь человек-то всегда стремится к красоте?

— Стремится! — кивает головой Зойка.

— А для того, чтобы вся земля была живой и красивой, надо ее переделывать, надо трудиться. Но одному человеку, например, не под силу озеленить пустыню Сахару? Не под силу! А если нам собраться всем вместе, провести там каналы, посадить деревья, то пустыня сразу зацветет. Но тут возникает другой вопрос. Один человек говорит: «Да, если мы ее озеленим, то у нас будет больше хлеба и продуктов, пустыня станет красивой. Там появится жизнь, и мы будем радоваться ей!» А другой говорит: «Нет, а на кой черт мне озеленять какую-то там пустыню, я и так проживу свой короткий век!» Вот теперь и решайте, кто прав: первый человек или второй?

Мы задумываемся.

— Конечно, первый! — отвечает Зойка.

— Правильно! Ну, а теперь: какая же цель стоит перед каждым человеком, который появляется на белый свет? — продолжает Владимир Сергеевич.— И на этот вопрос очень легко ответить. Он должен, во-первых, озеленить какую-то маленькую, но свою пустыню или высушить какое-то маленькое, но свое болото, то есть сделать что-то полезное! А во-вторых, он должен раскрыть глаза на мир каждому человеку, который хочет прожить на земле сам для себя. Ведь должен же какой-то след остаться после каждого человека на земле! А этот след и будет в конце концов — красота земли и счастье всех людей! Вот и весь прекрасный смысл нашей жизни!

— А я знаю, о чем Владимир Сергеевич говорит! — серьезно замечает Лешка.— Первый человек — это коммунист, а второй человек — индивидуалист! Это тоже недоделка природы!

— Ну хорошо, а как же я лично должна жить? — допытывается Зойка.— Ну где мне найти место, чем заняться?

— Вы, Зоя, кажетесь мне очень способным человеком. Вот вы немножко знаете медицину, немного ботанику. А к чему вас больше всего тянет?

— Пожалуй, к медицине.

— Вот и займитесь ею.

— А если я не попаду в институт?

— Поступайте в больницу в медсестры. Но все-таки бейте в одну точку. А там продвинетесь, подучитесь, и, глядишь, вы уже врач! Только надо быть настойчивым.

— А если меня никуда не тянет? Тогда что? — интересуется Лешка.

— Тогда иди куда хочешь: на завод, в колхоз, на фабрику. Там со временем поймешь жизнь, может быть, полюбишь свою работу...

— А если не полюбишь, как тогда?

— К тому времени ты, Лешка, уже умнее станешь и уж сам будешь решать, что тебе делать. Мне сейчас трудно загадывать. Но главное — не бояться никакой работы! Жизнь, она наука мудрая! Она сама тебя поставит на свое место. А лучше всего, конечно, уж что-нибудь с детства себе выбрать и шагать по одной дорожке. Так сказать, выбрать себе свое жизненное суворовское училище и вступить в него прямо с первого класса... Хотите, могу вас поднатаскать по геологии? Будете путешествовать, открывать нефть, разные руды...

— Ура! — кричим мы с Лешкой.— Давай!

— И ты сможешь нас взять в это лето в экспедицию? — перебивает его Лешка.

— Нет, вас еще брать рановато, а вот Зоя уже могла бы поехать в поле. Я бы ее немножко подучил как будущего коллектора и к нам в партию! Взяли бы, не задумываясь!

Но Зойка только вздыхает.

— Мечты, мечты, где ваша сладость? Папа! Мама! Разве они отпустят?

— А ты убеги! С Владимиром Сергеевичем не пропадешь! — советует Лешка, и мне хочется ему стукнуть по загривку за такие слова.

Зойку я уже не провожал по вечерам из лесу домой. Ее провожал Владимир Сергеевич. Он даже познакомился с ее папой и мамой и, бывало, попивал у них чай из самовара.

Я-то к ним заходил домой запросто, но они со мной обращались как с мальчишкой: спрашивали, как я учусь в школе, занимаюсь ли я музыкой и хороший ли у меня педагог. А вот с Владимиром Сергеевичем они вели разговор о политике, о его специальности, интересовались его мечтами о будущем.

Я все прекрасно понимал, что Зойка уже отошла от нашего прошлогоднего дачного детства, и мне было очень жалко, что мне еще так мало лет. Сначала я сердился на Владимира Сергеевича, но потом решил, что мне с ним не стоит портить хорошую мужскую дружбу.

До свидания, Зойка! И если я еще когда-нибудь встречу девчонку, то мне очень хочется, чтобы она вся была такая, как ты!

Однажды поздно вечером я поехал с деревенскими ребятами в ночное. Мы взнуздали лошадей, положили к ним на круп легкие подстилки и поскакали на Макарьев луг. Перед выездом наша кавалькада, состоявшая из пятнадцати лошадей, долго ожидала Сашку Косого, который почему-то не мог вырваться из дома. Так и не дождавшись, мы поехали без него.

Лешку я с собой в ночное не взял. Он не мог сам вскакивать на лошадь, его надо было поддерживать за ногу, а потом он боялся быстрой езды и все время вопил: «Ой, ребята, не гоните! Я себе весь зад отбил! Ой, сейчас упаду!..»

Вечер был холодный, и деревенские ребята по-

ехали на луг кто в зимних шубейках, а кто и в валенках на босу ногу. Я был в тоненькой рубашке.

На лугу мы спутали лошадей и сняли с них уздечки. Потом разожгли костер.

И вдруг я увидел, что к костру подходит что-то черное и мохнатое!

У меня прямо сердце в пятки ушло!

И это неизвестное животное придвигалось к нам на четвереньках! Ну, точно так же, как я видел около шалаша сквозь сон!

— Ой! — тихо ойкнули ребята, и от ужаса все окаменели. А потом все бросились врассыпную.

И я тоже удрал в кусты.

А это неизвестное животное вдруг встало на дыбы и дико захохотало!

— Ребята! Это же я! — закричал Сашка Косой и свалился от смеха на траву.

На нем оказался вывороченный наизнанку мохнатый овчинный тулуп.

Придя в себя, я сразу же спросил Сашку:

— Слушай, а ты еще кому-нибудь давал этот тулуп?

— Давал, — ответил Сашка, — а что?

— А кому давал?

— Ну, Нарьке с Гарыкой давал. Они у меня на сеновале, бывает, спят. А тебе что, холодно в рубашке?

— Холодно.

— Ну и бери его. А завтра отдашь!

Я накинул на себя тулуп, и все мы, весело обсуждая, кто как испугался «медведя», тронулись в деревню.

«Так, — думал я, — теперь ясно, кто к нам ходит по ночам. И ясно, почему ходит... Ну, ходи, ходи... Ты, Нарька, свое заработаешь!»

Подойдя к нашему шалашу, я вывернул шубу наизнанку, накинул на голову широкий воротник и встал на четвереньки. Я видел, что около костра сидит Лешка, а Владимира Сергеевича не было. Он, видно, пошел провожать Зойку.

И тут я, продвинувшись к шалашу на несколько шагов, тихонько завыл:

— У-у-ы-а!

— Кто там? — спросил Лешка, загородившись ладонью от костра.

— Э-ы-ы-уу!

Я думал, что сейчас Лешка завопит: «Караул! Спаси-ите!», — но дальнейшее произошло в одно мгновение. Такой прыти я от Лешки не ожидал. Он схватил наш тяжелый «дрын», подскочил ко мне и поднял его над головой.

Я едва успел произнести: «Это я, Лешка!» — и юркнуть в кусты, как Лешка с размаху хряпнул «дрыном» по земле, по тому месту, где я только что находился!

Не увернись я вовремя, эта шутка могла бы кончиться очень печально.

И все из-за того, что я думал, будто Лешка остался прежним!

10. КОРЕНЬ ЖЕНЬШЕНЬ

Как внезапно началось наше житье-бытье в шалаше, так оно внезапно и кончилось.

Однажды Владимир Сергеевич уехал с утра в Москву, в Геологическое управление, за прогнозом для артезианской скважины и, вдруг, вернувшись оттуда раньше времени, с грустью сказал:

— Анализ уже сделан в лаборатории. Вот и конец, друзья-приятели! Ну, что скажете?

— Уже, значит, уезжаете? — все еще не веря, спросил я.

— Как видите...

— А-а... мы куда? — растерянно сказал Лешка.

— Да, не ожидал я таких быстрых событий, — вздохнул Владимир Сергеевич. — Надо уезжать в Москву.

— И это обязательно сегодня? — спросил я.

— Именно сегодня! Я еще должен кое-что купить, собраться в дорогу, написать письмо родителям. Значит так. — Голос Владимира Сергеевича стал деловым. — Сейчас Лешка начнет собирать вещи, а мы с Юркой пойдем к Коляскину. Я ему сделал прогноз. Но жалко, что не успел составить проект скважины...

Я чувствовал, что Владимиру Сергеевичу уже не до нас. У него был озабоченный вид, и мне казалось, что между нами и им уже легла какая-то невидимая черта. Он уже занятый человек, а мы — мы что? — мальчишки! Он уезжает в большой мир поисков и строительства, а мы остаемся под крылышками своих родителей. Но вот что интересно:

если бы раньше, до нашего приезда на Оку, Владимир Сергеевич встретил меня на улице и сказал: «А знаешь что? Поедем со мной в «пески»!»,— я бы, конечно, ни за что не поехал! Одно слово «пески» звучало для меня пугающе. Но сегодня я бы махнул рукой на дом, на родителей, на город и своих друзей, но только бы остаться с Владимиром Сергеевичем и поехать с ним в «пески»!

Наш визит в деревню был неудачным. Мы там не застали ни Коляскина, ни Зойки. Коляскин уехал в район, а Зойка отправилась на пляж.

В правлении Владимир Сергеевич оставил записку: «Товарищ председатель! Вода у вас будет хорошего качества, дебита, то есть количества воды, хватит надолго! А воду вы возьмите с глубины 70—80 метров. Это удовольствие будет не слишком дорогое. Желаю успеха!»

Мы пошли на Оку.

Владимир Сергеевич то говорил, что времени у него в обрез, а то полетел зачем-то на пляж.

Мне было очень горько, что вот так быстро пронеслась наша золотая, привольная жизнь. Мне хотелось помечтать о таком же житье-бытье на будущий год, а он... Он думал о Зойке! Сегодня вечером мы уже будем в Москве, и кто знает, когда нам доведется опять встретиться. И никто не отпустит нас без Владимира Сергеевича в шалаш.

Когда мы подошли к реке, то увидели, что Зойка сидит на песке, а поодаль, метрах в пятидесяти от нее, резвятся На-Гарики. Нарик пытался сделать стойку на руках, а Гарик хватал его за ноги. Нас они не заметили.

Владимир Сергеевич замедлил шаг, посмотрел на меня огорченными глазами и спросил:

— Ну, будем к ней подходить?

— Конечно, будем,— сказал я.— Ведь надо же с ней попрощаться! И этих бы за шкирку потрясти!

— Идем! — решительно сказал Владимир Сергеевич.

Зойка была в синем шерстяном купальном костюме и красной резиновой шапочке.

— О, здравствуйте! — радостно вскочила она с песка.— А я, Владимир Сергеевич, сейчас к вам заходила в шалаш. И мне Лешка сказал, что у вас какая-то новость! Давайте купаться!

— А у нас уже времени нет,— сказал я.— Мы прощаться пришли! Мы сегодня уезжаем!

— Как уезжаете?! — отступила на шаг Зойка, и я увидел, что у нее дрогнули губы.

— Очень просто,— улыбнулся Владимир Сергеевич.— Я в «пески», а они домой. Скажите, Зоя, а это мыло ваше?

Зойка подняла с песка кусок туалетного мыла, завернутого в газетку.

— Мое! Пожалуйста!

Владимир Сергеевич кивнул мне на мыло: «Разверни!»,— а потом подошел к Нарику и без всякого предупреждения известным приемом схватил его руку на излом.

— Ой! — закричал Нарик.— Что вы делаете?!

— А мы рассчитываться пришли! За шубу, за мед! И ты, Гарька, иди сюда!

Но щупленького Гарьку точно ветром сдуло. Он умчался в деревню.

Нарик было попытался вырваться, но Владимир Сергеевич чуть-чуть нажал ему на руку, и тот почувствовал, что сопротивляться бесполезно.

— Ну, гадюка! — подошел я к Нарику.— Ты что тогда надо мной во ржи измывался, а? — И я схватил его двумя пальцами за нос.

— Уйди...— прогнусавил мой враг.

Я хотел хлопнуть Нарьку по щеке, но, взглянув на Зойку, постеснялся.

Владимир Сергеевич завел Нарьку в воду и приказал мне намылить ему голову. Я думал, что мы этому типу таких шишек-банок надаем, что он век будет помнить. Но Владимир Сергеевич казнил его остроумнее: я, как заботливая мать, намыливал ему голову, а на берегу отчаянно смеялась Зойка!

Потом Владимир Сергеевич со словами «Теперь смывайся!» дал пинка Нарьке, и тот бултыхнулся в воду.

— А может, ему еще добавить? — сказал я.

— Хватит! — сказал Владимир Сергеевич.— Неохота больше руки марать...— и крикнул: — Ну, Зоя, пойдемте к нам!..

На пляже я нашел то место, где оставил около берега в воде консервную банку с большой замшелой раковиной и налипшей на ней дюжиной ракушек. Я чуть о ней не забыл!

Банка была полузанесена песком. И когда я ее перевернул, на берег упала большая тяжелая раковина, а за нею все малюсенькие ракушата. Они уже отвалились от «матери»!

Я собрал все это семейство в горсть и бросил его на середину реки! Пусть живут себе в глубине и на быстром течении!

А в шалаше Лешка уже собрал два узла нехитрых наших пожитков.

Мы в последний раз разожгли костер, вскипятили кофе и выпили по кружке.

И тут, лукаво оглядев нас, Владимир Сергеевич вдруг вынул из кармана две бумажки с каким-то машинописным текстом и торжественно сказал:

— Товарищи! Митинг по случаю вручения двух трудовых дипломов воспитанникам Кара-Бумбской школы жизни считаю открытым! Маэстро, туш!

И сам оратор замахал, как дирижер, руками и заиграл на губах туш. Мы ему дружно подтянули.

— Первый диплом,— продолжал Владимир Сергеевич,— вручается Юрию Попову! — Оратор развернул бумажку и возвысил голос: — «Настоящим подтверждается, что Юрий Иванович Попов прошел полный курс шалашной жизни первой ступени. Им освоены следующие предметы: «Приготовление пищи», «Отгонка лошадей в ночное», «Помощь в строительстве домов», «Научно-исследовательская работа в области муравьиных куч», «Рыбная ловля руками». Товарища Попова можно считать человеком, пригодным для самостоятельного существования. Начальник Кара-Бумбы Владимир Карпенко». Ура, товарищи!

Мы закричали: «Ура!»

— Теперь следующий. «Настоящим подтверждается то, что Алексей Демьянович Кузькин за время шалашной жизни прошел школу торгово-ягодного ученичества и кустарно-фотографического промысла и показал себя человеком изворотливым...»

— А я не согласен! — вдруг с обидой сказал Лешка.— Вы Юрке серьезную бумажку написали, а мне какую-то такую... Ну зачем вы написали про ягоды или про то, что я какой-то там ловчила? Не это главное!

— А что главное? — спросил Владимир Сергеевич.

— Уж будто вы сами не знаете,— сказал Лешка.— Надо мне тоже отметить, что я умею варить картошку, что я был чернорабочим. Ну и вообще, что сначала орал «караул», а потом чуть Юрке хребтину не поломал! И что я тоже теперь не пропаду!

— Ну как, ему можно выдать такой диплом? — спросил нас Владимир Сергеевич.

— Мне кажется, можно! — кивнула головой Зойка.

И Владимиру Сергеевичу пришлось уже от руки, карандашом написать Лешке новый трудовой диплом.

В конце каждого диплома, потерев карандашом о герб на пятнадцатикопеечной монете, он приложил графитные печати.

Подхватив два узла, мы пошли на станцию. Нам было очень грустно покидать наше обжитое место, где мы пережили столько веселого и незабываемого. Перед уходом мы присели на дорожку и помолчали. У каждого из нас в душе родились какие-то свои особые думы и о пролетевших днях и о том, что нас ожидает впереди.

Лешка сидел передо мной загоревший и поздоровевший. И я чувствовал, что ему тоже не хочется уезжать отсюда.

Я вспомнил, как Владимир Сергеевич во время первой ночевки на сеновале рассказывал нам о том, что никаких чудес на свете не бывает и что человек только сам может добиться своего счастья. Я вспомнил, как Зойка не раз нам говорила, что мы ничего не понимаем в жизни. А теперь она этого не скажет!

Да, пройдет всего лишь каких-нибудь два-три года — и эта полянка перед шалашом зарастет молодыми березками и елочками, опутается буйным орешником, и ничто уже не напомнит о том, что некогда здесь жили-были мы, мальчишки, которые хотели поскорее войти в жизнь!

...Через несколько дней мы провожали Владимира Сергеевича из Москвы. Мы приехали на вокзал на такси.

Владимир Сергеевич сбросил в вагоне свой рюкзак и вышел на перрон. Мы с Лешкой обняли его и поцеловали. А Зойка подала ему руку. Но он взял ее за обе руки и молча поглядел ей в глаза.

Так они и постояли секунду — высокий, красивый парень в красной ковбойке с распахнутым воротником и хрупкая девчонка в школьном платьице с беленькими кружевами на шее.

Поезд незаметно тронулся, и Владимир Сергеевич уже на ходу вскочил в вагон. Мы пошли рядом с ним. А потом мы побежали за вагоном. Но догнать Владимира Сергеевича мы уже не могли.

И когда в темноте исчез красный фонарик последнего вагона и мы пошли на выход в город, Зойка вдруг остановилась под ярким фонарем и сказала:

— Мальчики, смотрите!

Она разжала кулак, и на ее маленькой ладони — нет, мы не поверили своим глазам! — мы увидели «талисман» Владимира Сергеевича — корень женьшень! — который был очень похож на маленького человечка.

Конец

Маленькие японцы рисуют...

Уборка рисового поля. Дж. Кудо, ученица 5-го класса.

В школу под дождем. С. Ясумото, ученица 1-го класса.

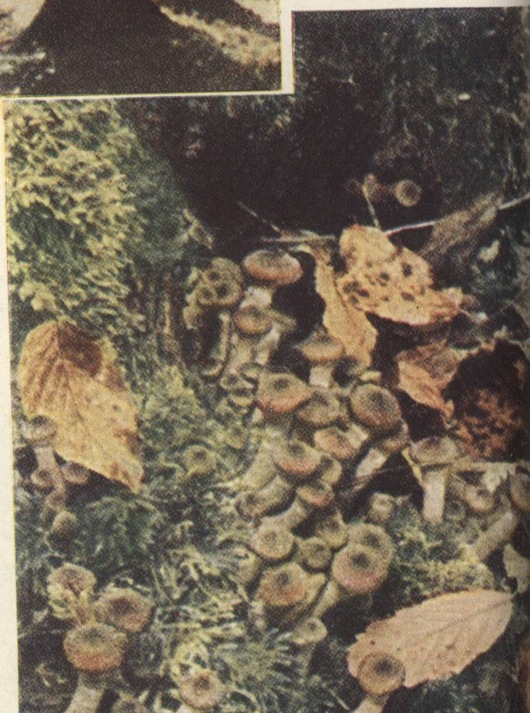
Погожий денек.

ШАГИ ОСЕНИ

Фото В. Гиппенрейтера.

Дубовая веточка.

Опенки выросли.

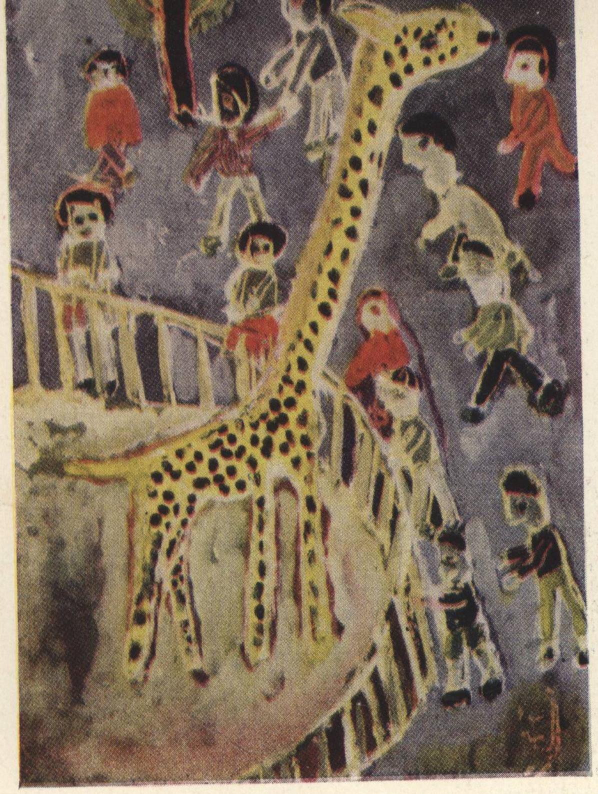
Мертвые листья осины, холодные капли дождя...

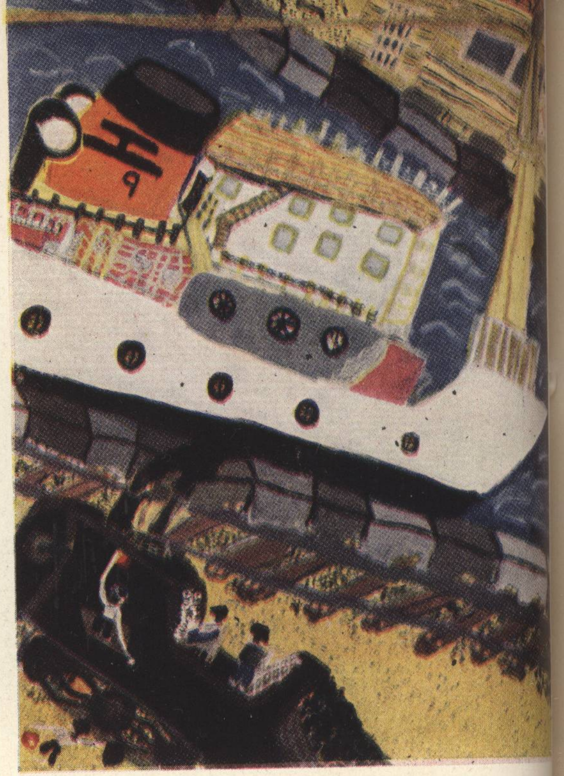
Пламенеют ягоды боярышника.

Первый иней.

Жираф. Ф. Яманохэ, ученик 1-го класса.

Транспортное судно и поезд. Ю. Киносита, ученик 5-го класса.

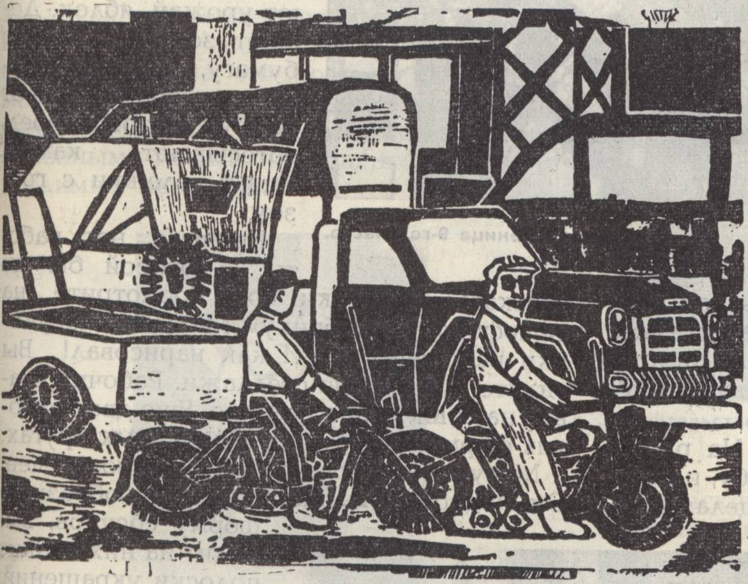
Маленькие японцы рисуют...

Фарфоровая фабрика. Масуко-Яки, ученик 5-го класса.

РИСУЮТ МАЛЕНЬКИЕ ЯПОНЦЫ

Золотое рисовое поле. Идет уборка урожая. На одном из квадратов спелые колосья клонятся от тяжести. На другом квадрате колючим ежиком топорщится жнивье и крестьянин убирает последние колоски. А в самом центре рисунка — жерди-вешала. Женщины нанизывают на них снопы... С каким старанием рисовала японская девочка Кудо эту картину крестьянского труда! Рисуя, она будто сама собирала урожай, стараясь не потерять ни одного зернышка, ни одного колоска. Рис — ведь это хлеб японца, и для многих миллионов — единственная пища. Рис —

Улица. Н. Момота, ученик 6-го класса.

это жизнь, так говорит нам рисунок, золотистый и солнечный.

Вы найдете его на первой странице нашей цветной вклейки. И там же еще один. Его рисовала еще более юная художница—девочка Ясумото. Она первоклассница, а в Японии первоклассники — это шести- или пятилетние малыши, все равно, что наши дошколята.

«В школу под дождем»—назвала Ясумото свой рисунок, и по рисунку видно, что ей нравится ходить в школу вообще и нравится ходить в школу, когда идет дождь. Может быть, под дождем даже интереснее. Да, конечно, интереснее! Какие яркие зонтики, какие толстые струи дождя, какие голубые лужи! И как старается девочка в правом углу рисунка шагать именно по этим веселым, заманчивым лужам! Видно, ребята везде одинаковы!

Эти рисунки — с выставки, которая была в Музее восточных культур. Общество «Япония—СССР» устроило эту выставку. На нее из Японии прислано триста рисунков, а выбраны они из ста тридцати тысяч. Вот как много ребят приняло участие в конкурсе!

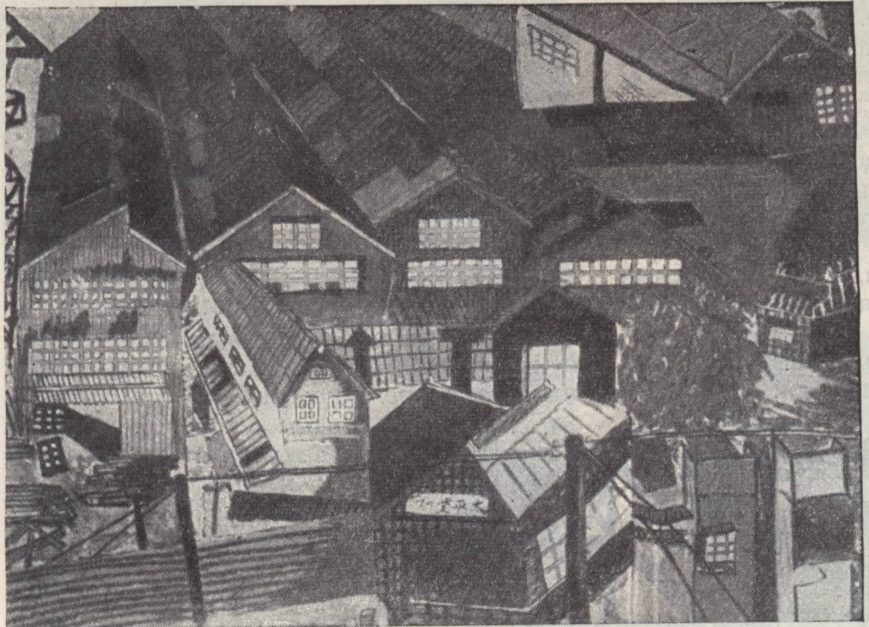
Но пойдем дальше по выставке, от рисунка к рисунку. Их смотришь с особенным волнением, потому что они пришли из страны, в которой народ ведет такую мужественную борьбу, и они рассказывают об этой стране.

Здесь очень много моря. Ведь это рисуют юные островитяне. Море — друг, море — кормилец, море — большая дорога в другие страны, а подчас море — коварный враг. Оно обрушивает на берег гигантские волны, все сметающие на своем пути. В грозной карусели тайфунов оно топит легкие рыбацкие суденышки и большие корабли.

Вот «Транспортное судно и поезд». Это нарисовал пятиклассник Киносита. Вероятно, Киносита хотел рассказать нам, как неразрывно суша связана с морем. Может быть, транспортное судно ждет погрузки и поезд привез очередную порцию «пищи» для огромного корабельного брюха? А может быть, наоборот, транспорт доставил из других стран товары, нужные Японии? Киносита, как и любого мальчика,

Моя кошка. М. Усуй, ученик 1-го класса.

Завод. **К. Ясуда, ученица 9-го класса.**

привлекают корабли и паровозы; он смелыми, контрастными красками нарисовал и белое, щеголеватое судно, и чумазый, промасленный паровоз, и бирюзовую воду бухты.

Корабли, корабли, корабли... На рисунках и сейнер, разгружающий рыбу, и пароход, захваченный штормом, и целая флотилия легких кавасаки в рыбацкой гавани.

Но еще больше рисунков, изображающих труд. На рисунках убирают рис. Плетут из соломы огромные мешки под уголь. Строят шоссейную дорогу. Строят железную дорогу. Строят плотину. Строят парники. Пневматическими молотками долбят скалу. Собирают урожай яблок. Делают зонтики, делают бумагу, рисуют картины, обрабатывают бамбук, готовят обед, обтесывают камни, тащат тележки с грузом.

Кажется, нет работы, о которой бы не рассказали рисунки. Вот посмотрите на «Фарфоровую фабрику». Мальчик Масуко-Яки нарисовал ее. И как нарисовал! Вы видите сушильные стеллажи. Рабочий ставит на сушку свои изделия. Еще двое рабочих формуют посуду на гончарных кругах.

Масуко-Яки правдив и наблюдателен. Он подробно выписывает разнообразную форму сосудов, выводит на них тонкие полоски украшений, но он не забывает заплатанную одежду и небритые лица тех, кто создает своими руками эти изящные, нарядные кувшины, чаши, вазы.

Наверно, потому в рисунках так много труда, что терпеливый труд от зари до зари всегда перед глазами маленьких японцев...

Найдется ли на свете страна, в которой люди не желали бы счастья своим детям? Когда приходит беда, люди кидаются спа-

Поденщики. **И. Томото, ученица 7-го класса.**

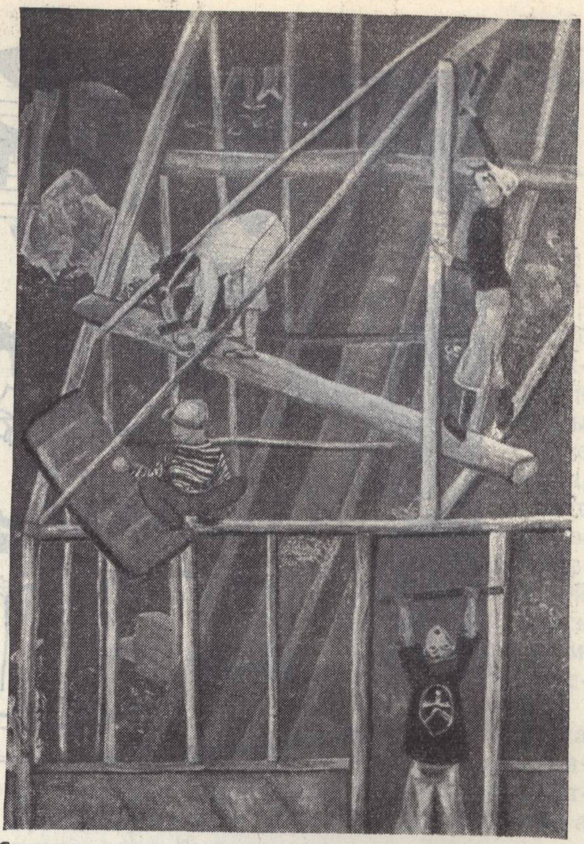
сать детей. Вот старая, забытая история, случившаяся в Японии тридцать лет назад, во время сильного землетрясения, когда от подземных толчков грохотали в горах обвалы, речки меняли русла, на равнинах земля разверзалась трещинами. В городах рушились здания.

Во время землетрясения нельзя оставаться под крышей. Толпы людей запрудили улицы Токио и других больших городов. Но и здесь не было спасения. Вспыхнули пожары, горящие обломки домов падали на улицы. Тогда взрослые японцы положили детей на мостовые и легли сверху, закрывая их своими телами. Пылающие балки, раскаленные головешки, осколки лопающихся стекол осыпали лежащих, убивая, обжигая, калеча. Но люди не двигались с места, и когда спасательные команды разгребали обломки, под мертвыми и обожженными телами они нашли живых и невредимых малышей.

Каменщик.
И. Иоза, ученик 8-го класса.

Но от атомной бомбы, брошенной американцами на Хиросиму пятнадцать лет назад, японцы не смогли защитить своих детей. Япония была первой жертвой атомных бомб. «Дети Хиросимы» — эти два слова на всех языках земли обозначают великое горе целого народа. Ни в чем не повинные дети и даже те, что родились в Японии после войны, умирают медленно и тяжело сейчас, в наши дни, потому что их родители были в Хиросиме во время взрыва.

Строительство парника.
К. Хиюгано, ученица 8-го класса

Японский народ не хочет войны, не хочет, чтобы к «детям Хиросимы» прибавились новые жертвы. Простые люди Японии в гневе и отчаянии поднялись на борьбу за своих детей.

Они захлопнули двери перед носом президента Эйзенхауэра и не пустили этого зловещего американского «гостя» в свою страну. Они принудили уйти в отставку министра-предателя Киси. Они заставили американцев увести с воздушных баз все «черные джеты» — шпионские самолеты, подобные тому, что был сбит у нас.

Борьба еще не кончена. Японцы хотят расторгнуть договор с Америкой, заключенный против воли народа, прогнать американских солдат и генералов из своей страны.

Пожелаем победы японцам в их борьбе против войны, против американских оккупантов! Пусть японские дети живут, играют, поют, смеются, рисуют!

М. ЛЬВОВСКИЙ

Рисунки В. Чижикова.

НАЧИНАЕМ РАЗГОВОР О ШКОЛЬНОЙ ЭСТРАДЕ

Чаще всего скука приходит на сбор после того, как вожатый произнесет:

— А сейчас слово для доклада о проделанной работе предоставляется...

Как будто она стояла за дверью и подслушивала. Как будто это пароль такой, после которого скука имеет право войти.

Когда ребята из 34-й московской школы решили отметить первую годовщину со дня рождения своего клуба «Юность», они больше всего боялись, что на вечере председателю придется произнести эту роковую фразу.

«О чем, собственно, должен быть доклад? — рассуждали члены клуба.— «Юность» — клуб любителей искусства. Мы его организовали, чтобы вместе ходить в театры, посещать художественные выставки, музеи, а потом делиться впечатлениями, спорить для того, чтобы самим рисовать, петь, танцевать, ставить спектакли, давать концерты. Нет, «проделанной работой» все это никак не назовешь».

Ребятам хотелось на своем «юбилейном» вечере наградить грамотами наиболее активных членов клуба, поговорить и о своих недостатках. Но разве так уж необходимо, чтобы и на этот раз прозвучали надоевшие всем слова: «Кроме перечисленных достижений, у нас имеются и отдельные недочеты»!

Так члены клуба «Юность» пришли к совершенно правильной мысли: не обо всем на свете надо делать доклады и проводить беседы. О многом можно рассказать иначе, придумать что-то другое.

И ребята придумали.

На маленькой сцене стоял огромный телевизор. Он был совсем похож на настоящий «Рубин»: ручка настройки, регулятор громкости,—только экран из бумаги.

В зале погас свет, зазвучали трубы, и раздался голос девочки:

— Внимание, внимание, начинаем нашу передачу! Сегодня из актового зала

34-й московской школы мы транслируем торжественный вечер, посвященный... двадцатилетию клуба «Юность».

Сначала всем показалось, что девочка оговорилась, но она уверенно продолжала:

— Двадцать лет назад присутствующий на сегодняшнем торжестве выдающийся ученый-химик Борис Бирюков учился в нашей школе и был членом клуба «Юность».

Луч света выхватил из темноты лицо безусого Бори, который уже стоял на фоне экрана телевизора. Боря действительно увлекался химией, и все, оценив шутку, засмеялись и зааплодировали.

Боря, сохраняя невозмутимое спокойствие, поделился своими «воспоминаниями». Он говорил о делах клуба так, словно они были двадцатилетней давности, и поэтому упоминания о заслугах его членов не казались нескромными, а рассказ о недостатках и трудностях прозвучал хлестким фельетоном.

Еще бы! Ведь Боря имел право сказать:

«Когда-то у нас были такие члены клуба, которые, представьте себе, нарушали дисциплину! Сейчас это, конечно, трудно даже вообразить».

Или:

«Вы, быть может, не поверите мне, но двадцать лет назад не всегда легко было добиться у директора школы разрешения на лишнюю репетицию...»

В этом месте все зааплодировали, а директор школы Мария Федосьевна Сигида, вероятно, подумала: «Если у ребят в будущем году будут такие же отметки, им можно разрешить репетировать и почаще».

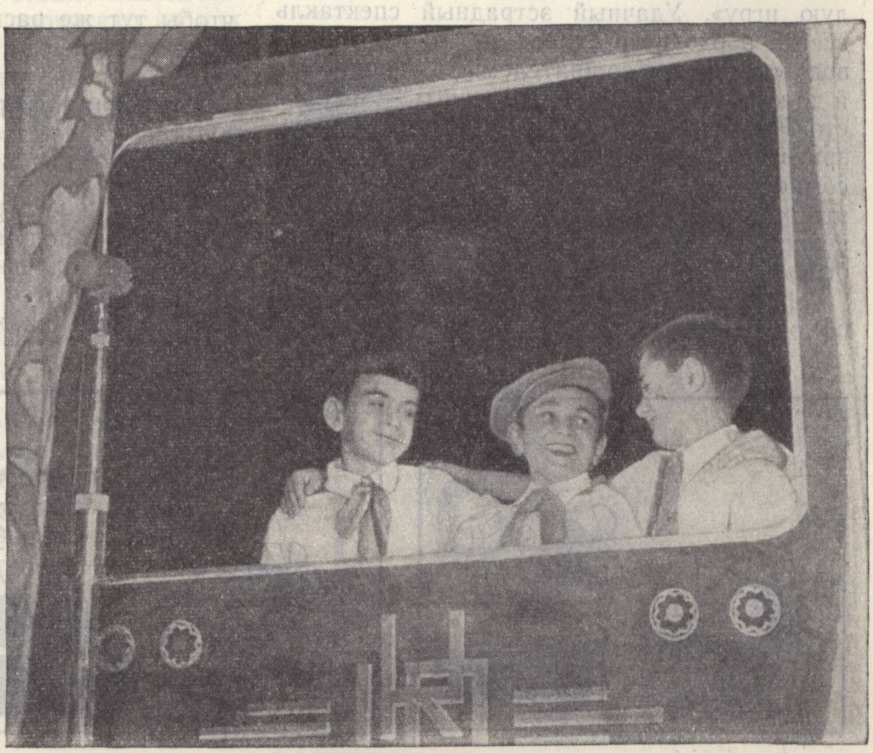
Борю сменили другие члены клуба. От «воспоминаний» перешли к «исторической кинохронике». На экране телевизора замелькали кадры, заснятые ребятами - кинолюбителями. В это же время по школьному залу путешествова-

ли альбомы с фотографиями. Вот клуб «Юность» празднует день рождения «Куклы Нади» — так называется пьеса поэта и драматурга Вадима Коростылева. Члены клуба посмотрели ее в Московском театре юного зрителя, а потом пригласили автора, артистов, режиссера к себе в гости. Вот клуб отправился в Третьяковскую галерею. А вот работы членов клуба — художников, скульпторов. Демонстрация «исторической хроники» и «экспонатов» сопровождалась такими комментариями, что в зрительном зале постоянно раздавались смех и аплодисменты.

Все, что ребята собирались рассказать на торжественном вечере, было сказано, награды вручены, недостатки отмечены, присутствующие узнали о «проделанной работе», а скуке вход был закрыт.

Почему это удалось? Вместо доклада, ко-

Внимание! Телевизор «КЮ» (клуб «Юность») включен. Идет передача.

торый мог оказаться неуместным, ребята придумали что-то другое...

Это «другое» очень похоже на своеобразное эстрадное обозрение, поэтому и разговор о школьной эстраде мы начали с такого подробного рассказа о юбилейном вечере клуба «Юность».

О ТЕХ, КТО В ЗАЛЕ

Подумайте об этом вечере, ребята, представьте себе, как он проходил, и вы поймете, в чем особенность школьных эстрадных представлений, чем они должны отличаться от концертов самодеятельности, спектаклей драматического кружка.

Ну, конечно же, в первую очередь «литературным материалом», злободневным, сегодняшним. Члены клуба «Юность» говорили со сцены о сидящих в зале, называли конкретные факты, имена.

Есть особенность и в постановке и в исполнении.

Каждый из членов клуба «Юность» на торжественном вечере «играл роль» и в то же время оставался самим собой. Ведь Боря, вспоминая события якобы двадцатилетней давности, совсем не пытался убедить зрителей, что он это делает всерьез.

Наоборот, он всем своим видом старался показать зрителям: «Это я шучу. Давайте договоримся, что мы с вами играем в веселую игру». Удачный эстрадный спектакль всегда проходит в атмосфере такого шутливого «договора» со зрителем. Заключить его и до конца спектакля не нарушить — не просто. Иной исполнитель так старается вовлечь зрителей в веселую игру, что они начинают сомневаться: стоит ли в нее играть? «Что это он ломается?» — думают зрители. И, конечно, не смеются. Поэтому очень важно бывает сохранить на эстраде чувство меры.

Оформление эстрадного спектакля должно помогать веселой игре, в которой принимают участие не только артисты, но и зрители. (Вспомните огромный телевизор на вечере клуба «Юность» или подчеркнуто торжественные сигналы труб.)

Эстрадные артисты очень часто тут же на сцене превращаются то в одни, то в другие персонажи, которых они должны изображать в спектакле. Артисты мгновенно надевают парики, усы, дополняют всевозможными деталями свои костюмы, не прерывая разговора со зрителем.

Так же поступают члены пионерского сатирического театра «Еж» при московском Доме культуры имени Зуева.

«Еж» появляется на сцене в полном составе. Звучит веселая музыка, на фоне которой поэт-сатирик пятиклассник Раиль Кунакин читает вступительные стихи; в них говорится, что лодыри, драчуны, неряхи — вот «герои» сегодняшнего спектакля.

Все участники «Ежа» одеты в одинаковые комбинезоны с небольшой эмблемой на груди: еж с вилами. Прозвучал пролог. Под музыку ребята перестроились, образовав «живой занавес». «Занавес» раскрылся, и за ним — оформление для первой сценки: длинная скамья, покрытая простыней. Девочка надела очки, и она уже школьный доктор; к ней пришел «заболевший» горе-звеньевой, которому очень не хочется вместе с ребятами убирать пустырь.

Кончилась эта сценка, «занавес» закрылся, чтобы тут же распахнуться. Спектакль продолжается...

КРЫЛОВ ПИСАЛ ПРО НАС

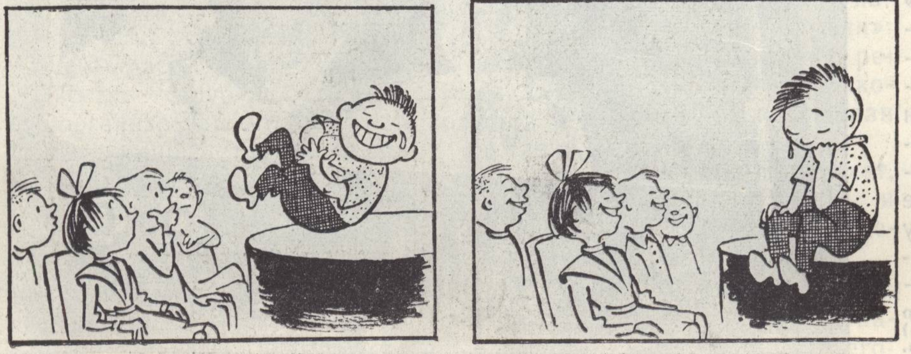
Если заглянуть на репетицию сатирического театра «Еж» в то время, когда ребята только начинают работу над новой программой, можно подумать, что мы попали на собрание редколлегии стенной газеты. Наперебой предлагаются темы:

— О мальчиках и девочках.

— Об уроках домоводства.

— Про то, как у нас в школе организуют кружок, а через две недели он разваливается.

Потом ребята начинают думать, как раскрыть эти темы на эстраде. Может быть, вы скажете: а почему они просто не подберут на нуж-

Не будет пощады драчунам и забиякам, коль за них взялся «Еж».

ную тему сатирические стихи какого-нибудь известного поэта и не прочитают их, как это делается на литературных вечерах и в обычных концертах самодеятельности? А потому, что писатели пишут вообще про ребят, а не про ребят данной школы, не совсем про тех, кто сидит в зрительном зале.

Но если подумать, если проявить немного выдумки, то отличные стихи, фельетоны, песни наших лучших детских поэтов и писателей становятся незаменимыми именно в эстрадной программе. Если они написаны как раз про то, о чем хотелось рассказать, остается только преподнести их так, чтобы они прозвучали по-эстрадному — про тех, кто в зале.

Ребята из «Ежа» знают по опыту: стоит только дать шуточное объявление о том, что известное стихотворение Агнии Барто «Лешенька» посвящается ученикам таким-то и таким-то, и оно уже звучит совсем по-иному. Каждую строку стихотворения зрители будут «примерять» к себе, к своим товарищам, на которых намекнули со сцены.

Это самый простой прием. Если хорошенько подумать, окажется, что в распоряжении эстрадного коллектива огромное литературное богатство.

Поэтому, когда участники «Ежа» обсуждают темы своих будущих представлений, часто можно услышать голоса:

— А ведь о том, почему у нас кружки разваливаются, Крылов басню написал, «Лебедь, Щука и Рак» называется.

— А «Квартет» — это разве не про нашу волейбольную команду? Им тренировки нужны, а они все организационные вопросы решают.

Постепенно выясняется, что и для одной и для другой «местной» темы есть отличный литературный материал. Ведь песенка «Про Петю» А. Барто и Д. Кабалевского — это и про нашего Вову. А «Упрямый Фома» Михалкова не родной ли брат нашего Коли?

Так на школьной эстраде появляются инсценированные басни, стихи, песни. При этом «артисты» стараются сделать все, чтобы зрители догадались, на кого из сидящих в зале похожи, например, Лебедь, Щука и Рак.

На сцене мгновенно возникает щит, на нем крупным планом иллюстрация к басне Крылова. На возу с поклажей написано название кружка. Когда ведущий доходит до слов «а возу все нет ходу», над щитом рядом с изображением Лебедя появляется «артист». Запальчиво он выкрикивает, чем, по его мнению, должен заниматься кружок. Он употребляет буквально те же выражения, что

и староста кружка. Тотчас же из-за правой стороны щита, рядом с изображением Щуки, выглядывает другой «артист». Он вступает в спор с Лебедем и при этом размахивает руками так, что в нем узнают одного из спорщиков. Затем появляется Рак — третий спорщик. Страсти разгораются. Аккомпаниатор изображает на рояле «бурю». Воз судорожно дергается, но ни с места (он, оказывается, вырезан из фанеры, и им можно управлять из-за щита).

Ведущий заканчивает басню на фоне спорящих голосов. В конце концов воз может даже развалиться. Что для этого надо сделать, придумать нетрудно.

Сатирический коллектив «Еж» каждое свое представление заканчивает номером, который называется «Почтовый ящик». У «артистов» завязалась довольно обширная переписка со зрителями. Это понятно, потому что в спектаклях «Ежа» затрагиваются острые темы школьной жизни. И вот на сцене зачитывается письмо, а потом ведущий говорит:

— Дорогой Вова! На твое письмо отвечает Джанни Родари.

«Артист» читает специально подобранное стихотворение поэта. Такой способ отвечать на многие письма ребят пользуется на школьной эстраде большим успехом. «Еж» отвечает на многие письма короткими стихами, отрывками из басен — иногда всего в несколько строчек, а иногда и сценками из больших произведений. Этот прием очень понравился редакции сатирического радиожурнала для детей «Смешинка». И она тоже стала так отвечать на письма.

«УГАДАЙ-КА»

Так называется школьное эстрадное обозрение. Его ведут Боря и Галя — персонажи известной радиопередачи «Угадай-ка», а на самом деле шестиклассники, члены самодеятельного коллектива «Дружный». Сценки для этого небольшого сатирического обозрения ребята придумывают сами. Интересный случай произойдет в классе, смешную черточку заметят в характере кого-нибудь из своих товарищей — как тут смолчать? Объединить отдельные номера в единый по форме эстрадный спектакль помогает своеобразный пролог.

Прочтите эти сценки, и вы поймете, как они были придуманы. А может быть, некоторые из них вы сумеете включить в репертуар ваших выступлений?

РЕПРОДУКТОР **(или просто рупор из-за занавеса).** Здравствуйте, ребята! Начинаем очередной выпуск игры-загадки «Угадай-ка».

Перед занавесом появляется БОРЯ.

БОРЯ **(поет).**

«Угадай-ка»! «Угадай-ка» —
Интересная игра.
Собирайтесь-ка, ребята,
Слушать радио пора!

Появляется ГАЛЯ.

ГАЛЯ. Боря, что ты поешь?

БОРЯ. Как «что»? Нашу песенку... **(Поет.)** «Угадай-ка»! «Угадай-ка»!..

ГАЛЯ **(перебивая).** Боря!

БОРЯ. Что случилось, Галочка? Почему ты меня все время останавливаешь?

ГАЛЯ. Потому, что ты неправильно поешь.

БОРЯ. Но мы же раньше всегда так пели!

ГАЛЯ. Раньше нашу «Угадай-ку» передавали по радио, а сейчас мы на сцене. Ты поешь: «Собирайтесь-ка, ребята»,— а ребята давным-давно собрались. Ты поешь: «Слушать радио пора»,— а ребята пришли сюда вовсе не для того, чтобы слушать радио. Радио они могли бы и дома послушать.

БОРЯ. Что же нам делать? Дедушки нет, новых загадок нет, да еще ребята сидят и смотрят на нас... Я так не привык.

ГАЛЯ. Дедушка прислал записку. Она нам поможет. Слушай. **(Читает.)** «Дорогие Галя и Боря! Я сегодня не могу принять участие в «Угадай-ке», но загадки вам приготовил. Они скрываются за занавесом...»

БОРЯ. За этим занавесом загадки?

ГАЛЯ. Наверно. **(Продолжает читать.)** «Они скрываются за занавесом на волшебной карусели. Откройте занавес, спойте новую песенку «Угадай-ки», карусель завертится — и вы узнаете мои загадки...»

БОРЯ. Галочка, давай скорее откроем занавес!

Открывает занавес. На сцене «волшебная карусель». Повернул карусель — перед тобой окно с нарисованными цветами на подоконнике. Значит, ты в комнате. Еще повернул — перед тобой дверь с надписью «6-й класс» — значит, ты в коридоре школы. Детали можно придумать самые неожиданные, а смена мест действия производится мгновенно. Карусель можно «перезаряжать» во время хода спектакля, заменяя детали оформления со стороны, не видной зрителю. Как смастерить такую карусель, видно из рисунка.

БОРЯ. Странная какая!

ГАЛЯ. Давай споем новую песенку «Угадай-ки». Дедушка прислал нам ее слова.

Ребята поют, карусель начинает вращаться.

«Угадай-ка»! «Угадай-ка» —
Интересная игра.
Нам невежу и зазнайку
Протащить давно пора.
　　Много сцен из жизни нашей
　　Мы хотим для вас сыграть,
　　А кого мы в них покажем,
　　Постарайтесь угадать.
Мы про нашу «Угадай-ку»
Эту песенку споем
И со сцены без утайки
Вам расскажем обо всем:
　　Про любые неполадки,
　　Про нерях и хвастунов,

Нарушающих порядки
Забияк и драчунов.
«Угадай-ка»! «Угадай-ка» —
Интересная игра.
Нам лентяя и зазнайку
Протащить давно пора.
Пора!

Карусель остановилась. Перед нами дверь с надписью «6-й класс» и плакат: «Сегодня проводится День вежливости. Ребята, будьте вежливы!». Боря и Галя покидают сцену. Появляются

несколько девочек. Им навстречу бежит запыхавшийся мальчик с всклокоченными волосами. Останавливается, читает плакат, приглаживает волосы и очень церемонно здоровается с каждой девочкой за руку. Когда очередь доходит до последней, самой маленькой, он неожиданно хлопает ее книжкой по голове и тут же вкрадчиво произносит: «Извиняюсь!»

ДЕВОЧКА. Как тебе не стыдно, ведь сегодня День вежливости!

МАЛЬЧИК. Но я же со всеми поздоровался!

ДЕВОЧКА. А зачем ты меня книжкой стукнул?

МАЛЬЧИК. Но я же извинился. А если наябедничаешь, я с тобой завтра поговорю, когда День вежливости кончится.

Появляются Галя и Боря.

БОРЯ. Загадка первая...

ГАЛЯ. Как его зовут? **(Показывает на мальчика. Участники первой миниатюры покидают сцену.)**

БОРЯ. Загадка вторая: надо ли проводить такие Дни вежливости?

ГАЛЯ. Ответы присылайте на сцену. Авторам лучших ответов будут вручены ценные подарки.

БОРЯ. А вот еще одна загадка...

Музыка песенки «Угадай-ка». Карусель вращается. Когда она останавливается, перед нами окно. На нарисованном подоконнике нарисованный фикус. Только несколько листочков сделаны из плотной бумаги.

— Начинается наша загадка в этой комнате...

Вбегают девочки.

— Это первое звено...

ЗВЕНЬЕВАЯ. Скорее, девочки! Уберем у Ольги Владимировны, пойдем к Ивану Кузьмичу. Он тоже пенсионер, там надо пол вымыть, выбить ковер и в магазин сходить. Как бы нас второе звено не обскакало. Они тоже себя тимуровцами объявили, могут наших пенсионеров перехватить.

Девочки принимаются за уборку и даже вытирают тряпкой листочки фикуса.

— Скорее, девочки, скорее! Готово? Пошли!

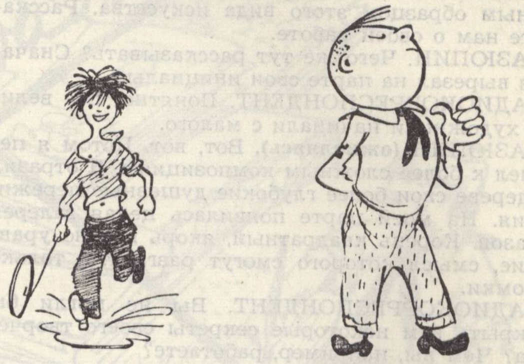
Девочки уходят.

ГАЛЯ. А продолжается загадка в другой комнате...

Музыка. Вращается карусель.

— Здесь живет звеньевая первого тимуровского звена.

Перед нами другое окно, другие цветы. Появляется бабушка. Она проводит пальцем по пыльным листьям и качает головой. Появляется звеньевая.

ЗВЕНЬЕВАЯ. Ой, бабушка, я тороплюсь! Скорее что-нибудь поесть дай. Мы сегодня у Ольги Владимировны комнату убирали... Теперь надо к Ивану Кузьмичу поспеть... Скорее: не то второе звено обгонит.

БАБУШКА **(подавая бутерброд)**. Надо бы, внученька, дома полы помыть.

ЗВЕНЬЕВАЯ. Ты что, бабушка?! Мне некогда! **(Убегает.)**

БАБУШКА. Что делать? Ума не приложу! Может быть, второе звено позвать?

ГАЛЯ и БОРЯ **(вместе)**. А вы как думаете?

ГРАВЮРА НА ДЕРЕВЕ

В 112-й московской школе регулярно выходит юмористический радиожурнал «Пылесос». Его опыт тоже может быть полезен вашему эстрадному коллективу. Ведь отрывки из передач, с которыми мы предлагаем вам

знакомиться, могут быть использованы не только по радио — их можно сыграть на сцене.

РАДИОКОРРЕСПОНДЕНТ. Внимание! Передаём беседу с одним из знатных людей нашей школы, известным мастером резьбы по дереву Иваном Разюпиным.

Уважаемый Иван Иванович, ученики нашей школы высоко ценят ваше творчество. Гравюры, вырезанные вами на парте, являются непревзойденным образцом этого вида искусства. Расскажите нам о своей работе.

РАЗЮПИН. Чего же тут рассказывать? Сначала я вырезал на парте свои инициалы.

РАДИОКОРРЕСПОНДЕНТ. Понятно. Все великие художники начинали с малого.

РАЗЮПИН **(оживляясь).** Вот, вот. Потом я перешел к более сложным композициям. Я отразил на дереве свои более глубокие душевные переживания. На моей парте появилась целая галерея образов. Корень квадратный, якорь и одно уравнение, смысл которого смогут разгадать только потомки.

РАДИОКОРРЕСПОНДЕНТ. Вы не могли бы раскрыть нам некоторые секреты своего творчества? Чем вы, например, работаете?

РАЗЮПИН. Чаще всего ножом, иногда гвоздем.

РАДИОКОРРЕСПОНДЕНТ. А зубами не пробовали? При ваших способностях...

РАЗЮПИН **(резко).** Не пробовал.

РАДИОКОРРЕСПОНДЕНТ. Какие трудности вам приходится преодолевать?

РАЗЮПИН. Работаю урывками. Когда учитель отвернется. Вообще лучше всего работать в одиночестве.

РАДИОКОРРЕСПОНДЕНТ. Расскажите, пожалуйста, о ваших планах на будущее.

РАЗЮПИН. Сейчас я переживаю творческий кризис. Вызывали в школу родителей. В результате я пришел к выводу, что работал в умирающем жанре. Я был последним из могикан. Придется, видно, и мне пробовать себя в других видах искусства.

РАДИОКОРРЕСПОНДЕНТ. Спасибо, Иван Иванович. Особенно нам понравились ваши планы на будущее. Всего хорошего.

МУЗЕЙ

ГИД. В нашей школе открывается музей. Пока что в нем только один экспонат, но мы уже приглашаем вас посетить его. Заходите, пожалуйста!

Обратите внимание на экспонат номер один. Это необычайная драгоценность. Даже скелет динозавра по сравнению с ним не такая уж редкость. Как вы думаете, что это? Коготь археоптерикса? Не угадали! Китовый ус? Не угадали! Это даже не зубец из гребня Клеопатры. Это ноготь одного из учеников нашей школы. Да, да, да, не удивляйтесь. У каждого человека есть что-то, что отличает

его от других людей. У одного это острый ум, у другого — увлечение спортом, один — математик, другой — поэт... А этого ученика ничто не отличало. И тогда он отрастил ноготь. Сначала, для того чтобы не сломать его во время работы, несчастный надевал на палец специальный колпачок, а потом... потом перестал работать. Теперь этот ноготь мы поместили в музей, чтобы все вы могли наглядно убедиться, до чего может довести человека стремление обратить на себя внимание не умом, не высокими порывами сердца, а... ногтем.

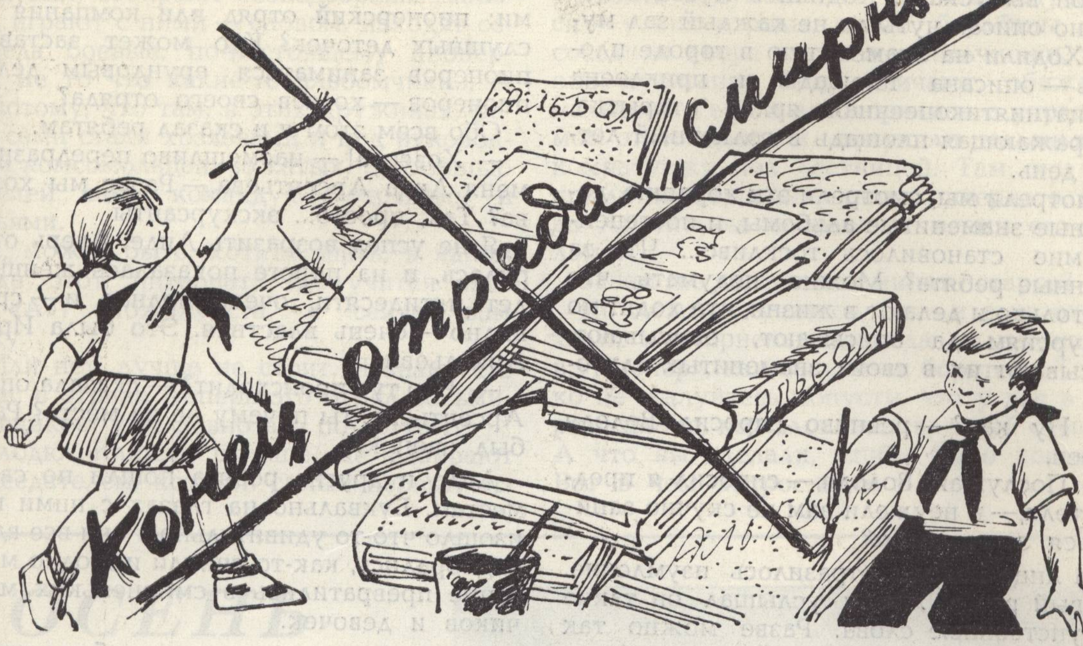
Наш музей продолжает прием экспонатов. Принимаются бакенбарды девятнадцатого века, которые некоторые ученики отращивают в двадцатом по вышеизложенным причинам.

А также: странные словечки, подпрыгивающие походки, сползающие на глаза чубы, и прочее, и прочее...

* * *

Как видите, ребята, школьный эстрадный коллектив может внести в вашу жизнь много интересного. Он станет «веселым помощником» в пионерской работе, если будет вмешиваться в организацию сборов, школьных вечеров, если организует выступления на больших переменах.

И пусть «веселый помощник» почаще придумывает что-нибудь «вместо доклада». И серьезные дела надо делать весело.

Беседа вожатого Симы Соловьева

Отряд 7-го класса «А» славился на весь интернат. Когда в интернат приходили гости, их прежде всего вели в 7-й класс «А» — смотреть знаменитые альбомы. Когда надо было послать делегацию на сбор в соседний интернат или приветствовать конференцию у шефов, вызывали ребят 7-го класса «А». Они надевали чистые рубашечки и кофточки, отглаживали брюки и юбки, чистили ботинки и аккуратно причесывались. Таких ребят не стыдно было показать где угодно: все увидят, что это воспитанные, вежливые мальчики и девочки. За них могли быть спокойны все: и директор интерната, и старший воспитатель, и старшая вожатая. Пока с отрядом Ирина Аркадьевна, они будут ходить по струнке: не разбегутся из строя, не зашумят, не подерутся — словом, будут вести себя очень смирно.

Вот к этим смирным ребятам сразу попали и мы с товарищем, как только приехали в интернат.

Нас повели смотреть знаменитые альбомы 7-го «А».

Случилось так, что Ирины Аркадьевны, воспитательницы 7-го класса «А», в тот день не было: она делилась опытом на конференции учителей, как воспитывать таких смирных ребят. А класс готовил уроки. Ребята сидели за партами, и видно было, что им не скучно: кто-то читал, кто-то играл в шахматы, какие-то девочки устроились на задних партах и шумно спорили. Половины ребят вовсе не было на месте.

Стены класса напоминали музей: на них были развешаны стенды, стендики, плакаты, плакатики, списки и лозунги.

Пионеры показали нам роскошную стенную газету, в которой почти каждая заметка начиналась со слова «мы»: «Мы ходили на экскурсию», «Мы устроили шахматный турнир», «Мы собрали 500 килограммов металлолома».

Нам показали также газету на английском языке (заметки, как правило, начинались со слова «we»), список распределения обязанностей и еще какие-то списки. Наконец, очередь дошла до знаменитых альбомов — гордости Ирины Аркадьевны, 7-го «А» и всего интерната.

Ребята стали вытаскивать их из шкафа, и скоро на учительском столе образовалась внушительная гора.

— Вот,— сказал председатель совета отряда Володя Клюев.— Это мы всего за три года сделали.

Мы с товарищем переглянулись и взялись читать альбомы. Надо признаться, что они были заполнены не какими-нибудь

пустяками. В них описывался каждый шаг отряда. Ходили на завод — пол-альбома про историю завода, о том, что и как он выпускает. Ходили в музей — подробно описан чуть ли не каждый зал музея. Ходили на знаменитую в городе площадь — описана площадь и приклеена двадцатипятикопеечная яркая открытка, изображающая площадь в солнечный летний день.

Смотрели мы, смотрели эти хорошие, добротные знаменитые альбомы, и постепенно мне становилось тоскливо... Что за странные ребята? Можно подумать, что они только и делают в жизни, что ходят по экскурсиям да описывают, описывают, описывают их в своих знаменитых альбомах.

— Ну как? — ревниво спросил Володя Клюев.

— Послушай, Володя,— спросил я председателя,— а неужели вам не скучно заниматься этим делом?

На лице Володи отразилось изумление. Первый раз в жизни услышал он такие кощунственные слова. Разве можно так отзываться об альбомах, за которые его, Володю Клюева, собирались даже в «Артек» послать! Ирина Аркадьевна сама говорила, что он достоин этой награды.

— Ирина Аркадьевна скучать не дает,— произнес насмешливый девичий голос с задней парты.

И тут же все раскрылось. Класс загудел. Бросили играть шахматисты, были отложены в сторону книжки, спорившие в углу девчата сгрудились вокруг учительского стола. Ребята, которые по одному возвращались в класс, с ходу включались в общий галдеж. Оказалось, что и альбомы, и экскурсии, и графики, и списки надоели «вот как»: та девочка, что крикнула первой,— ее звали Лида Арсентьева — провела ребром ладони по горлу, показывая, как именно надоела ей вся эта ерунда. Но что поделаешь? Ирина Аркадьевна установила такой порядок: не пошел на экскурсию — не пойдешь на занятия спортивной секции. Не стал описывать музея — получай запись в дневнике.

Ребята кричали все разом: видно, очень у них наболело. Володя Клюев смотрел растерянно и жалобно, иногда возмущенно вскрикивая: «А сам? А что бы ты сам предложил?» Но ему даже не отвечали...

В первое мгновение мне их даже стало жаль. Но чем больше они возмущались, тем быстрее проходила жалость к ним. Что они, в самом деле, все на Ирину Аркадьевну валят? Разве она вожатая отряда? Председатель совета? Звеньевая? И кто они сами: пионерский отряд или компания послушных деточек? Кто может заставить пионеров заниматься ерундовым делом, пионеров — хозяев своего отряда?

Обо всем этом я и сказал ребятам.

— Хозяева! — насмешливо передразнила меня Лида Арсентьева.— Разве мы хозяева? Так, просто... экскурсанты.

Я не успел возразить Лиде. Дверь отворилась, и на пороге показалась женщина лет пятидесяти, очень полная и — сразу видно — очень властная. Это была Ирина Аркадьевна.

— Что тут происходит? — сказала она.— Арсентьева, ты почему не на месте? Разве был звонок?

Лида и другие ребята пошли по своим местам. Буквально на глазах с ними произошло что-то удивительное: они все вдруг подобрались, как-то сникли и в одно мгновение превратились в смирненьких мальчиков и девочек.

Ирина Аркадьевна в одном была права: звонка для окончания подготовки домашних заданий еще не давали, и значит, не время было обсуждать пионерские дела. Никогда не надо путать сбор с уроком. Поэтому наш спор в тот день прервался.

Но потом мы еще много разговаривали с Ириной Аркадьевной и ребятами, спорили и все вместе пришли к такому выводу: конечно, Ирина Аркадьевна неправильно заставляла пионеров делать то, что никому не нравится. Учитель в пионерских делах может советовать, высказывать свое мнение, убеждать, а ребята решают, принять или не принять предложение учителя.

Но не правы и ребята. Это они сейчас, когда разговор зашел, подняли шум, а когда собирался совет отряда и намечали план работы, то все молчали. Ирина Аркадьевна предложит очередную экскурсию — совет согласится с ней. Самим-то подумать лень...

Вот и получилось, что 7-й класс «А» превратился в отряд смирненьких экскурсантов. Так, пожалуй, всю жизнь можно провести. Другие что-то делают, за что-то воюют, борются, а ты ходишь, да смотришь, да в книжечку записываешь. А ведь в соседних школах и интернатах этого города есть и замечательные отряды красных следопытов и разведчики пионерских дел; там

ребята не только по историческим местам ходят, а на заводе работают, помогают убирать цехи, патрулируют улицы, чтобы порядок был, собирают безнадзорных малышей, играют с ними — словом, находят себе дела боевые, по-настоящему пионерские, не то что какие-то альбомчики... А все потому, что там, в этих дружинах, ребята сами стали хозяевами и под руководством комсомольцев, вожатых, с помощью учителей сами командуют отрядами и звеньями.

Вы, может быть, хотите знать, в каком городе этот интернат, где учится этот 7-й «А»? Пожалуйста, я сейчас вам скажу.

...Или нет, лучше не стоит. Я знаю, что сейчас в отряде (теперь это отряд восьмиклассников) уже давно все по-другому.

Володю Клюева больше не выбирают председателем, хотя он самый первый отличник в классе. Председателя выбирают не за отметки — за боевитость, за справедливость, за прямоту!

Ребята подумали: что же это получается — у них отряды, горны, барабаны, а в соседнем дворе такие же мальчишки, как они, хулиганят, бездельничают, обижают малышей. Ребята договорились с управдомом этого двора и получили маленькую комнатушку под лестницей. Там они открыли пионерский форпост интерната. Лида Арсентьева заправляет всеми его делами.

Зачем же теперь вспоминать старое?

Но может случиться, что и ваш отряд ходит в смирненьких, тогда вы напишите в «Пионер», как вы с этим боретесь. Только не жалуйтесь попусту, что у вас в отряде плохо, пожаловаться каждый сумеет. А что вы сделали, чтобы было хорошо? Вот в чем хитрость-то!

ОСЕНЬ

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса...

А. С. Пушкин

Она пришла. Янтарем и рубинами загорелись листья, тронутые ее рукой. Притих лес. Не звенят в нем птичьи голоса. Крылатые постояльцы покинули свои летние квартиры, готовясь в дальний путь: сбиваются в стайки, тренируются...

Лес, летом полный зеленого сумрака, теперь как-то посветлел, насквозь пронизанный солнечным светом. Словно комната, в которой отдернули занавески!

Любишь ли ты осень, читатель? Давай заглянем в этот лес, такой печальный и такой прекрасный в своей осенней печали! Нам не придется идти далеко: надо лишь перелистать журнал и найти две средние страницы цветной вклейки. Нашел? Видишь на верхней фотографии осенний лес? Зажмурь на секунду глаза. Раз... Два... Три! А теперь всмотрись в глубину фотографии. Там, далеко, между деревьями, в золотистой солнечной дымке, две крохотные человеческие фигурки. Да ведь это же мы с тобой вошли в осенний мир! Оглядись вокруг! Хорошо, правда?

Вот стройный дубок протянул нам поперек дороги свою веточку... Замечал ли ты прежде, что упрямый дуб позже других деревьев поддается осени? Уже давно покраснели листья осин и что-то испуганно лопочут на ветру. Уже совсем золотыми стали березы, а дуб все зелен. Только чуть-чуть впадает в желтизну его зелень, и от этого даже в пасмурный день кажется, что скользнул на ветку солнечный луч.

Видишь запоздалый желудь? Его братья уже осыпались наземь, а этот все еще держится. Но скоро, скоро и он упадет, побежденный грубым порывом осеннего ветра. И листья облетят. Останутся на мокрой, потемневшей от дождя коре только шрамы в тех местах, где сидели черешки, и останутся круглые плотные почки. Вот они! Их хорошо видно на нашей веточке.

А думал ли ты когда-нибудь, что осень — это одновременно и конец и начало? Конец минувшего лета и начало нового, которое наш глаз увидит только на тот год.

Будущее лето спряталось, притаилось в этих маленьких, незаметных почках. Они развернутся новыми клейкими листочками, из них вырастут свежие, молодые ветви и будут шептаться и шелестеть, и, может быть, ты найдешь под ними тень жарким полднем или укроешься от дождя. От летнего дождя, шумного, веселого, не такого, как тот, что прошел недавно и оставил крупные, как слезы, капли на мертвых листьях, оброненных осиной. Посмотри! Эти листья уже потеряли не только свои летние зеленые краски, но и свой яркий осенний румянец.

А вот на кусте боярышника все еще горят кораллами спелые ягоды. Их видно издали. они манят, зазывают птиц: «Возьми меня, съешь меня!» Птицы — лесоводы. С их помощью распространяются семена многих растений. Семечки бересклета, например, даже и не прорастают, если их не проглотит малиновка и они не пройдут через ее желудок и кишечник.

А вот ольха! Видишь, какая она желтая, нарядная? Но если ты не поленишься, встанешь пораньше, чтобы прийти в лес утречком, ты почувствуешь, как хрустит под ногой по-осеннему рыжая трава, прихваченная первым утренником, и как со стеклянным звоном лопается на лужице ледок. Ты увидишь вот эти листья ольхи такими, какие они здесь: с серебряной каймой инея по краю золотых или медно-красных ладошек. А с вершины к тебе долетят прощальные крики гусиной стаи.

Е. Рубцова

ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ

КАК Я СДЕЛАЛ МОТОРОЛЛЕР

Все эти мотороллеры-малютки и похожи и непохожи между собой, потому что каждый юный конструктор клуба юных техников «Красная звезда» постарался сделать свою машину самой удобной, самой красивой, самой быстроходной. Про каждый из мотороллеров можно рассказать целую историю. Прочитайте здесь, что рассказывает Коля Яроцкий о своей машине.

Мотороллер «Малыш» я сделал сам, своими руками. Летом на даче моя машина прошла серьезное испытание: по проселочным дорогам, по лесным полянам и просекам я носился со скоростью тридцати — сорока километров в час, и ни разу мотороллер не подвел меня. Я не только ездил сам, но и перевозил груз: грузоподъемность моего «Малыша» до девяноста килограммов.

Многим из вас, наверное, приходилось видеть самодельные мотороллеры. Стоит только водителю такой машины остановиться, вокруг него тотчас же собираются любители, и начинаются расспросы. И я подходил и подолгу рассматривал конструкции разных самодельных машин, примечал, что хорошо, а что плохо. И вот наконец решил тоже взяться за работу. Правда, я знал, что отец и старший брат мне во многом помогут.

Прежде всего я купил хороший детский самокат за сто двадцать рублей. Он стал основой моего мотороллера. Подножку я оторвал и на ее место приварил лист железа размером 350×300×5 мм. Трубку (смотри на схеме деталь 21) оторвал у нижнего конца, а сверху — отпилил, отступив от края 30—40 мм. На оставшийся кусок трубы надел раму (15) для крепления мотора (1), она сделана из водопроводной трубы сечением 25 мм и приварена у колонки руля и к листу железа.

Я еще не сказал, что двигателем я сделал велосипедный мотор «Д-4». Его довольно трудно достать в магазине, но все-таки можно.

Две рамы (16) сварены кусками трубок в четырех местах (17, 23, 24 и 22). В точке 22 рамы сварены пластинкой, к которой приваривается рама (15). К трубке, соеди-

няющей рамы в точке 23, приваривается мотоциклетное крыло. В трубке, соединяющей рамы в точке 24, просверлено отверстие для крепления крыла. Мотор (1) и бачок (2) крепятся на раме (15). Ручка управления дросселем карбюратора (4), рычаг муфты сцепления (5) и рычаг тормоза (6) надеваются на руль.

Фару (10), динамику (8) и багажник (19) я взял от старого велосипеда. Переключатель света (9) и задний фонарь я купил в магазине.

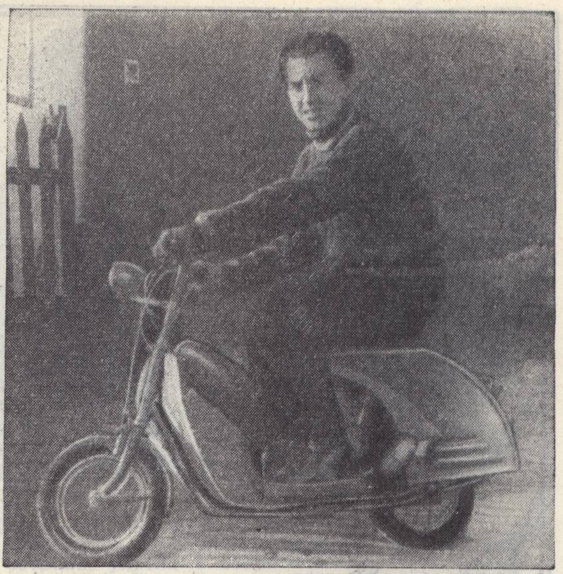
Сиденье (11) крепится к раме (16). Сиденье сделано из куска фанеры размером 270 × 150 × 10 мм и из трех больших губок, а сверху обтянуто дерматином.

Втулку на заднем колесе пришлось заменить втулкой от велосипеда и заклинить свободный ход. Цепь (13) продается вместе с мотором.

Вот в основном и все, если не считать грязевого щитка и боковых щитков, закрывающих часть рамы за мотором.

Покрасил я свой мотороллер в два цвета.

Долго, не один месяц, пришлось нам повозиться с машиной. Мы с братом сделали сотни набросков, придумывали, как удобнее разместить мотор, ручки сцепления, кнопки переднего и заднего освещения, как устроить седло. Не раз переделывали тормоза и переднего и заднего колеса...

На собственной машине.

Но зато сколько радости доставила мне потом моя машина, вы, вероятно, хорошо представляете.

Коля Яроцкий,
ученик 7-го класса школы № 500 г. Москвы.

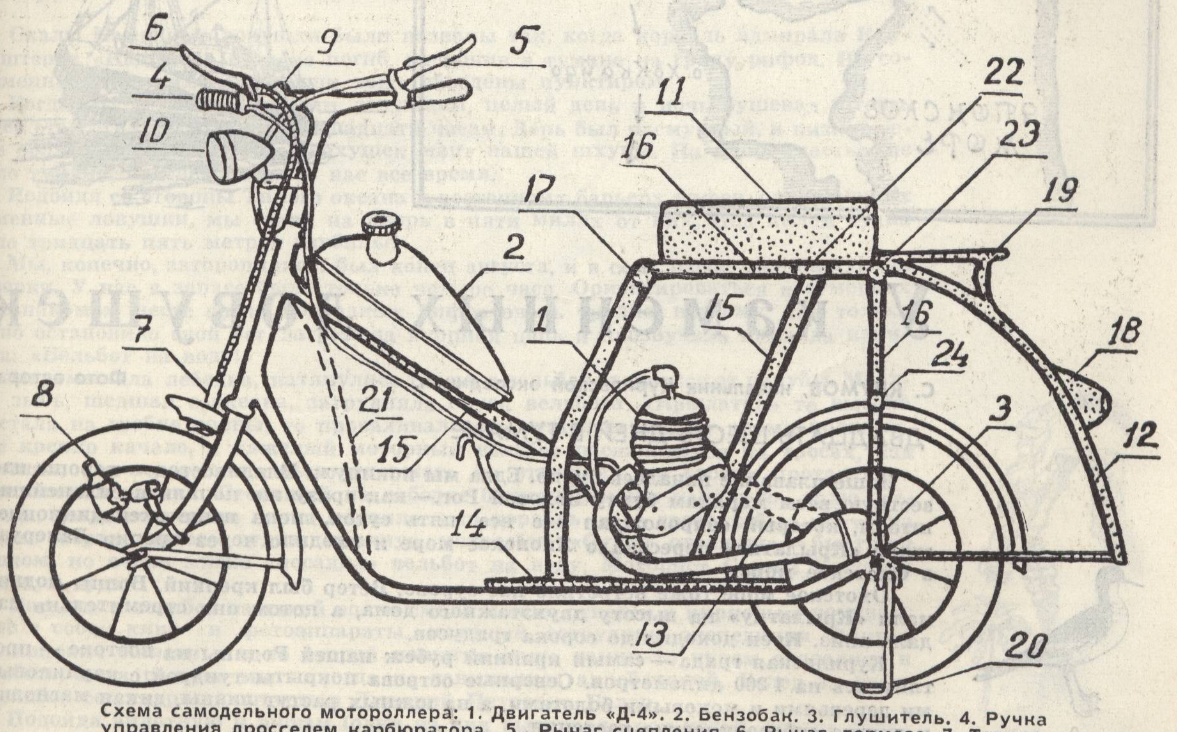
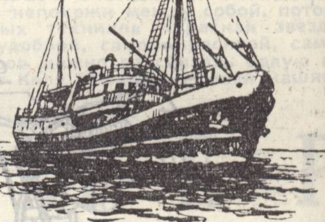

Схема самодельного мотороллера: 1. Двигатель «Д-4». 2. Бензобак. 3. Глушитель. 4. Ручка управления дросселем карбюратора. 5. Рычаг сцепления. 6. Рычаг тормоза. 7. Тормоз. 8. Динамика. 9. Переключатель света. 10. Фара. 11. Сиденье. 12. Крыло от мотоцикла. 13. Цепь. 14. Лист железа 350 × 300 × 5 мм. 15. Рама диаметром 25 мм для крепления мотора. 16. Рама диаметром 15 мм. 17, 22, 23 и 24. Места спайки рамы. 18. Задний красный фонарь. 19. Багажник. 20. Подставка. 21. Рама самоката, которая снимается.

У каменных ловушек

С. КЛУМОВ, начальник Курильской экспедиции.

Фото автора.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ДНЕЙ В ТУМАНЕ

Наше плавание началось бурно. Едва мы покинули Владивосток — хорошо известную всем морякам бухту Золотой Рог,— как сразу же попали в сильнейший шторм, который сопровождал нас все пять суток, пока наше экспедиционное судно «Крылатка» пересекало Японское море и входило через пролив Лаперуза в Охотское море.

Охотское море тоже встретило нас сурово. Ветер был крепкий. Волны поднимали «Крылатку» на высоту двухэтажного дома, а потом она стремительно падала вниз. Крен доходил до сорока градусов.

Курильская гряда — самый крайний рубеж нашей Родины на востоке — протянулась на 1 200 километров. Северные острова покрыты тундрой с карликовыми деревьями и моховыми болотами, а на южных растут лианы, дикая магнолия и другие субтропические растения.

Японцы называют Курильскую гряду «Цисима» («Тсисима»), что значит «тысяча островов». Это, конечно, образное выражение. На самом деле она образована тридцатью довольно крупными островами вулканического происхождения и

Плавунчик круглоносый

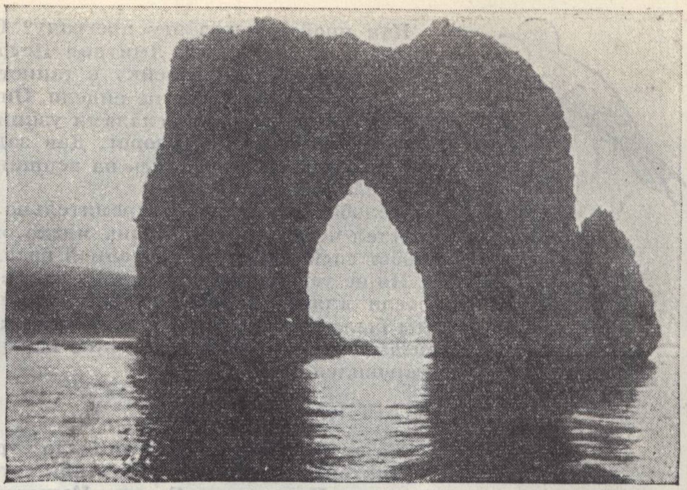
многими десятками скал. Почти на каждом, даже небольшом островке есть свой действующий вулкан, горячие источники, кипящие озера, фумаролы — маленькие кратеры, трещины, из которых с шумом и свистом вырываются клубы пара или газа, нагретые до двухсот и более градусов.

Курильская гряда — это дорога циклонов. Благодаря циклонам в прикурильских водах часты жестокие и иногда долговременные штормы.

Лето здесь туманное. Мы пересекали Охотское море в июле, и двадцать шесть дней мы плыли в сплошном густом тумане.

Множество проливов, соединяющих Охотское море с Тихим океаном, и мощное холодное течение Ойя-сио, идущее вдоль гряды на юго-запад, образуют сулои. Это места, где сталкиваются течения и ветры разных, иногда противоположных направлений. Здесь даже в тихую погоду море как будто кипит.

Подводные рифы и скалы, постоянные туманы и штормы, неизведанные сулои создали плохую славу Курильским островам.

Эта скала стоит неподалеку от острова Расшуа. Она представляет собой часть горловины вулкана. Морские волны разрушили берег острова, унесли с собой рыхлые породы, осталась застывшая лава. Она образовала эту красивую арку.

Наша экспедиция должна была учесть береговые лежбища сивучей, или морских львов. Этот крупный зверь принадлежит к группе ушастых тюленей, он достигает четырех метров в длину и весит восемьсот—девятьсот килограммов.

Мы должны были обследовать побережья всех островов и отдельно стоящие скалы. Многие из них на морских навигационных картах окружены прерывистой пунктирной линией. В пунктирных кружочках стоит грозная надпись: «Район, запретный для плавания: неизученные подводные опасности!»

МЫ ИДЕМ К КАМЕННЫМ ЛОВУШКАМ

Скалы Каменные ловушки были названы так, когда корабль адмирала Крузенштерна «Надежда» едва не погиб, наскочив в тумане на гряду рифов. На современных морских картах они тоже обведены пунктиром.

Когда мы шли к Каменным ловушкам, целый день и ночь бушевал шторм. Ветер стал стихать только к двенадцати часам. День был пасмурный, и низкие серые облака почти касались верхушек мачт нашей шхуны. На наше счастье, не было тумана, преследовавшего нас все время.

Подойдя со стороны Тихого океана к восточному барьеру рифов, окружающих Каменные ловушки, мы стали на якорь в пяти милях от них. Под килем судна было тридцать пять метров глубины.

Мы, конечно, заторопились: был конец августа, и в семь часов уже наступали сумерки. У нас в запасе было только четыре часа. Ориентироваться в сумерках в незнакомом месте среди подводных рифов очень трудно, поэтому, как только судно остановило свой бег, загремела якорная цепь и прозвучала команда капитана: «Вельбот на воду!»

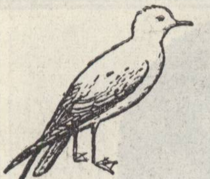
Загромыхала лебедка, натянулись тросы, и вельбот оторвался от палубы. Мертвая зыбь, шедшая с океана, затрудняла спуск вельбота. «Крылатка» то высоко взлетала на гребне волны, то проваливалась в «ущелье» между двумя волнами. Нас крепко качало, и тяжелый моторный вельбот раскачивался на тросах, как маятник; его невозможно было удержать на оттяжках, он грозил протаранить капитанский мостик. Стоявший на лебедке боцман, улучив какую-то долю секунды, когда очередная волна подняла наш корабль и ее гребень был почти на уровне борта нашего судна, крикнув матросам: «Отдай оттяжки»,— быстрым рывком, но очень мягко «посадил» вельбот на воду. Моторист Сергей Кошевой прыгнул туда.

Посадку в вельбот на такой волне смело можно отнести к цирковым номерам. Взяв с собой кино- и фотоаппараты, научный сотрудник экспедиции Виктор Филиппович Канаев и я со второй попытки тоже каким-то чудом оказались в вельботе, хотя раньше мы никогда не занимались акробатикой. Вслед за нами в вельбот сел старший штурман Дмитрий Петрович Белов.

Подойдя вплотную к рифам (одни из них выступали над водой, другие обнажались только при отходе волны), мы увидели справа и слева от вельбота белую завесу. Волны с ужасающим грохотом разбивались о скалы, мириады брызг взлетали высоко в воздух и повисали сплошной стеной.

Аларии

Чайка моевка

Как пройти через эту преграду? Она казалась неприступной. И вот тут-то пригодилось мастерство Дмитрия Петровича. Он направил вельбот вдоль гряды рифов, чтобы найти лазейку в таинственную область, скрытую от наших глаз.

«Крылатки» мы уже не видели. Она осталась далеко позади. Наконец мы обнаружили между двумя скалами узкий проход. Волны с ревом врывались в него, образуя неистовый водоворот. Дав задний ход, штурман выждал удобный момент и, когда мы очутились на вершине высокой волны, скомандовал мотористу: «Полный вперед!»

Вельбот рванулся и стремительно на гребне волны проскочил, или, вернее, пролетел через проход. Волна мягко опустила нас по другую сторону барьера, и вельбот заскользил по спокойной воде.

Но не успели мы оглянуться, как вдруг заглох мотор. Мы попали в сплошные заросли алярий — водорослей, похожих на морскую капусту. Вся поверхность воды была сплошь затянута их широкими темно-коричневыми гофрированными лентами. Винт мотора мгновенно навертел на себя целый ком этих лент, и мотор остановился.

В ЦАРСТВЕ СИВУЧЕЙ

По эту сторону рифов не было страшного грохота прибоя.

Виктор Филиппович и я стали готовить бинокли, налаживать кино- и фотоаппараты. Петрович и Сережа Кошевой легли на корму вельбота и, опустив руки в воду, разматывали накрутившиеся на винт водоросли.

Мы шли на веслах: заводить мотор в такой густой каше водорослей было бесполезно. Впереди мы увидели на воде тысячи белых шариков, похожих на раскрывшиеся коробочки хлопка. При нашем приближении шарики вдруг поднялись в воздух. Это была огромная стая — несколько тысяч мелких куличков, круглоносых плавунчиков, которые кормились в зарослях алярий.

Эти чопорные, как бы одетые в черный фрак птицы — кайры. На Курильских островах они образуют базары — сотни тысяч птиц гнездятся на скалах.

Лавируя между многочисленными видимыми и подводными камнями, мы направили вельбот к высокой скале. Все карнизы и уступы этой скалы были усыпаны чайками, моевками с белыми грудками и серовато-серебристыми крыльями. Какое великолепное сочетание красок: отвесная, почти черная базальтовая стена, ее верхушка покрыта густой ярко-зеленой травой. У подножия скалы кипящее голубовато-серое море, ожерелье из белой кружевной пены, и на карнизах ярко-белые шарики — чайки.

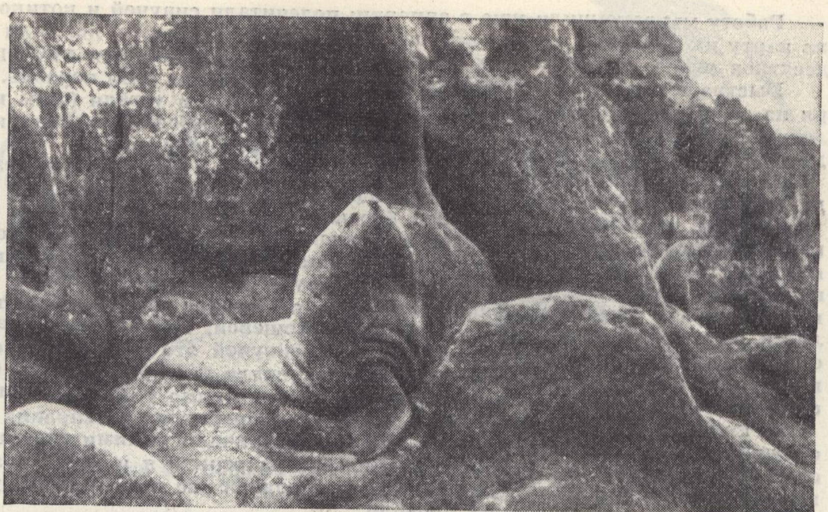
Вельбот обогнул скалу Высокую и вышел из Тихого океана в Охотское море. Множество больших и мелких камней торчало из воды. На каждом из них лежали сивучи. Их было несколько тысяч. Они еще не

Сивуч

видели нас, но, когда мы приблизились, заволновались, подняли оглушительный рев.

Сотни крупных секачей устрашающе рычали густым басом. Тенорами заливались тысячи самок и молодых сивучей, совсем тонкими дискантами повизгивали детеныши. Это был чудесный концерт в честь нашего прибытия. «Слабонервные» животные и малыши при нашем приближении бросались в воду.

На высоком уступе скалы лежал огромный сивуч не менее тонны весом.

Мы шли малым ходом. Сивучатки — они были темно-шоколадного цвета, чуть более метра длиной — затеяли состязания с нашим вельботом, перегоняя нас и выныривая впереди, правда, на почтительном расстоянии. Они почти до половины высовывались из воды и, вытягивая короткие шейки, смотрели на нас своими огромными, круглыми черными глазами.

Сережа Кошевой пустил мотор полным ходом. Мотор затарахтел сильнее, вельбот рванулся вперед, и сивучата бросились врассыпную. Иные выпрыгивали из воды и, пролетев по воздуху метра три, снова плюхались в воду и исчезали. Выныривали они уже далеко от нас.

Мы подошли к большой залежке сивучей.

Старые, огромные сивучи, уверенные в своей силе, отнеслись к нам пренебрежительно. Мы вплотную подходили к скалам, на которых они лежали, и фотографировали их почти в упор.

На высоком уступе скалы, возвышавшемся на пятнадцать—двадцать метров над водой, лежал крупный сивуч не менее тонны весом. Увидев нас, старик приподнялся и стал раскачиваться из стороны в сторону, переступая с ласта на ласт и покачивая головой. Он отворачивался от нас, как будто не хотел, чтобы мы фотографировали его. Сивуч был желто-соломенного цвета, он ярким пятном выделялся на фоне темной скалы. Подойдя ближе к скале, мы опять попали в заросли алярий, и наш мотор «зачихал». Испугавшись шума, сивуч очень изящно, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, оттолкнулся ластами и бросился вниз. Любой чемпион по прыжкам в воду мог бы позавидовать красоте этого прыжка. Сивуч пролетел над нашими головами и врезался в воду в трех метрах от борта вельбота. Впечатление было такое, что около взорвалась фугасная бомба. Еще бы! Тысяча килограммов была с силой сброшена в море с высоты двадцати метров! А что было бы, если бы сивуч рухнул в наш вельбот! Эта мысль пришла нам в голову позже. В тот момент мы любовались ловкостью зверя.

Сайра

Мы торопились со съемкой, так как света уже явно не хватало. Фотографируя скопления сивучей, мы подошли к скале Котиковой и увидели на северной ее стороне еще одно большое лежбище зверей.

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ

Но что это там впереди, на южной части скалы? Какие-то другие животные, не светло-коричневые и не желто-соломенные, как сивучи, а черные. Мы подплывали все ближе и ближе и не верили своим глазам. Неужели это котики, те самые, которые давно уже считаются вымершими? Да нет, не может этого быть!

Мы подошли почти вплотную к залежке. Да, никаких не может быть сомнений — это морские котики! И какое множество! Мы насчитали более двух тысяч голов. Значит, курильские котики не выбиты!

Переполох на лежбище был ужасный. Поднялся страшный рев. Все пришло в движение. Многие малыши и самки бросились в воду, другие, наоборот, полезли вверх по скале и взобрались на самый ее гребень. Только старые котики с длинными белыми усами, как у Тараса Бульбы, сохраняли невозмутимость и спокойствие и сидели неподвижно, охраняя стадо от непрошеных пришельцев.

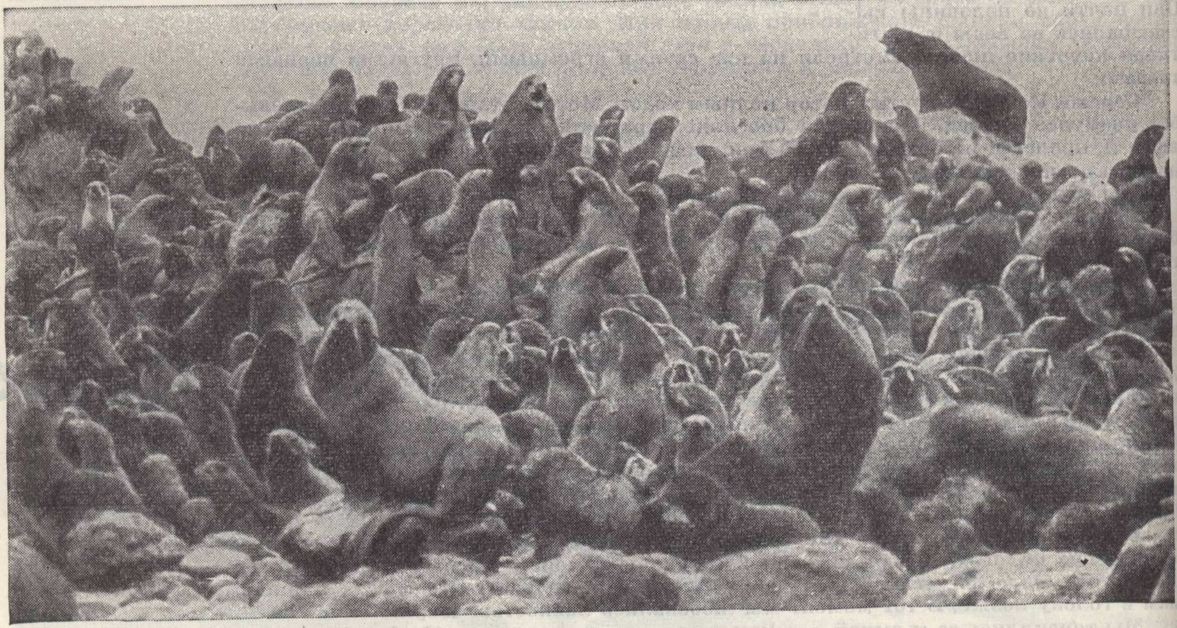
Работу мы закончили уже в сумерки: подсчитали сивучей и котиков, нанесли на карту их лежбища, собрали донных животных, водоросли, поймали несколько десятков рыб и ракообразных, взяли образцы грунта, сделали промеры глубин.

Быстро темнело. С легкой душой возвращались мы на свой корабль. И несмотря на то, что мы промокли, замерзли, проголодались и устали (всем нам пришлось поработать и веслами, и багром, и покрутить лебедку, опуская и вынимая дночерпатель и трал), мы возвращались удовлетворенными.

Но впереди был рифовый барьер. Как нам удастся проскочить через него? Сюда-то мы шли с волной, а обратно придется идти против волны.

Сивучи, увидев, что мы уходим, бросились за нами в погоню. Два косяка сивучей, не менее пятидесяти голов в каждом, быстро догоняли нас. Вот они уже в полуметре от нас. Подныривают под днище вельбота, и мы их хорошо видим в прозрачной воде. Выглядывая из воды, сивучи угрожающе рычали, их черные глаза сверкали злыми искорками. Казалось, вот сейчас эти огромные туши навалятся на вельбот и потопят его. Сережа Кошевой, не выдержав напряжения, схватил ружье и выстрелил в воздух. На сивучей это не произвело никакого впечатления. Они упорно и настойчиво продолжали нас преследовать. Оба косяка соединились, и теперь они шли сплошной массой прямо у нас за кормой.

Я крикнул Дмитрию Петровичу, чтобы он развернулся и направил вельбот на сивучей. Вельбот врезался в стадо, мы все закричали дикими голосами, и преследователи бросились врассыпную. Вельбот развернулся и снова взял курс на восток. Сивучи пошли за нами, но уже осторожнее, не приближаясь к вельботу. Они провожали нас до самого корабля.

Переполох на лежбище котиков был ужасный.

Сумерки сгущались. Ветер стих. Был отлив, и течение помогало нам идти на восток. Начал моросить мелкий-мелкий дождик. Мертвая зыбь стала какой-то ленивой и пологой. Тихий океан укладывался спать.

К барьеру мы подошли совсем в другом месте. Еще издалека мы увидели довольно широкий проход. Слегка царапнув днищем по скалистому дну или подводному камню, мы вышли на простор Тихого океана и сразу же увидели огни нашей «Крылатки».

Через час мы уже сидели в кают-компании, ели вкусный, горячий суп и делились впечатлениями о таинственном и прекрасном острове, у которого более пятидесяти лет назад проходил шлюп «Надежда» под командованием русского адмирала Ивана Крузенштерна, назвавшего эти скалы Каменными ловушками.

Морской котик

Тимка

Б. НИЧИК

Рисунки В. Трофимова.

Это было в Монголии, в пустыне Гоби, где я проводил научную работу по животноводству. Вместе со мной работали и монгольские научные работники. Особенно крепко я подружился с одним из них — с Ринчином. Мы жили в одной юрте. Ринчин хорошо знал русский язык и в качестве переводчика не раз помогал мне в разговорах с местным населением.

Местность, где была наша стоянка, представляла собой барханные пески, и ездить по ним можно было лишь на верблюдах. До Монголии я видел верблюдов только в зоопарках и никогда не думал, что мне придется на них ездить. Походил я пешком первые дни работы, да разве уйдешь далеко по пескам! И я решил подобрать себе верблюда. Но так как в верблюдах я еще не разбирался, то попросил Ринчина выбрать мне самого спокойного, самого быстрого и самого выносливого.

Ринчин мне и говорит:

— Это дело простое!

Пошли мы на пастбище, а там сотни верблюдов. Вначале мне показалось, что все они страшные, злые, косятся на нас своими черными глазами и сердито фыркают.

— Какой тебе нравится? — спрашивает Ринчин.

А мне кажется, что все они одинаковые. Стоим и смотрим. Вдруг, чувствую, кто-то трогает меня сзади за плечо. Оборачиваюсь. Стоит верблюд и тянет меня зубами за рубашку.

— Что тебе? — говорю я ему.

Верблюд молчит и все тянет меня за рубашку.

— Вот его и возьму,— говорю я Ринчину.

— Хорошо, бери,— обрадовался Ринчин.— Сейчас я посажу тебя, и ты попробуешь проехаться.

Подошел Ринчин к верблюду, схватил его за деревянную палочку, вставленную в нос, дергает вниз и приговаривает:

— Ложись, тиммэ, ложись.

— Почему ты называешь его Тимкой? — спросил я.

— Да не Тимкой, а тиммэ, что по-монгольски означает «верблюд».

«Буду Тимкой его звать»,— решил я.

А Тимка никак не желает ложиться, упирается. Я попробовал так забраться на него, но ничего не вышло: очень уж высок. Кое-как уговорил Тимку. Лег он на песок да так недовольно косится на Ринчина: «Что, мол, дергаешь меня за нос?»

— Садись между горбами,— говорит мне Ринчин.

Сел я и крепко уцепился руками за Тимкин горб.

Ринчин дернул верблюда за палочку:

— Вставай!

Но, видно, Ринчин дернул чересчур сильно, так как Тимка заревел, затряс головой, забрызгал слюной и отрыгнутой травой. Все это попало Ринчину на его новый халат.

Отскочил Ринчин, ругается. А Тимка повернул голову ко мне и ворчит, как бы говоря: «Смотри, как он со мной обращается! Ты тоже такой?».

Сижу я ни жив ни мертв, думаю: вот сейчас он и со мной расправится.

Через некоторое время успокоился Тимка и сам поднялся. Встал он вначале на задние ноги, а они у него длинные-длинные, я и съехал Тимке на шею. Затем он вскочил на передние ноги, да так резво, что только горб спас меня от падения.

Умостился я кое-как между горбами, и Тимка зашагал. Обошел он Ринчина стороной и направился к колодцу. Я прошу его идти к юртам, а он не обращает никакого внимания на мои просьбы и двигается к колодцу; подошел и лег.

Слез я с него и хотел идти назад, к юртам. Но не тут-то было: схватил Тимка меня зубами за рубашку и не пускает, тащит к ведру: «Достань воды, не видишь — я пить хочу!».

Достал я ведро воды. Тимка ее моментально высосал и еще ждет. Достал второе ведро.

Пьет Тимка воду, а я ходу, ходу назад. Но не успел сделать и десяти шагов, как Тимка тут как тут, снова схватил меня за рубашку.

Только после того, как выпил семь ведер воды, отпустил меня Тимка, а сам, раздутый, как бочонок, зашагал на пастбище.

Со временем подружились мы с Тимкой. Когда захочет он пить, то приходит к юртам, находит меня, хватает легонько зубами за плечо и направляет к колодцу.

А однажды Тимка спас мне жизнь.

...Зимой, в начале февраля, я решил проехать на дальние стоянки в район горы Богдо-Ула, посмотреть, как там идет зимовка скота. Оделся я потеплее, взял на дорогу продуктов и рано утром на Тимке отправился в путь.

Перед отъездом Ринчин спросил:

— Может быть, и я поеду с тобой? А то как бы ты сам не заблудился.

— Ну что ты,— ответил я.— Дорога мне знакомая, я по ней летом ездил, да и Тимка дорогу знает.

— Летом — одно дело, а зимой — другое, дороги все под снегом, можешь сбиться,— настаивал Ринчин.

— Ничего, доеду,— сказал я.

...Верблюд трусил спокойной рысью. Дорога была ровной; ярко светило солнце, хотя мороз был сильный и больно пощипывал за нос. К вечеру я въехал в предгорье Богдо-Улы, и здесь-то все переменилось. Откуда-то надвинулись тяжелые облака, пошел снег. А еще через некоторое время поднялся сильный ветер, началась вьюга. Надвигалась ночь, надо было где-то искать ночлег, а я нигде не видел юрт, вокруг меня свистел ветер, бушевал буран. Дорога стала неровной, приходилось проезжать через ущелье. Мой Тимка устал, начал спотыкаться, да и я с трудом сидел в седле. Горы стояли все одинаковые, мрачные и таинственные, а вокруг них метались рваные облака, из которых в бешеном танце мчались острые струи снега.

«Куда же ехать?» — в отчаянии думал я.

Тимка уже совсем выдохся и лег. Слез я с него и решил подняться на ближайший гребень скалы, поискать огни юрт. Взбираюсь я на гору, а сам оглядываюсь на Тимку, беспокоюсь, не уйдет ли. А он лежит. Иду и оглядываюсь, а дорога скользкая. Оступился я, удержаться было не за что, и полетел вниз, со всего разгона угодил головой в скалу и потерял сознание.

...Сколько я был без сознания, не помню. Очнулся я и ничего не вижу: что-то меня прижало к камням, теплое и мохнатое. Только я заворочался — отодвинулась от меня эта темная масса, и сразу же на голову обвалилась глыба снега. Начал я барахтаться в снегу — слышу: и сверху кто-то его разгребает.

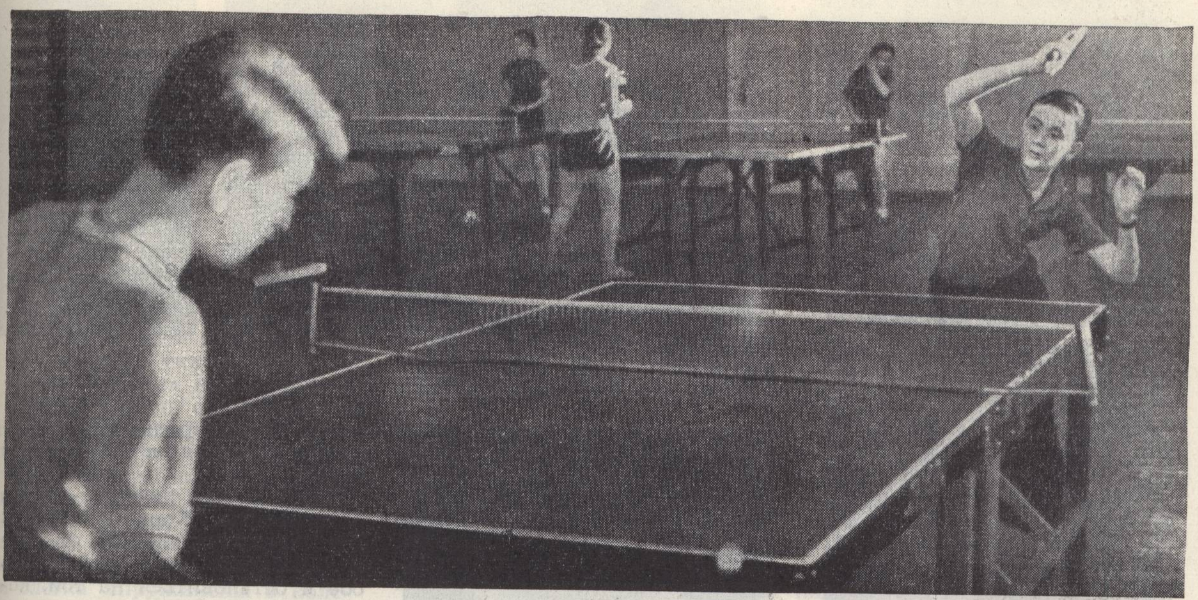
Еще одно усилие — и перед моим лицом мелькнуло копыто Тимки. Снег обвалился, и я оказался на воле.

....Все вокруг искрилось в золотистых лучах солнца, в долине белым покрывалом лежал снег, и прямо мне в глаза глядели зеленоватые глаза Тимки (как мне показалось, встревоженные). Это он прижал меня своим телом к скале и прикрыл от снега; это он лежал возле меня всю ночь, и он же начал откапывать меня.

Дальнейший путь мы проделали без приключений, только от ушиба сильно болела голова.

Много пришлось мне ездить на Тимке по пустыне, и никогда он не подводил. Дорогу домой всегда Тимка находил сам, помнил все колодцы и всегда к ним заворачивал.

И только никак не хотел Тимка мириться с Ринчином, сердился на него за то, что он когда-то больно дергал его за нос.

УКРОЩЕНИЕ ЦЕЛЛУЛОИДНОГО МЯЧИКА

НАША СПОРТ-ШКОЛА

Судьям в спорте не аплодируют; судьям болельщики чаще свистят, обидевшись за своих любимцев. Но однажды я слышал, как переполненный зрителями спортивный зал общества «Крылья Советов» гремел аплодисментами. Аплодировали именно судейской коллегии.

Что же произошло? Чем судьи заслужили этот взрыв одобрения?

В большом международном турнире по настольному теннису шла «дуэль» двух известных мастеров. Избегая риска, они долго, по нескольку сот раз перекидывали мяч, и он, как маятник, мотался с одной половины стола на другую. Проходило немало минут, прежде чем кто-нибудь выигрывал очко. Зрители откровенно дремали под монотонное щелканье мячика.

Тут судейская коллегия и приняла решение, которое привело всех в такой буйный восторг: перенести встречу в другой зал, где игроки могли бы закончить свой затянувшийся матч «с глазу на глаз», не утруждая зрителей.

Но самое занятное ожидало нас впереди, когда мастера вернулись в зал, окончив свою нудную встречу. Мы увидели, что оба они вместе со всем залом бурно аплодируют пушечным ударам и молниеносным, хлестким контратакам китайских спортсменов. Игра китайцев шла в очень быстром темпе, мяч с огромной скоростью перелетал на сторону противника, и тут же следовал ответный удар, взять который казалось уже невозможным. Но китайские виртуозы малой ракетки, свободно и легко передвигаясь по площадке, умудрялись доставать совершенно безнадежные мячи. Такая игра очень нравилась зрителям и... тем самым спортсменам, которые только что усыпляли зал своей до одури скучной перекидкой.

Почему же, если им нравится быстрая, острая игра, сами они играли медленно и вяло? А просто потому, что не умели иначе. С первых своих шагов в этой игре они приучились играть спокойно, осторожно, без риска, на большом расстоянии от стола. Такой стиль принес им на первых порах успехи, а потом уже перестроиться стало трудно.

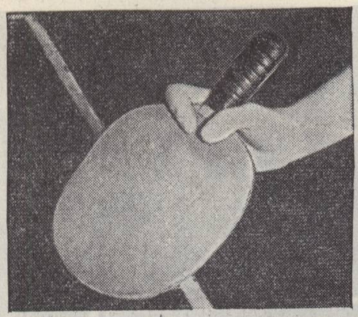
Значит, многое зависит от первых шагов новичка? Да, именно так! Именно с первых шагов закладывается фундамент будущего мастерства. Переучиваться труднее, чем учиться.

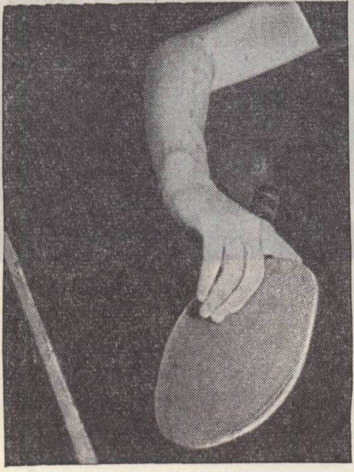
И не случайность, что за последние годы в настольном теннисе бурно и победоносно наступает молодежь. Семнадцатилетний калужанин, вчерашний школьник Геннадий Аверин завоевывает симпатии москвичей на Спартакиаде народов СССР, а через полгода, став студентом Московского университета, выигрывает золотую медаль чемпиона страны.

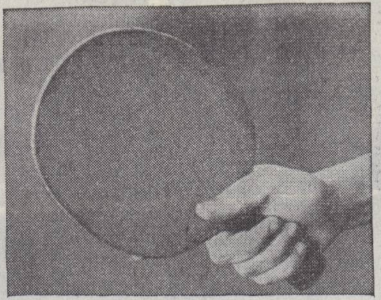
Маленькая литовская пионерка Лайма Балайшите, юркая и живая, становится мастером спорта одиннадцати лет от роду.

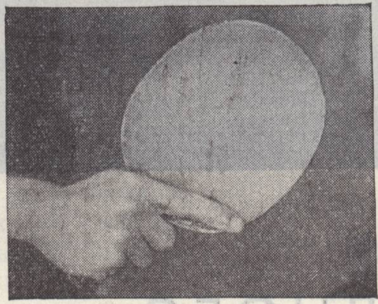
Больших успехов во всесоюзных и международных соревнованиях добиваются школьники Коля Новиков и Таня Васильева из Баку, Дзидра Лукина и Зигизмунд Калныньш из Риги, Хельмутас Лисинас из Каунаса, Шура Касякина из Киева, Гена Кудряшов и Миша Озеров из Москвы.

А Соня Белоцерковская, ученица восьмого класса москов-

Так надо держать ракетку. Слева — «хватка пером», справа — «хватка рукопожатием».

ской школы № 273, стала грозой чемпионов. Она обыграла чемпионку СССР Э. Лесталь, вторую ракетку страны И. Саар и трижды подряд Лайму Балайшите.

Из далекой Бразилии летят через океан вести о том, что четырнадцатилетний мальчик Убираши да Коста, уменьшительно Бириба, побеждает многократных чемпионов мира.

В чем же секреты такого успеха? Как ими овладеть?

Этим юным спортсменам помогают их смелая, свободная, разносторонняя игра, их мощные и стремительные атаки, а тут выступает на первый план техника.

Если приглядеться повнимательнее, почти все эти юноши и девушки одинаково держат ракетку. Правильная хватка — первое условие для того, чтобы хорошо играть.

Существует два способа держать ракетку. Один называется «хватка рукопожатием». И правда, ракетку при этом вкладывают в ладонь так же, как руку человека, с которым здороваются. Затем мизинец, средний палец и безымянный обхватывают рукоятку, большой палец ложится с одной стороны плоскости ракетки, а указательный — по краю другой стороны. Такую хватку применяет большинство сильнейших игроков Европы, поэтому она еще называется «европейской».

Другой способ держать ракетку распространен в Китае, Японии, Корее и других странах Азии. Этот способ называется «хватка пером», или «азиатская хватка». Большой и указательный пальцы держат рукоятку так, как держат карандаш или ручку для письма, а остальные три пальца свободно, без напряжения лежат на другой стороне ракетки. Игра при этом способе ведется почти все время одной стороной ракетки.

«Азиатская хватка» благодаря некоторым своим достоинствам стала все больше распространяться на других континентах.

Так, юный бразилец да Коста добился успехов, применяя эту хватку. А московской семикласснице Зое Рудновой, которая тоже держит ракетку «по-азиатски», или «пером», потребовалось всего полгода, чтобы стать перворазрядницей и добиться участия в чемпионате СССР.

Какая же хватка лучше, спросите вы. Хороша и та и другая, если применять их умело. Выбирая, надо испробовать обе и остановиться на той, которая лучше удается именно тебе.

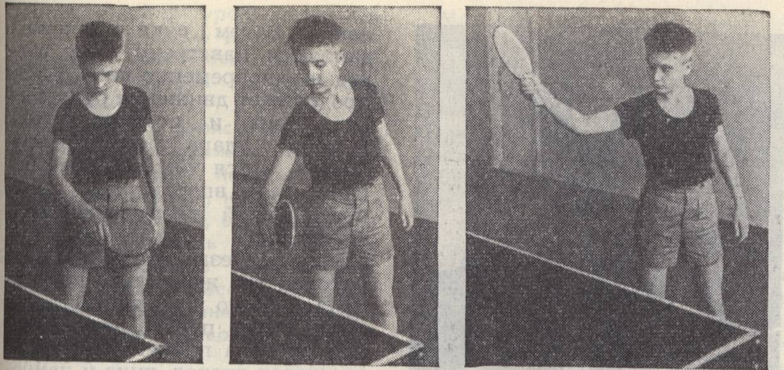
Игра настольный теннис, как известно, начинается с подачи. Учитесь хорошо подавать! Быстрая подача, направленная в невыгодную для противника точку стола, — это уже начало атаки. Только следует помнить, что правила запрещают подавать над столом и что нужно обязательно подбросить мяч с ладони вверх.

Все удары по мячу делятся в основном на удары атакующие и удары оборонительные. Хороший игрок должен владеть и нападением и защитой.

Чтобы нанести атакующий удар справа, надо встать от сто-

Приготовиться. Удар. Атака справа окончена.

Атака слева.

ла на расстоянии в 35—40 сантиметров. Стать вполуоборот, чтобы левое плечо и левая нога были ближе к столу, чем правое плечо и правая нога. Рука с ракеткой свободно опущена. Ракетка чуть отклонена назад. Ноги слегка спружинены в коленях. Стоять надо уверенно и прочно на обеих ногах, но ни в коем случае не делая плотного упора на пятки.

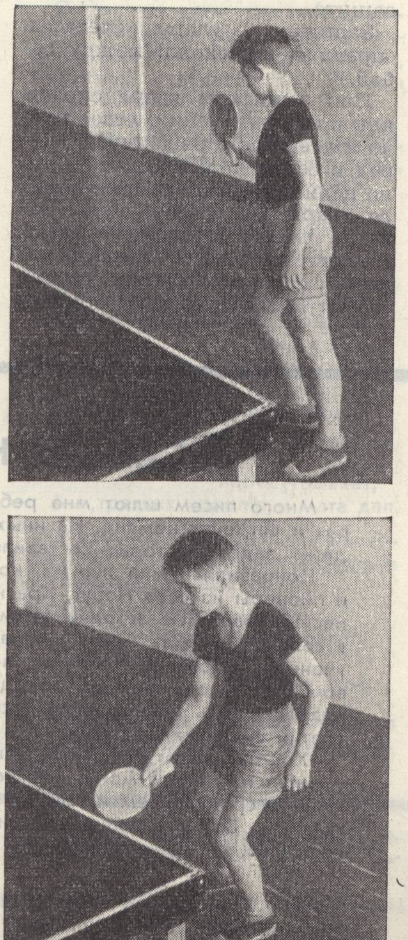
Ракетка идет навстречу мячу и наносит удар в тот момент, когда мяч приблизился к самой высокой точке своего полета и вот-вот начнет падать. Вся рука движется вперед и постепенно сгибается в локте, а кисть делает быстрое движение, направленное вперед и одновременно вверх, ударяя по верхушке мяча.

В конце удара нужно приподняться на левой ноге, распрямляя ее. Ни руку, ни кисть при этом не следует напрягать.

Если удар не удается сразу, большой беды нет. Надо повторить его правильно еще, и еще, и еще. Ну, а если и тогда ничего не выходит, попробуй освоить прием по частям. Сначала отработай атакующие движения без мяча, потом удары по мячу, который ты сам подбросил, и только в заключение переходи к настоящим атакующим ударам по мячу, посланному другим игроком или тренером.

Следи, чтобы при ударе справа локоть двигался вперед, а не вверх и ракетка после удара не уходила сильно влево — не мелькала перед глазами. Ни в коем случае нельзя сразу начинать с сильных ударов по мячу. Сначала добейся точности и чистоты движений. Не надо разбрасываться: овладей одним ударом, затем переходи к другому.

Чтобы вести атаку с левой стороны стола, необходимо быть на том же расстоянии от него, что и при ударе справа, только повернуться к столу другим боком. Правое плечо и правая нога должны быть ближе к столу, чем левое плечо и левая нога.

Защита справа.

Рука с ракеткой свободно опущена, и ракетка немного отклонена назад. Если ты применяешь «хватку пером», удар слева наносится той же стороной ракетки, что и удар справа, если играешь «по-европейски»,— обратной, тыльной стороной ракетки.

Ракетка и тут движется навстречу мячу, и удар также происходит в момент наивысшего положения мяча, как и при атакующем справа. Рука все время движется вперед, а кисть делает движение вперед — вверх — вправо, ударяя мяч по верху и слегка накрывая его в конце удара.

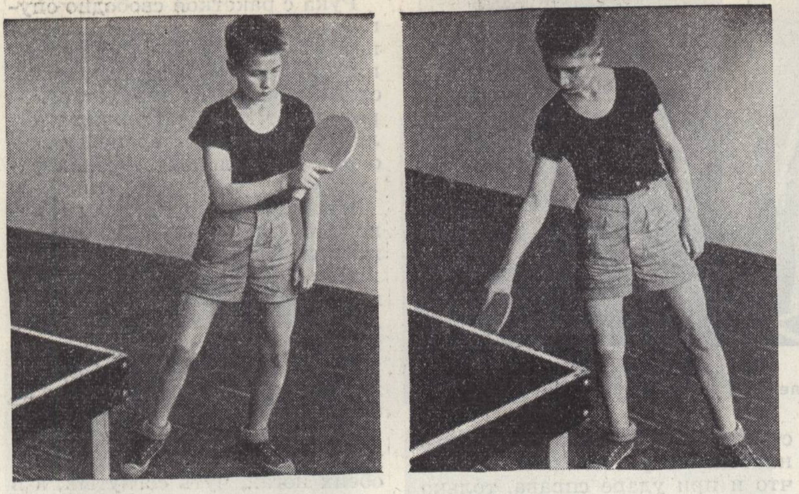
В начале левого атакующего удара стоять надо твердо на обеих ногах, чуть согнутых, а в конце приподняться, распрямляя правую ногу и перенося на нее центр тяжести.

Если этот удар не получается, надо отрабатывать его в той же постепенности, что и удары справа.

Не думай, что, выполнив движения, изображенные на рисунках, ты сразу будешь посылать на стол все мячи и станешь великим мастером. Если бы все было столь легко и достижимо, спорт потерял бы половину своей притягательной силы.

Во-первых, не так просто все удары выполнять правильно от начала и до конца, улавливать наивысшую точку в отскоке мяча и помнить, что движения ног и корпуса не менее важны, чем движения руки и кисти.

Во-вторых, в игре почти никогда не бывает, чтобы мяч подряд несколько раз возвращался в одно и то же место, с одинаковой скоростью и на одной и той же высоте. Не бывает даже двух одинаковых мячей подряд. Поэтому важно действовать не автоматически, а каждый мяч «играть» отдельно. Надо перед каждым ударом занять удобную позицию, надо при каждом ударе выбрать нужный момент для удара. Особенно трудно брать мячи, идущие то с левой, то с правой стороны стола, потому что надо быстро менять свою позицию. Ни в коем случае нельзя наносить удар слева, находясь в положении для удара справа, и наоборот. Сначала надо встать правильно. Начинающему обычно не хватает времени на это,— значит, лучше разучивать по отдельности удары слева и удары справа и только потом при-

Защита слева.

ступать к ударам, следующим вперемежку.

Если твой противник послал мяч атакующим ударом, а ты хочешь ответить ему тем же, нужно сразу немного наклонить ракетку вперед, к сетке, и при ударе как бы накрыть мяч ракеткой, чтобы он не улетел за пределы стола.

Однако не всегда бывает возможность произвести ответный атакующий удар: или игрок не успевает занять позицию для удара, или удар противника настолько силен, что его немыслимо отразить контрударом. В таком случае надо прибегнуть к защите.

Защитные удары слева и справа очень схожи между собой.

При защитном ударе справа, как и при нападении, левое плечо и левая нога выдвинуты вперед к сетке, только тяжесть тела целиком переносится в начале удара на правую ногу. Ракетка слегка отклонена назад. Начинается удар с замаха; ракетка поднимается до уровня плеча. Рука свободно согнута в локте. Затем рука с ракеткой движется навстречу мячу вперед и одновременно вниз. Кисть продолжает движение руки вперед, вниз и немного влево. В конце удара рука выпрямляется, а вся тяжесть тела переносится вперед на левую ногу. Такой удар называется «подрезка».

При подрезке слева все происходит так же, только впереди правое плечо и правая нога, тяжесть тела переносится с левой ноги на правую, а ракетка движется вперед, вниз и немного вправо. При этом ударе следи, чтобы не прогибалась кисть.

Если противник послал мяч на твою сторону подрезкой, а ответить атакующим ударом нельзя, смело отвечай подрезкой на подрезку. Только предварительно отклони ракетку сильнее назад и ударяй мяч как можно больше вперед по самой нижней его части. Если ты ракетку оставишь в обычном для подрезки положении и ударишь вперед, вниз, мяч пойдет в сетку.

Есть еще много других, более сложных ударов как в защите, так и в нападении. Ими трудно сразу овладеть. О них как-нибудь в другой раз.

Сергей ШПРАХ,
тренер сборной команды школьников г. Москвы.

ЕСЛИ ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ...

Много писем шлют мне ребята. Письма рассказывают о турнирах и встречах команд. На иных листочках записаны партии, приведены задачи, которые составили юные любители шахмат.

Понравились мне письма, которые прислали сормовские ребята и пионеры из села Небуг, Краснодарского края. Они провели интересные массовые встречи шахматистов и шашистов. Вот, например, в селе Небуг есть новая школа, ей от роду всего три года. Среди учеников много шахматистов, в турнирах принимают участие и девочки. В школе больше двадцати пионеров получили спортивные разряды. Есть среди ребят и свой спортивный судья, он получил третий судейский разряд.

Хорошо ведет работу сельский шахматный коллектив. Поучиться у ребят из Небуга могут многие любители шахмат.

Есть среди писем и такие, в которых ребята задают мне разные вопросы. Вот я и решил ответить в журнале на некоторые из этих вопросов.

Володя Кащеев, ученик школы № 28 города Кирова, просит рассказать, для чего записывают партии и что обозначают буквы и цифры e2 — e4, Kg8 — f6.

Вот, Володя, что я хочу тебе сказать.

Представь себе, что партии не стали бы записывать. Тогда нельзя было бы учиться играть в шахматы, нельзя было бы перенимать опыт сильных шахматистов. Каждый должен был бы сам прокладывать себе дорогу в дремучем лесу шахматных комбинаций и неизбежно повторял бы ошибки, которые много раз были сделаны ранее.

Это поняли давно. Уже тысячу лет назад стали записывать партии. Только записывали их не так, как сейчас. В ту пору подробно опи-

сывали, какой фигурой сделан ход и на какую клетку доски она пошла. Такие записи было очень утомительно вести, и занимали они много места.

Эта система записи партий сохранялась долго, никак не удавалось придумать новую, более удобную. Известна, например, рукопись о шахматах, относящаяся к XV веку. Рукопись представляет собой наставление для некоего князя, к которому все время в почтительных выражениях обращается автор. Вот отрывок из этой рукописи.

«Ваше величество играет королевской пешкой на четыре пункта, считая от позиции короля. И если противник играет так же, Вы играете королевским конем на три пункта, считая от позиции королевского слона. И если тот защищает пешку пешкой королевского слона, Вы берете его пешку конем. И если он берет пешкой, Вы даете ему шах ферзем на четыре пункта, считая от его королевской ладьи. И если он закрывается пешкой, Вы берете его королевскую пешку и даете шах, нападая на ладью».

Вот так запись, сколько места она заняла, а автор рукописи рассказал всего о пяти ходах! Кстати, Володя, да и все другие ребята, сделайте на доске эти пять ходов. Второй ход черных — серьезная ошибка, проигрывающая партию.

Существующая сейчас система записи шахматных ходов (шахматная нотация) разработана около двухсот лет назад. Она очень проста и удобна. Все вертикальные ряды шахматной доски обозначаются буквами латинского алфавита (a, в, c, d, e, f, g, h), а горизонтали—цифрами от 1 до 8. В сокращенном виде приводятся и названия фигур—Король—Кр, ферзь—Ф, ладья — Л, конь — К, слон — С. Пешки не отмечаются вовсе.

Вот и вся премудрость. Чтобы записать сделанный ход, надо указать поле, с какого пошла пешка или фигура, и поле, на которое она стала.

А теперь попробуйте перевести на язык современной шахматной нотации ходы, приведенные в старинной рукописи.

Мой вам совет, друзья, записывайте свои партии. Заведите для этих записей особую тетрадь. И пусть в этой тетради будут не только партии, в которых вы одержали победы, но и такие партии, в которых вам пришлось признать себя побежденными. Такие записи вам особенно пригодятся. Ведь в тех партиях, которые вы проиграли, вы наверняка допускали ошибки. Важно понять эти ошибки и сделать так, чтобы они больше не повторялись.

А теперь я отвечу на вопрос Сережи Бондаренко из города Сталино. Вот что пишет Сережа.

«Я знаю, что шахматы в России известны очень давно. Интересно, какие упоминания о шахматах сохранились в старинных книгах и документах. Расскажите об этом».

Первое упоминание о шахматах на Руси содержится в так называемой «Кормчей книге», которая была написана во второй половине XIV века.

О том, что сотни лет назад шахматы любили у нас в стране, свидетельствуют многие былины. Вот, например, отрывок из былины «Илья и Калин-царь»:

Сидят молодцы в белом шатре,
В белом шатре, белополотняном,
Сидят молодцы, забавляются,
Играют в шашки, шахматы.
Былинный богатырь Михайло
Потык играет с польским королем:
И садил играть его в шахматы,
Если я тебя поиграю, голова с плеч долой,
Если ты меня поиграешь, так в вине тебя бог простит.
Михайло Потык сын Иванович
Раз ступает — не доступывает,
Во вторых ступает — переступывает,
А в третьих королю и мата дал.

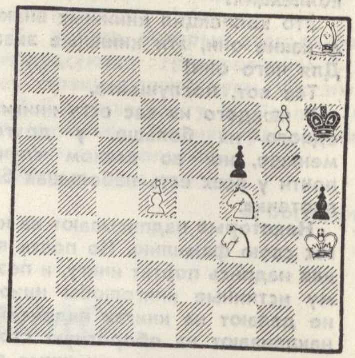
О древности шахмат на Руси говорят и сохранившиеся народные пословицы. Вот две из них:

Шахматы играть — своих оберегать.
Шахнуть да матнуть — ан и вся игра.

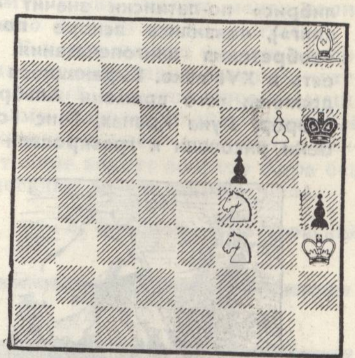
В следующих номерах журнала я отвечу и на многие другие вопросы ребят.

ПОПРОБУЙТЕ РЕШИТЬ

А теперь попробуйте решить две задачи, которые вы видите на приведенных в журнале диаграммах. Не удивляйтесь. Позиции этих задач почти одинаковые, на первой диаграмме у белых только две пешки вместо одной. Позиции почти одинаковые, а решения задач совершенно различны. Вот что значит присутствие на доске одной лишней скромной пешечки.

В этой позиции белые, начиная игру, дают мат в 3 хода.

Здесь задание остается прежним, черные получают мат в 3 хода, но путь к цели совсем другой.

Шлите нам ваши решения, друзья.

НАШ КОНКУРС

Многие юные любители шахмат прислали нам на конкурс свои задачи и этюды.

Всем ребятам напоминаем: последний срок присылки материалов на конкурс 25 сентября.

Участвуйте в нашем конкурсе!

СДЕЛАЙ СЕБЕ КНИЖНЫЙ ЗНАК

Сегодня на нашей «Страничке» вы прочитаете не только о том, как собирать одну из самых интересных коллекций, но и о том, как самому сделать экспонаты для нее.

Что же это за такая особенная коллекция!

Это коллекция книжных знаков. А какие они, эти книжные знаки! Для чего они!

Так вот, послушайте.

У каждого из вас есть книги. У одного их больше, у другого меньше, но, во всяком случае, почти у всех есть небольшая библиотечка.

Некоторые надписывают на книгах свою фамилию. Но почти всякая надпись портит книгу, и поэтому истинные книголюбы никогда не делают на книгах надписей, а наклеивают на оборотную сторону переплета свои «книжные знаки» — небольшие бумажные ярлычки с фамилией владельца и каким-нибудь рисунком.

Книжные знаки, или, как их чаще называют, «экслибрисы» («экс либрис» по-латински значит «из книг»), появились вскоре после изобретения книгопечатания, то есть в XVI веке. Выдающиеся художники того времени Альбрехт Дюрер, Лука Кранах, Ганс Гольбейн рисовали и гравировали их.

Книжный знак писателей братьев Гонкур.

Вначале на книжных знаках изображались родовые гербы знати: ведь в то время книги были так дороги, что их могли иметь только богачи. Со временем книг стало появляться все больше и больше. Возникли личные библиотеки, и их владельцы стремились иметь свой книжный знак. На этих книжных знаках изображалось то, что нравилось владельцам, отражало их вкусы и симпатии.

В России книжные знаки появились несколько позднее. Сохранились экслибрисы сподвижников Петра Первого: ученого Якова Брюса, первого русского писателя-сатирика Антиоха Кантемира, полководца Дмитрия Голицына. На них также изображены гербы владельцев.

В XIX веке книжными знаками стали обзаводиться самые широкие круги русской интеллигенции: врачи, писатели, учителя, студенты. В начале нашего столетия книжные знаки создавали виднейшие русские графики: Н. С. Бом-Григорьева, И. Ф. Рерберг, Е. М. Бем, Е. И. Нарбут, В. Я. Билибин, А. Н. Остроумова-Лебедева, Е. Е. Лансере, И. Н. Павлов.

Художественность и разнообразие книжных знаков привлекали внимание коллекционеров. Так начался новый вид собирательства — экслибристика.

В 1905—1918 годах было издано трехтомное «Описание русских книжных знаков», составленное известным в то время московским коллекционером У. Иваском.

В наши дни коллекционер Б. А. Вилинбахов описывает и вновь найденные старинные экслибрисы, но главным образом появившиеся в последние годы. В Ленинградском Доме ученых устраиваются выставки современных книжных знаков. Помимо работ художников-профессионалов, на этих выставках показываются книжные знаки, выполненные и графиками-любителями. В сущности, сделать книжный знак и для себя и для друзей не так уж трудно. Это по силам каждому, у кого есть руки и желание.

Я, например, начал работу над книжными знаками, когда мне было тринадцать лет, вырезав на резине простой штемпелек. Потом попробовал резать на липовой до-

щечке, на линолеуме. Я сделал много печаток-гравюрок для товарищей по школе, по клубу.

Как они делаются!

Вот книжный знак заслуженного мастера спорта Сергея Николаевича Павлова.

Как он был сделан! Прежде всего я нарисовал его на листке бумаги. Затем, подложив копировальную бумагу красящей стороной вверх, я обвел нарисованное, получив таким образом на обратной стороне листка зеркальное изображение рисунка. Взяв подходящий кусок линолеума, я набил его на дощечку и отшлифовал сперва наждачной бума-

Для работы тебе понадобятся вот эти незатейливые инструменты. Значки сбоку указывают, как они должны быть заточены.

гой, а потом пемзой до блеска. После этого перевел с помощью копирки на линолеум рисунок и острым ножиком вырезал все те места, которые при печати должны остаться белыми. Таким обра-

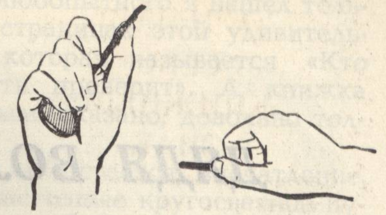
зом, получилась печатная форма — клише. На клише я накатал при помощи фотографического валика типографскую краску, наложил чистый листок бумаги, покрыл его другим, более плотным и притер костяной пластинкой. Оттиск книжного знака готов!

Для того, чтобы костяная пластинка при притирании лучше скользила, надо накладываемый листок плотной бумаги заштриховать мягким карандашом и слегка протереть воском.

Тонкие линии на показанном клише вырезаны специальными инструментами, сделанными из зонтичных спиц. Закругленные служат для выемки толстых штрихов, а заостренные — для тонких.

Гравюрки такого типа можно резать не только на линолеуме, но и на липе, на буке, на березе. Напомню еще раз, что поверхность материала должна быть идеально гладкой!

Описанный способ носит название обрезной гравюры. Есть еще тоновая гравюра, в которой рису-

Так нужно держать штихель.

нок получается благодаря игре полутонов.

Те ребята, которые всерьез заинтересуются гравированием (а это стоящее дело), пусть достанут в библиотеке книгу И. Павлова и М. Маторина «Техника гравюры по дереву и линолеуму».

Желаем вам успеха!

В. Богданов

Фантазия стала явью

В 1872 году в Лондоне, в доме номер семь на Севиль-роу, проживал Филеас Фогг. Тот самый Фогг, который, если верить Жюлю Верну, отправился в кругосветное путешествие, которое он на спор обещал совершить за 80 дней.

Впрочем, Жюлю Верну верить можно: ведь он сам выдумал этого путешественника Филеаса Фогга и сам придумал эту поистине фантастическую в его время скорость передвижения.

Так за сколько же дней на самом деле можно было объехать вокруг земли в те годы? И сколько стоило бы такое колоссальное путешествие?

Филеасу Фоггу, как известно из романа, это путешествие обошлось в 19 тысяч фунтов стерлингов.

Некий Людвиг Плосс из саксонского городка Хемница так же, как и герой Жюля Верна, поспорил с друзьями, что объехать вокруг земли можно за 120 дней. Но у него не было денег для такого сложного и долгого путешествия, и он поехал не сам, а послал вместо себя... почтовую открытку.

В 7 часов вечера 24 мая 1878 года (лет этак через шесть после фантастического путешествия Фогга) почтовый дилижанс, оглашая окрестности Хемница звуками рожка, повез открытку Плосса, адресованную в Александрию, затем в Сингапур, Иокогаму, Сан-Франциско и Нью-Йорк, откуда она должна была вернуться в Хемниц.

Прошло 116 дней и 18 часов, и улыбающийся почтальон постучал в двери квартиры Плосса, чтобы вручить ему его открытку, покрытую почтовыми штемпелями обоих полушарий земли.

Но едва прошло десять лет, как открытка, посланная из Лондона через Иокогаму и Нью-Йорк, вернулась к отправителю Томассену уже через 80 дней. Почте потребовалось одно десятилетие, чтобы превратить в явь смелую мечту великого французского фантаста.

В наши же дни все эти рекорды скорости кругосветных путешествий кажутся просто смешными. Современный реактивный самолет может пролететь расстояние вокруг земного шара без посадки за считанные часы.

К. Бобошко, Б. Островский

«ЦЫПЛЯЧЬЯ НЯНЬКА»

У овчарки Гарро ответственная должность: Гарро работает «цыплячьей нянькой» на одной из птицеферм в Германской Демократической Республике. Семь тысяч шустрых пушистых малышей находятся под его защитой. Стоит цыпленку в погоне за червячком или просто из любопытства отдалиться от стаи, Гарро тут как тут. Осторожно забирает он «озорника» в свою большую пасть и относит на место. Посмотрите, сколько доброты и ума светится в глазах четвероногой няньки! И какое нужно терпение, чтобы управиться с семитысячной цыплячьей оравой! Вот уж подлинно «хлопот полон рот»...

ДЯДЯ ВОЛОДЯ С НАШЕГО ДВОРА

Так называли его ребята дома № 3/6 по Лубянскому проезду. Дядя Володя всегда добродушно подшучивал над своими маленькими соседями и помогал им придумывать стихи, бичующие лодырей и бюрократов. Лишь позднее ребята узнали, что автор строк:

Вон бюрократа
из советского аппарата —

знаменитый поэт Владимир Владимирович Маяковский.

Стихи Маяковского для детей известны всем. Но не только вы, ребята, даже и взрослые мало слышали о том, как дружил с детьми Маяковский. Об этом почти что не писалось. Пробел этот теперь восполнила небольшая, но содержательная книжка «Наш Маяковский» (издательство «Молодая гвардия»).

В книге собраны воспоминания ребят, давно ставших взрослыми. Множество свидетелей рассказывают о том, как уважительно относился поэт к детям, как чутко, по-дружески, без малейшего сюсюканья говорил с ними...

Вот Маяковский среди юннатов биостанции, в пионерском отряде его имени, имени Маяковского. Здесь он читает свои стихи, «на которых чернила еще не просохли». Вместе с юннатами идет в лес, рассматривает в бинокль крохотных пичуг, пересвистывается с зябликом...

А вот Маяковский — «деткор», как сам он себя называл в шутку. Он в редакции «Пионерской правды». В углу стоит его массивная палка, пиджак накинут на спинку стула. Маяковский роется в груде детских писем, делая заметки в своей записной книжке. И сотрудникам редакции навсегда запоминаются мудрые слова поэта:

— Вашему читателю веселый собеседник нужен. Весело можно очень многому научить.

Ю. Новикова

О ЧЕМ СПРАШИВАЛ КНОПКА

Эта книжка полна неожиданностей.

Уже открыв первую страницу, где еще только заглавие и фамилия автора, видишь не очень понятный рисунок: кто-то прошел по карте мира, и следы его шагов остались на обоих полушариях.

А начнешь читать и видишь — все правильно. Человек, написавший эту не похожую на другие книгу, действительно побывал во всех странах света: на юге и на севере, на западе и на востоке. Он был в Африке и в Северной Америке, в Китае и в Англии, в Советском Союзе и в Мексике и еще во множестве стран.

И всюду он видел столько интересного, что толстой книги не хватило, чтобы обо всем этом рассказать.

Человек этот — чехословацкий писатель Адольф Гофмейстер. Впрочем, он не только писатель, но и художник. Все, о чем он рассказывает, он тут же и рисует. Он еще и карикатурист, и поэт, и драматург, и критик, и историк. Адольф Гофмейстер — коммунист, друг Советского Союза и борец за мир.

У Гофмейстера есть сын по прозвищу Кнопка. А у Кнопки есть одно хорошее качество — он хочет все знать и постоянно расспрашивает отца обо всем, что тот видел в своих путешествиях.

Так вот и получилась эта книжка. Кнопка спрашивал, а Гофмейстер отвечал, а заодно и рисовал кое-что.

По природе Гофмейстер — человек очень веселый. Он любит и умеет пошутить. Поэтому в его рассказах не только уйма интересных вещей, но и много забавного. Их нельзя читать без улыбки.

А узнать из этих рассказов можно самые необыкновенные вещи. К примеру: о чем говорят марки, чемоданные наклейки и государственные флаги; как ловят тропических пауков ростом с котенка; как французские мальчики нашли пещеру с картинами, нарисованными двадцать пять тысяч лет назад; когда в горах Чехословакии произошла морская битва; куда убежал Жюль Верн на шхуне «Коралли», когда ему было двенадцать лет.

Вот сколько любопытного я нашел только на первых страницах этой удивительной книжки, которая называется «Кто не верит, пусть проверит». А книжка эта, как уже было сказано, довольно толстая.

Прочтешь ее, и остается впечатление, что совершил настоящее кругосветное путешествие. Да еще с таким спутником, который в каждой стране показал тебе самое главное и не позволил ни минуты скучать.

А потом много раз будешь вспоминать, сколько нового и важного ты узнал за время этой поездки на корабле-книге. И скажешь спасибо умному, доброму, веселому человеку, который ее для тебя написал.

А. Дорохов

В ПОДВОДНОМ ЦАРСТВЕ

В то лето впервые на побережье Черного моря стали выходить из воды странные фигуры с масками на лице и лягушачьими лапами. Среди людей, беспечно загорающих на крымских пляжах, появление неожиданных гостей из морских глубин каждый раз вызывало волнение: в руках у подводников были особые фотоаппараты, иногда остроги...

Что снимали под водой эти люди-лягушки? За чем охотились?

Обо всем этом узнаешь из веселой, умной и интересной книжки «Волны над нами». Написала ее художница и зоолог О. Хлудова, которая немало постранствовала по дну морскому, подглядела много тайн подводного мира, сфотографировала и зарисовала жителей морских глубин и рассказала нам о них.

Ведь рыбы, крабы, дельфины, креветки, медузы ведут себя на свободе совсем не так, как в аквариумах и бассейнах. У них не только повадки другие. У них даже окраска совсем не та.

Из этой книжки узнаешь о старых знакомых новое, неожиданное. Возьмем, к примеру, симпатичную рыбку, известную под названием морской конек. Она и вправду похожа на фигуру шахматного коня, а издали — на вопросительный знак, потому что плавает стоймя. У самца морского конька складки кожи образуют на животе маленькую сумку. Туда самка откладывает весной икру. Нежный отец таскает потомство с собой. Сумка понемногу разбухает, оттопыривается, и настает день, когда из нее выскакивают крохотные морские коньки и норовят прицепиться закорючкой-хвостиком к какой-либо водоросли. Ведь они еще робкие новички. Художница

подсмотрела, как два крошечных морских конька сцепились хвостами и изо всех сил тянули каждый в свою сторону, не догадываясь отцепиться; другой раз она видела, как на шее крупного, старого морского конька повисла целая гирлянда нахальной молодежи, и он покорно тащил ее за собой неизвестно куда.

Подглядела зоолог под водой и страшную охоту хищников — луфарей, которые, набрасываясь вдвоем, рвут живую добычу пополам, и самоотверженную защиту потомства бычками, и хитрость крохотных рыбешек, придумавших укрываться от врагов под куполом обжигающей медузы (ведь сам колокол не жжется, обжигает лишь его бахрома).

Нелегка работа подводного наблюдателя! В глубинах морских всегда холодно. Среди подводных камней иной раз таится ядовитая рыба — дракончик, чей укол хвостовым шипом вызывает опасное отравление человеческого организма. Никому не рекомендуется наступить на краба, и надо очень остерегаться шипов безобразного «морского черта». Подводный спорт требует закаленного здоровья, смелости, выдержки и большой осторожности всегда и везде!

Но тем увлекательнее задача — сообщить науке новые данные о необъятном подводном царстве. Тем радостнее возможность входить в этот сказочный мир с фотоаппаратом или кинокамерой в руках!

Р. Канделаки

Зубы во рту держатся крепко. Чтобы их выдернуть, нужно приложить большую силу. Здоровый зуб не качается. Если закачался, двигается — значит, он скоро выпадет. А вот у змей и некоторых гадюк зубы отгибаются, прижимаются к небу, а во время укуса они выбрасываются вперед. Среди других позвоночных животных больше ни у кого складных зубов нет. Слегка подвижны — могут чуть раздвигаться и сдвигаться — только резцы у некоторых грызунов.

Однажды мне на крючок попалась рыба. Леска так сильно натянулась, что казалось, вот-вот оборвется. Катушка спиннинга медленно подтягивала рыбу. Раздался всплеск, и громадная щука показалась из воды. Мы ее долго рассматривали.

Особенно нас поразила ее огромная челюсть. Я раскрыл пасть щуки. Края ее и небо были усеяны зубами. Я сунул руку в рот, ощупал острые, как иголки, зубы, потянул руку обратно и... рука застряла. Зубы впились в руку.

Я повторил опыт. Рука легко скользила в пасть, как будто в ней не было зубов. Стал вытягивать руку—и зубы появились. Оказывается, крупные зубы щуки пригибались к небу, когда рука продвигалась вперед, и поднимались, не пропуская ее назад. Зубы оказались складными, пружинящими.

Тогда я взял небольшую рыбку, вложил ее в приоткрытый рот щуки и пошевелил. Рыбка быстро проскочила в рот, при каждом движении проникая все глубже и глубже.

Теперь стало понятно, как щука заглатывает живых рыб.

В одном из городских бассейнов жила щука. Я долго сидел на берегу и ждал, когда она станет охотиться. Вот наконец она сделала быстрое движение, и рыбка оказалась во рту головой вперед, а хвостом наружу. Рыбка стала биться, изогнулась и мгновенно проскочила в объемистый желудок хищника. Ни одна хищная рыба не справляется так ловко с добычей, как щука.

А. Рюмин

Содержание

На вкладках:

Рисуют маленькие японцы.
Осень. Цветные фотографии В. Гиппенрейтера.

На обложке:

Саша Кашлев, ученик 6-го класса 721-й московской школы, занимается в автокружке всего лишь один год, но он уже уверенно водит машину. Начальник детской автомобильной трассы Л. В Берман помогает Саше лучше овладеть автоделом.

Фотография М. Халанского.

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе** (заместитель редактора), **В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 06428. Подписано к печати 2/IX 1960 г. Тираж 542 200 экз. Изд. № 1563. Заказ № 2234.
Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

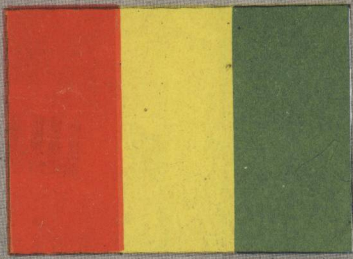
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ПИОНЕРЫ
И ШКОЛЬНИКИ!
Не ходите по железнодорожным путям сами и объясняйте другим, как опасно находиться на путях.
НЕ РАЗРЕШАЙТЕ СВОИМ МАЛОЛЕТНИМ БРАТЬЯМ И СЕСТРАМ ИГРАТЬ ВБЛИЗИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОЛОТНА И НА ПУТЯХ.
Помните, что это опасно для жизни.
Оберегайте себя и товарищей от несчастных случаев.
Министерство путей сообщения.

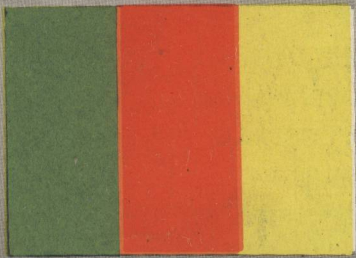
ФЛАГИ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ АФРИКИ

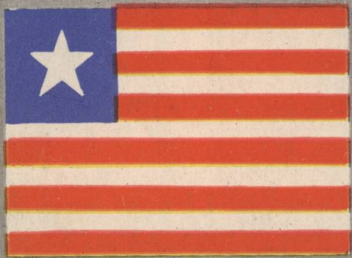
(на 31 июля 1960 года)

Республика Гана

Гвинейская республика

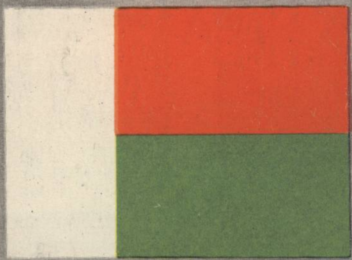

Республика Конго

Камерун

Либерия

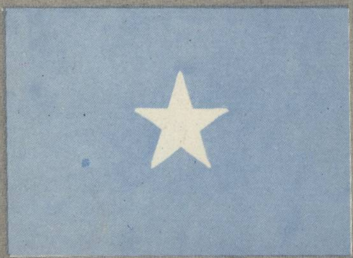

Ливия

Федерация Мали

Мальгашская республика

Марокко

ОАР

Сомалийская республика

Судан

Республика Того

Тунис

Эфиопия